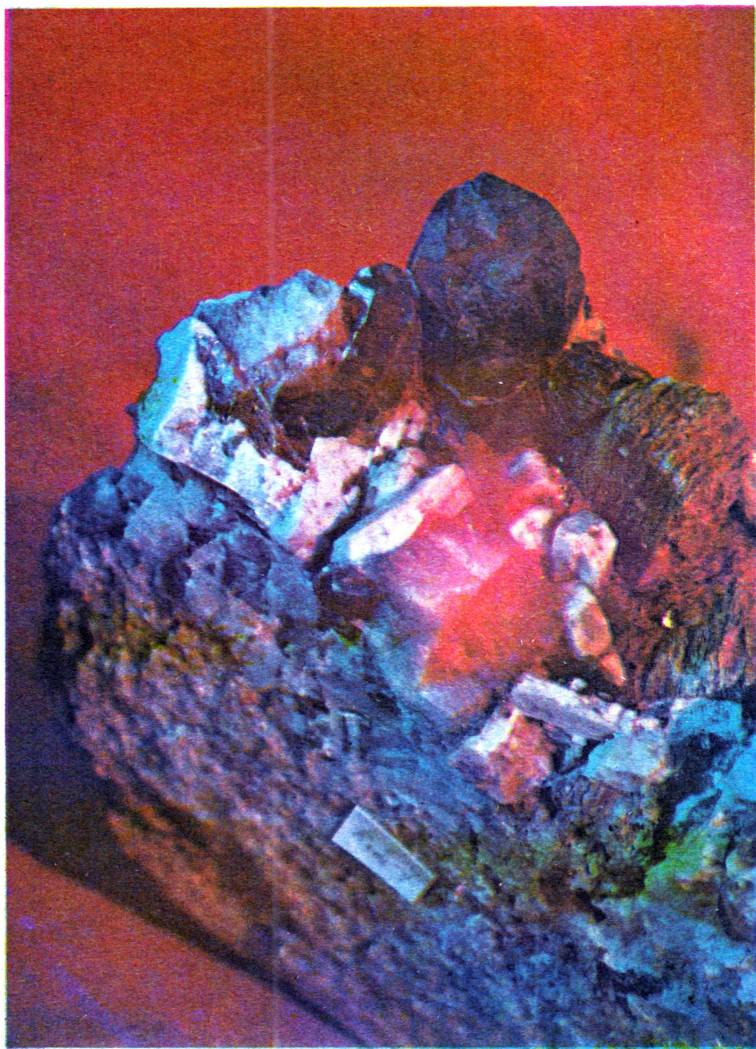

уральский

следопыт

№10 ** 1975

Заявка № 2161

В комиссии по делам первооткрывателей при Уральском территориальном геологическом управлении есть Государственная книга заявок. Она ведется с 1932 года. В эту книгу попадают только самые значительные и интересные находки.

Есть среди заявок и те, которые сделаны ребятами. Под № 2161 зарегистрирована заявка, поданная Ревдинской юношеской геологической партией, которой руководит Юрий Николаевич Копытов.

На правом берегу речки Парфеновки, близ станции Крутиха, юные геологи нашли морионы и щетки раухтопазов в пегматите, сростки горного хрусталя с полевым шпатом. Специалисты, побывав на месте, пришли к выводу: находка ребят представляет несомненный интерес. На речке Парфеновке найдено месторождение самоцветов — поделочных и коллекционных.

Геологи ревдинской юношеской партии Оля Соловьева, Рита Малева, Саша Гордилов, Ира Медведева и Миша Соколов награждены почетным знаком ЦК ВЛКСМ, Министерства геологии СССР и Министерства просвещения СССР «Юный геолог».

Г. ЗАЙЦЕВ

Фото В. Холостных

в номере:

Б. Вайсберг	КАКОВ ОН — ЖИВОЙ МОТОР	2
Ю. Липатников	УЧЕНИКИ ПРОШЛОГО ВЕКА	6
	СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	7
Н. Широкова	СЛЕДУЮЩАЯ ПЯТИЛЕТКА — НАША!	8
Г. Кустов	ОСТРОВ ЗАГАДОК	12
Н. Полухин	СЕКРЕТНЫЕ КОЛОДНИКИ	15
Д. Часов	ТАМ, ГДЕ ДУМНАЯ ГОРА	16
Л. Кузьмин	ЧИСТЫЙ СЛЕД ГОРНОСТАЯ. Повесть	17
В. Беднов	У НАС НА СЕВЕРЕ. Стихи	38
Ю. Некрошюс	МОРЕ ВЕЧНО. Стихи	39
В. Пекелис	СОЛНЦЕПОКЛОННИК	41
А. Балабуха	СИНДРОМ ЙЕНЗЕНА. Рассказ	48
	КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	53
Б. Рябинин	КРАСНАЯ МАШИНА	56
А. Матвеев	МЕТАМОРФОЗЫ НАЗВАНИЙ	63
Е. Польских	ВОСКРЕСШИЙ ИЗ МЕРТВЫХ	66
А. Локерман	ЛЕГЕНДА ОСТАЕТСЯ ЛЕГЕНДОЙ!	69
А. Козлов	КОГДА ЖЕ ОНА БЫЛА ПОСТРОЕНА!	70
М. Деменок	В ОТРОГАХ СИХОТЭ-АЛИНЯ	72
Н. Барсов	ВЕЛИКИЙ КАЗНАЧЕЙ В ССЫЛКЕ	77
	МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА.

Технический редактор
Элла МАКСИМОВА.

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:

Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-43

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30/VI 1975 г.
ИС 16557.
Подписано к печати 13/VIII
1975 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,1
Тираж 275 000.
Заказ 405.
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки — рис.
З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1975 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№10 * 1975

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

ЖАКОВ

Борис
ВАЙСБЕРГ

Рисунки А. Лебедева

Когда Ире вручали диплом, она вспомнила, как два года назад получала паспорт — тогда переживала сильнее. Группа была сплошь девчачья. Отметили окончание и разъехались.

Ира с Надей попали в Свердловск, на Уральский турбомоторный завод. Для молодого специалиста приезд на место работы — событие переломное. Для завода — прямо сказать, не выдающееся, рядовое. Нет года, чтоб у нас, на «Турбинке», не появлялось десятка два-три новоиспеченных инженеров и техников. Вот тут-то Ира и почувствовала, что волнуется. Даже больше, чем при получении паспорта.

Вообще молодой специалист — понятие растяжимое, а диплом — штука обманчивая. По себе все это знаю. Прежде чем отошла шелуха теоретического многознания и появилось ощущение более или менее приличной ориентировки в инженерных и производственных делах, прошло не три года, а трижды три.

Специальность у Иры с Надей редкая. Лично я впервые видел техников по планированию машиностроения. Точнее — диплом с такими словами. Очень важная в наше время специальность. Но именно это обстоятельство, как ни странно, сильно омрачило девочкам первые месяцы пребывания на заводе. Особенно Ире Бекетовой.

...Она подъехала с тележкой к станку, погрузила детали. Их здесь называют «рюмками». Действительно, похожи. Когда в цехе жарко и душно, а под руками нет стакана, можно из такой «рюмки» попить газированной воды. Ира отвезла тележку в соседний цех-термичку, написала сдаточную и вернулась на свой участок.

Потом она писала наряды, но их было немного — месяц только начинался. Потом вытерла стол, за которым они с мастером Соболевым сидят по очереди, вместе — тесно. За этот стол в обед шумно усаживаются рабочие — забывают козла...

В общем, ей ужасно не повезло. Сказать — не поверят: дипломированную специалистку поставили комплектовщицей — должность даже не инженерно-техническая, а так — полурабочая.

Девочки пишут из других городов — устроились хорошо, в плановых и производственных отделах. Правда, Надю, с которой вместе при-

ОН-ЖИВОЙ МОТОР

ехала в Свердловск, взяли в управление, она хоть работает по специальности, а вот ей, Ире Бекетовой, приходится детальки возить.

Как-то заболела женщина-токарь, и мастер Соболев попросил Иру поработать за нее. Задание срочное, а деталь несложная. Соболев велел Ире повязать на голову косынку, надеть защитные очки: «Техника безопасности!» Показал, как включать станок и крепить деталь.

— Знаешь, что это за штука?

— Знаю — «пальчик».

Соболев засмеялся, сказал, что это рабочие так называют, а правильно будет: «валик привода топливного насоса».

— Помнишь, по нарядам проходил под номером 310-07? Значит, зажмешь, проточишь здесь и здесь, и все. Очень просто. Сто штук сделаешь — молодец!

Ира обрадовалась: хоть какое-то разнообразие, а то помрешь со скуки. Она работала полсмены. Ручку вверх — завертелся «пальчик», штурвал вправо — резец вперед, ручку вниз — готово!

Потом заболела поясница, очки надавили переносицу. Вообще-то Ире нужны настоящие очки, но она стесняется носить, никому не говорит, что близорука. Она устала, забыла зажать деталь, подвела резец. Скрип и треск! Резец сломался, «пальчик» заклинило. Хорошо еще, что все обошлось, только перепугалась сильно. Обработала тогда половину партии, больше станок ей не доверили, а сама она не просилась. Но при случае теперь перед Надей хвастает: та и вовсе к станку не прикасалась. В техникуме по их специальности практика в мастерских не предусмотрена.

Ну, телепатия: только подумала о Наде, вот и сама она появилась в цех, в гости.

— Идем, я тебе наше хозяйство покажу.

Ира водила подругу по участку, показывала: там токарная группа, здесь — револьверщики, тут — шлифовщики. Разговаривать в цехах трудно, надо напрягать голос и слух.

— Шумно у вас, шумно и тесно.

— У нас еще ничего, а вот там, на зуборезном участке, вообще грохот.

Они вышли к бассейну, сели на скамейку у памятника погибшим воинам-заводчанам: сол-

дат с автоматом на высоком постаменте. Гудел за спиной цех, слепило солнце, бил фонтан из бассейна, рассеивая водяную пыль. Парни прыгали в воду, не глядя на подписи: «Купаться запрещено». Как хорошо было бы, если бы не это дурацкое положение с работой!

— Ну что тебе твой начальник говорит? — поинтересовалась Надя.

— Мы, говорит, тебя никуда не отпустим, у тебя, говорит, дефицитная специальность, погожди немного, скоро переведу в планировщики. А у меня уже жданок не хватает.

Когда Ира рассказывала мне о своем разговоре с начальником цеха, я понял замысел Бессонова. Действительно, планировщик машиностроения — профессия редкая, готовить ее в техникумах стали не так давно. С другой стороны, Бессонов, конечно, понимал, что обладатель диплома — еще не специалист, ему еще предстоит стать настоящим специалистом. А для этого самое лучшее — повариться какое-то время на участке, среди рабочих, рядом с мастерами. После спасибо скажет.

В таком духе я хотел объяснить Ире политику Бессонова, опытного производственника. Но подумал, что сейчас она меня не поймет. Сейчас Ира была сердита на весь свет.

...— Ладно, Ирка, — сказала Надя. — Все будет хорошо. Иди в цех, вон тебе твой Соболев машет.

...Ира — крепкая, рослая. В баскетбол играла — из-за зрения бросила. Круглое, добродушное лицо. Куртка, тельняшка, брюки — такой я впервые увидел ее в механическом цехе. Заметил: одежда рабочая, но слишком чистая, в деле не бывала. И вообще, Ира вся еще не трудовая какая-то, непроизводственная, что ли.

Прав, прав начальник цеха: ну как сразу доверить такой молодой девушке планирование производства большого и сложного цеха! Пять участков, пятьсот рабочих. Одной номенклатуры около тысячи наименований. И о каждой детали необходимо знать все: маршрут движения, порядок операций, место хранения. А детали ходят не только по своему цеху, но и по чужим. Пусть-ка Ира все это ножками обойдет, ручками пощупает — тогда ей как специалисту цены не будет.

Когда в свое время я был членом совета молодых специалистов, нам часто приходилось иметь дело с молодыми техниками, оказавшимися на рабочих местах. Многие терялись, не находили себя, считали себя обиженными, порой жаловались. Другие понимали, что так, снизу, они лучше вращаются в заводскую жизнь. И когда их потом переводили на техническую должность, они, в отличие от тех, кто просто пересел со студенческой скамьи за конторский стол, легче ориентировались в сложной производственной обстановке.

Помню, уже тогда, десять лет назад, часть техников трудилась на рабочих местах, на сложном оборудовании или на ответственных участках, скажем, наладчиками. Нынче не сравнить — оборудование пошло новое, современное, станки с ЧПУ — числовым программным управлением. С самого начала эти машины рассчитаны на специалистов высокой квалификации. Для иных станков уже и техника недостаточно, им инженера подавай.

Впрочем, Иру эти рассуждения не касаются — она и на простом-то станке не сумела справиться. Ее готовили к особой профессии планировщика, и практику она проходила, сидя за конторским столом.

Она пожаловалась мне, что увязла в общественных делах. И в редколлегию стенной газеты ее выбрали, и в комсомольское бюро, и в художественную самодеятельность вовлекли. Старые производственники говорят про молодых специалистов: особо не загружены, время есть, семьи нет — пусть побегают для коллектива. Вот и это имел в виду начальник цеха Бессонов — пусть Бекетова вырастает покрепче в цех.

...Из управления Ира вышла другим человеком, чем вошла полчаса назад. Вот и все, кончилось ее неопределенное положение. Молодчина, Надежда: когда в ее отделе освободилось место техника, замолвила за подругу словечко перед своим начальником. Тот сразу же вызвал Иру.

Начальник отдела говорил с Ирой ровно три минуты. «Специальность? Что кончила? Где работала?» И велел написать заявление, чтобы отпустили из цеха.

В своей рабочей куртке и тельняшке Ира бродила по просторным этажам управления. Улыбалась: здесь она будет работать. Как чисто и как тихо. Она прошла мимо галереи с фотографиями заводских лауреатов Ленинской премии, Героев Труда, орденосцев. Какие все солидные, симпатичные. Мелькнуло знакомое лицо: ба, да это же ее Алексей Александрович! Ну, конечно, вот написано: «Мастер цеха М-5 — Соболев А. А., кавалер ордена Ленина». Не узнать его — представительный мужчина, при галстук. А в жизни — лысенький, хлопотливый.

Говорит: «Склероз, Ирина, одолел. Раньше все помнил, теперь без блокнота ни шагу». Хороший он, Сей Саныч! «А знаю ли я его?» — вдруг мелькнула неожиданная мысль.

...Я увидел Иру, когда она с задумчивым видом стояла у галереи. Нам было по пути в завод, цехи наши рядом. Она расспрашивала меня о Соболеве, я рассказал, что сам знал. В войну Алексей Александрович работал на этом же участке. Точил шестерни для моторов, которые ставили на станки и самоходные пушки. Руководил фронтовой бригадой. Что это такое? Это значит, что бригада становилась на особое положение: задание — как приказ, ответственность — как на фронте. Писательница Маризтта Шагинян приходила на участок Соболева. После он читал в книжке: «Непонятно, как эти люди работают, они почти не отдыхают».

По тому, как Ира слушала, я чувствовал, что ее это волнует. Ни тени обычной иронии не было на ее круглом лице.

— А я сейчас заявление буду писать, — задумчиво сказала она. — В отдел перехожу.

Придя на участок, она протиснулась в конторку, сказала Соболеву, что переходит в управление. Он не удивился, будто ждал этого. Попросил напоследок выполнить просьбу: выписать из рабочего журнала сменные задания. Ира листала журнал, куда рабочие записывают, сколько и каких деталей они сделали.

«...Антощенко — вырезка текстолитовых заготовок, 200 штук...»

Вот он стоит, Валера Антощенко. Хороший парень, старательно опиливает заготовки. Первый раз, когда увидела его в работе, даже испугалась: нос и рот у Валеры были повязаны марлевой салфеткой, одни глаза были видны, пахло горелым текстолитом, а он спокойно стоял в этом дыму и управлял станком, вырезал себе и вырезал заготовки.

«...Никитин — револьверная обработка деталей номер такой-то, 300 штук...»

К Николаю она частенько подходит, он — комсорг. Обычно выключит станок, послушает ее, кивнет и — опять за работу. Но в работе Ира толком и не видела его. А ведь он, кроме того, что комсорг, еще и лучший молодой токарь района.

Так она перебрала всех рабочих, потому что каждый непременно записывает выработку в журнал. Потом аккуратно вырвала из журнала чистый листок и написала:

«Начальнику цеха т. Бессонову И. А. Прошу отпустить меня в производственный отдел...»

Затем поднялась на второй этаж. Бессонов прочитал заявление, вздохнул:

— Милая моя, опять за рыбу деньги! Ты пойми: в управлении и без тебя полно специалистов. Не хочется тебя обижать, но и отпустить не могу. — Последние три слова он начертил

в уголке заявления. Снова вздохнул и вдруг засыпал ее странными вопросами:

— Сколько у нас в цехе молодых специалистов, знаешь?

— Человек пять, а что?

— Просто так. А сколько нормо-часов планируют вашему участку?

— Не помню... Кажется, тысяч десять.

— Ладно. Ну а дизель живой ты видела?

— Нет... А зачем?

...Ира вышла от Бессонова, не зная, радоваться ей или печалиться, что отпустить ее не могут.

Только на следующее утро, в гардеробной, переодеваясь в рабочую одежду, Ира сообразила: Бессонов же ее экзаменовал! Все эти вопросы про нормо-часы, про живой дизель не имеют ровно никакого отношения к ее заявлению. Когда пишут положительную резолюцию, много не говорят, а когда отрицательную — тут совсем другое. Он же ей намекал: мол, так много времени имела и так мало узнала. И насчет молодых специалистов — Бессонов просто воспитывал ее, но и этого она тогда не поняла. На пятьсот человек всего четверо молодых с дипломами — Ира уже после разговора с начальником узнала. Считается, что каждый специалист несет с собой культуру, знания... А она... Стыд какой!

Переодеваясь, Ира смотрела на женщин, неспешно переговаривающихся о своих домашних делах. Вчера она мысленно распрощалась с ними, теперь как будто снова встретилась.

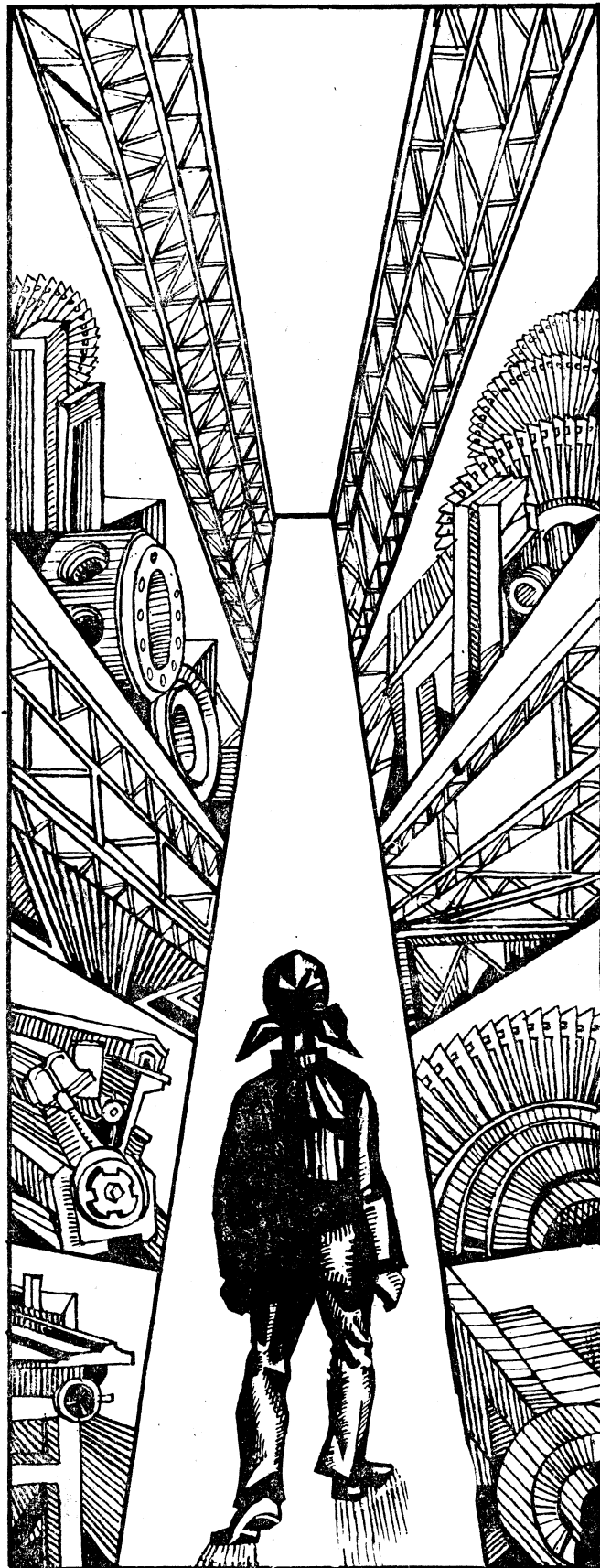
В конторке уже сидел Соболев, писал задания рабочим. Как Ира ни старалась раньше Соболева придти на работу, ей это не удавалось. Конечно, у него шестьдесят рабочих, каждому скажи задание, если даже по минуте — и то уже час нужен.

Соболев сказал, что уже знает о резолюции Бессонова. Правильно делает начальник цеха — так и надо готовить кадры ИТР.

— Вот тебе, Ирина, задание, даже два: оформи в термичку детали и возьми в ПДБ плановые цифры на месяц.

При этом интонация у Соболева менялась в зависимости от задания. Умный Сей Саныч отлично понимает: «оформить детали в термичку» — звучит серьезно, а на деле Ире придется просто взять в руки эти мелкие детали и пешочком отнести на закалку. Работа, прямо сказать, не творческая. Он и просил о ней с извиняющейся улыбкой: мол, больше некому. А плановые цифры — это посерьезнее. Здесь можно проанализировать — при желании, разумеется.

Ира пошла в термичку. Как это делается, она в одну из наших встреч изобразила мне пантомимой — даром, что ли, в художественной самодеятельности: «Левую руку так, детальки, как дровишки: раз, раз, и потопала». Передала тамошнему диспетчеру, оформила у него сдаточ-

ную и порожняком свернула на сборку. Оказывается, это по пути.

Вот они стоят рядом — дизеля. Такие маленькие, даже не верится, что они могли двигать танки во время войны. На табличке написано: 500 лошадиных сил. Вот это да! А вон тот самый «пальчик», который она когда-то точила с горем пополам! Ну да, валик привода топливного насоса.

В ПДБ пришла в приподнятом настроении. Ей дали планировочную ведомость, но она не спешила уходить, как раньше. Будто невзначай спросила у пожилой женщины, сколько нормочасов планируют цеху.

— Нам не в часах, нам в дизелях дают план.

— Но наш цех не собирает дизеля!

— Верно, зато мы знаем, из чего они состоят, и пересчитываем на часы. Скажем, дают нам план: столько-то дизелей типа В2. Видела живой мотор?

Ира кивнула, не уточняя, что видела его впервые всего лишь несколько минут назад. Теперь ей было понятно объяснение планировщицы: на один дизель идет 12 поршней, 24 выпускных клапана, 24 выхлопных, топливный насос и так далее. Трудоемкость в нормочасах каждой детали заранее известна, вот так и обсчитывается вся программа цеха. «Как просто», — подумала Ира.

...Недавно я позвонил ей на участок. В трубке стоял сплошной гул — работали станки. Словно там, в цехе, шел бой. Я попросил Иру зайти после работы к нам в отдел, в тишине поговорить.

— Что вы, сегодня не могу, работы много!

Как же я забыл! Конец месяца, в цехах и вправду сейчас идет штурм, закрывают план. Ира, наверное, пишет наряды, оформляет сдаточные, бегаёт в термичку.

Скоро штурмовщине должен прийти конец: завод переходит на АСУП — автоматизированную систему управления производством. И первым переходит — я обрадовался, когда узнал — пятый механический цех, где работает Ира Бекетова.

— Хочешь, я покажу тебе ИВЦ — информационно-вычислительный центр? Это в нашем корпусе, на третьем этаже. Здесь будут обрабатываться все цифры для АСУП, и по вашему цеху тоже.

— Ой, я уже была там вчера, все видела, очень интересно, спасибо! Я уже много повидала за последнее время. А сейчас мне некогда, я кладу трубку.

Загудели короткие сигналы. Я подумал: кажется, все становится на свое место, это хорошо. Очень даже хорошо.

УЧЕНИКИ ПРОШЛОГО ВЕКА

Государственная сеть технических училищ начала складываться в нашей стране в 60—70-е годы прошлого века. Ранее были лишь частные и ведомственные технические школы. В каком состоянии была эта сеть курсов, школ и училищ, можно узнать из доклада организационного комитета съезда по техническому и профессиональному образованию, который состоялся в 1890 году.

Профессиональных школ было тогда во всей России — сто двадцать шесть. Учащихся в них — менее пяти тысяч. На первом месте — слесарное дело, затем шло столярное, сапожное и переплетное.

В пяти технических училищах общеобразовательный курс соответствовал средним учебным заведениям. Это было лодзинское высшее ремесленное училище, иркутское, московское, омское и уральское — кунгурское училище. Как видим, росток этой идеи — совместить обучение специальности с образованием в объеме средней школы — появился давно и теперь это стало основным направлением профессионально-технического образования.

Ученики того времени, кроме классных занятий, работали в механических мастерских и занимались в лабораториях. В свободное время осматривали заводы и фабрики. Самым старшим из этих училищ было московское комиссаровское, основанное в 1865 году. Оно готовило техников по механическому делу. Треть выпускников этого учебного заведения продолжили образование в институтах.

Кроме сих пяти училищ было к концу века еще около тридцати школ с общеобразовательным курсом (в объеме городских, уездных и сельских двухклассных училищ). Здесь готовили заводских мастеров, «низких» механиков и чертежников. До начала 1890 года в них окончило полный курс более полутора тысяч человек.

Значительно больше было ремесленных училищ с курсом начальных школ — около ста. Тут готовили рабочих и мастеров кустарной промышленности. Ежегодный выпуск — две с половиной тысячи человек.

Разумеется, хотя государственная сеть училищ и расширялась, укреплялись школы ведомств. У Министерства путей сообщения было три десятка училищ. Они выпускали техников для службы не только на железной дороге, но и на «шоссейных и водных путях сообщения». В этой системе школ имелись и мореходные классы. Начало их «положено в 1786 году учреждением городской водоплавательной школы в Петербурге».

Но все это — учебные заведения для юношей. Женские профессиональные школы начали возникать лишь в восьмидесятые годы девятнадцатого века. Первая из них — петербургская школа Коробовой, где готовили «подмастерий портных и швей, а также учительниц рукоделий и ремесел». Таких школ с трехлетним курсом обучения позднее было уже пятнадцать. Шесть из них в Петербурге, в Москве и в Тифлисе. Большинство учениц в них обучалось кройке и шитью, остальные «деланию цветов». (Каким удивительно бедным был набор женских профессий!). Только в некоторых из этих школ «встречаются ученицы исключительно крестьянского и мещанского сословия, тогда как в других находится много девушек привилегированного сословия». В петербургской школе, например, из ста восьмидесяти учениц было пятьдесят дворянок.

Не стоит подробно сравнивать редкую для необъятной России сеть технических училищ с современной системой профтехобразования. Лишь две цифры: в конце прошлого века в России было столько же училищ, сколько их теперь лишь в одной Свердловской области — сто двадцать шесть.

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

• **Студенческий политбатальон**

На втором году Великой Отечественной войны были организованы в Свердловске курсы заместителей политруков: готовились новые военно-политические кадры из вчерашних студентов. Но обстановка на фронте «предписала» студенческому батальону иную судьбу: уральский политбатальон в полном составе был отправлен на Крымский фронт и как самостоятельная боевая единица вступил в свой первый бой под Керчью. Большинство его бойцов, отбивая атаки врага, навсегда остались в Аджимушкайских каменоломнях...

Немного их осталось после керченского крещения. Война разбросала их по разным фронтам. Мирная жизнь — по разным городам. Спустя 33 года студенты Свердловского горного института разыскали девять бойцов политбатальона. Нынешние студенты хотят найти всех оставшихся в живых, восстановить имена погибших — тех, кто в 1942-м оставил студенческую скамью и был призван войной.

• **Пишем историю рудника**

• **Находки в старой крепости**

• **Кто отвечал барону?**

Рудник — рядом. Можно сбегать туда, когда захочется. Но многое ли камни расскажут? Правда, знаменитые Гумешки описаны в сказах П. Бажова. Но у рудника столько тайн! Спросите у ребят из 7 «а» 18-й школы города Полевского — они расскажут такое, о чем сами вы никогда бы не узнали.

Расскажут об уральских рудознатцах Сергее Бобине и Кузьме Сулееве — как они нашли медную руду и отправили образцы начальнику Сибирского приказа: с тех пор, с 1702 года, и появились на свет Гумешки. Расскажут о богатствах рудника — малахите, медной лазури и медной зелени, красной руде. И о том, как хозяйничал на руднике Турчанинов-заводчик, как гудел рудник забастовками в 1905 году. И о том, как в 1919-м пролили здесь смерть в одной из затопленных шахт от руки белогвардейцев красный командир А. Ялунин и артиллерист Н. Широкий...

Нет, не только со слов уральского сказителя Бажова знают полевские ребята свои места. Они знают всю историю рудника за два века его существования.

Следопыты сельского профессионально-технического училища № 5 из города Красноуфимска Свердловской области бывали во многих походах. На этот раз удача дала в их руки редкие находки: на развалинах старой крепости обнаружены двухпудовая сигнальная пушка, пищали, секиры, сабли. Крепость, именуемая Красноуфимский Яр, была в 1774 году разрушена отрядами Емельяна Пугачева — здесь проходил путь яицкого атамана, в этих краях Пугачев соединился с отрядом Салавата Юлаева. Судя по дате, выбитой на корпусе

пушки, сделанной, как установили ребята, в старину местными оружейниками, все эти находки относятся к пугачевским временам.

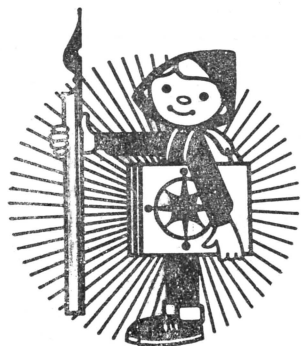

Небезызвестный Маннергейм, пытавшийся блокировать в 1941 году советский Балтийский флот, обратился к защитникам Гангута: дескать, сопротивление бесполезно... Ответом ему была листовка, написанная в духе письма запорожцев турецкому султану: «Сунешься с моря — ответим морем свинца! Сунешься с земли — взлетишь на воздух! Сунешься с воздуха — вгоним в землю! Мы придем мстить... До встречи, барон!»

Вместе с другими защитниками военно-морской базы Гангут на полуострове Ханко стояла насмерть батарея капитана Брагина. Брагинцы уничтожили семь вражеских батарей, десятки дотов и казарм, более ста катеров и шлюпок.

Смертью храбрых погиб отважный капитан. Но не дали гангутцы продвинуть врагу в глубь нашей территории.

Из поколения в поколение передается рассказ о подвиге защитников Ханко. Не забыт и Виктор Андреевич Брагин. Помнят о нем в родном городе Кизеле, в школе № 8, где он учился, в школе № 224 города Ленинграда, где следопыты собирают материал о гангутцах.

следопытская

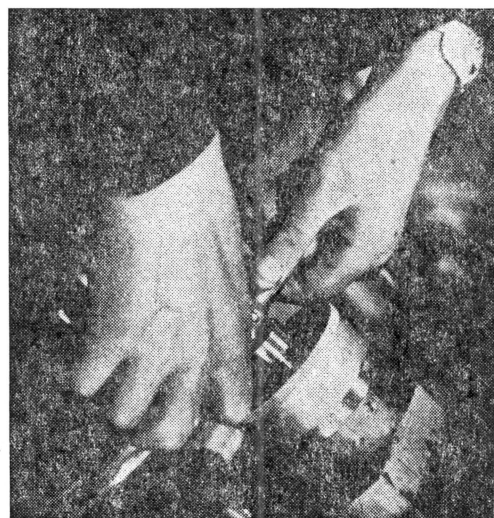
ХРОНИКА

СЛЕДУЮЩАЯ ПЯТИЛЕТКА—

Нина
ШИРОВА

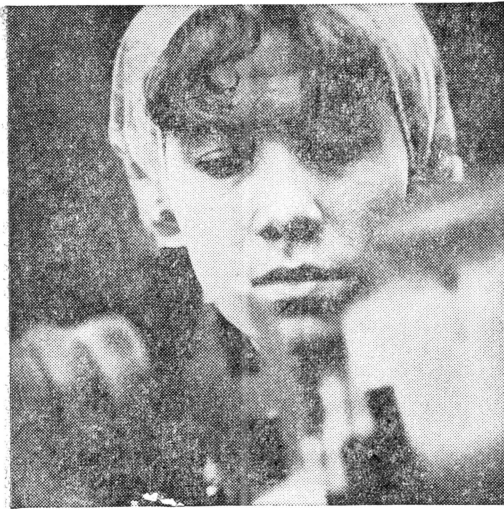
НАША!

Есть такая остановка в нашем городе: «Техническое училище». Для трамваев, троллейбусов. В самом рабочем районе Свердловска. И всегда много на ней рабочего люда; не смотрите, что роста небольшого — мальчишки да девчонки... Это завтрашняя рабочая смена. Здесь начало их большого трудового пути.

Смешливый паренек Олег Бабаев (он на большом снимке слева) — будущий токарь-универсал. И все другие воспитанники Свердловского технического училища № 1, пройдет год-другой, станут фрезеровщиками, сборщиками, киповцами, кузнецами. Но это — завтра.

А сегодня — уроки, практика, экзамены. Вопросы-ответы... Первое знакомство со станком... Пока эти юные руки точь-в-точь выполняют указания мастера, но очень скоро они станут управлять станком самостоятельно и уверенно. Для тех, кто освоил токарное дело, есть настоящая

Фото
А. Лыскова

работа: в училище ребята сами собирают и выпускают токарные станки. В учебных кабинетах, лабораториях, мастерских, оснащенных хорошим оборудованием, будущие рабочие осваивают целых десять специальностей.

Прекрасная штука — открытый экран, где в кадре показываются мельчайшие подробности работы механизмов станка, или цифровые таблицы, с которых так хорошо «фотографирует» память. Но слово учителя и наставника было и будет главным: преподаватель электротехники, заслуженный учитель РСФСР Борис Михайлович Кудрявцев, как и другие, расскажет своим ученикам все о своей профессии — от азов до секретов.

Всем этим ребятам предстоит окончить училище в самом начале следующей пятилетки. Они получат специальность, придут в цеха машиностроительного завода, станут к станкам — и новая пятилетка начнет отсчитывать их рабочий стаж.

ОСТРОВ ЗАГАДОК

Переоценка тайн.

Легкие гиганты.

Попутного течения!

Атлантид — уйма.

Остров Пасхи — туристский рай

**Геннадий
КУСТОВ**

Рисунки
С. Малышева

Сибирский ученый доктор геолого-минералогических наук Ф. П. КРЕНДЕЛЕВ посетил остров Пасхи на научно-исследовательском судне АН СССР «Д.м. Менделеев». Недавно Ф. П. Кренделев сдал в издательство большую работу «Остров Пасхи: геология и археологические проблемы». Мы обратились к автору, геологу, с просьбой ответить на несколько вопросов по археологическим проблемам острова Пасхи.

— Прошло уже два с половиной века, как европейцы открыли остров Пасхи. Почему по сей день к нему приковано внимание ученых?

— Причин много. Во-первых, поражают масштабы и количество археологических объектов, сосредоточенных на столь малой площади (168 кв. км) острова. Руины ритуальных площадок (аху) встречаются в 114 точках острова; гигантских статуй (моаи) насчитывают от 200 до 600; известны пещерный город Оронго, и так называемый «ров длинноухих», и многочисленные тайники и пещеры, а также каменоломни.

Во-вторых, это загадочная история открытия острова. В испанских хрониках XVI века первооткрывателем назван 22-летний кавалер Альваро Менданья де Нейра, якобы видевший остров, а может быть, открывший совсем другие острова Соломонова архипелага в 1567 году. Через 100 с лишним лет легендарный флибустьер сэр Дэвис (1687) как будто открыл материк, исчезнувший самым загадочным образом. Поиски Земли Дэвиса в Южных морях, мечты о Терра Аустралия привели в конечном итоге к открытию многих островов, в том числе острова Пасхи, Тасмании, Новой Зеландии, целых архипелагов и даже Австралийского материка.

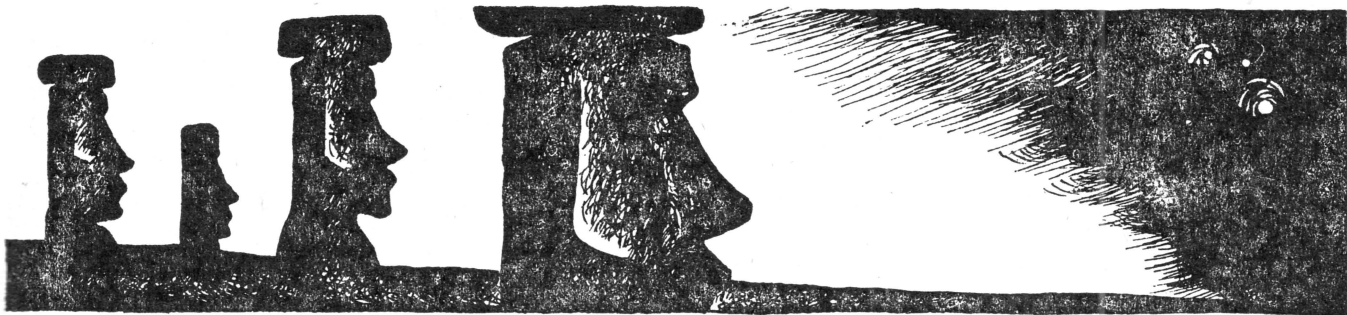
В-третьих, это единственный из островов Тихого океана, на котором обнаружена письменность — знаменитые говорящие дощечки «кохау-ронго-ронго».

В-четвертых, остров лежит в зоне переменных ветров и разнонаправленных течений. К северу от

него проходит зона устойчивых пассатов, дующих с востока на запад и совпадающих с экваториальным течением. Этими потоками воспользовался Тур Хейердал, пересекший океан на плоту. К югу от острова Пасхи проходит зона западных ветров и течений, используя которые, Эрик Бишоп с неподготовленной командой, на обыкновенном плоту пересек океан с востока на запад, пройдя мимо острова Пасхи. Все это вызывает неутраченные споры о путях заселения острова. Могли ли «мореплаватели солнечного востока» идти под парусами против ветра? Анализ карты течений и ветров показывает, что океан можно пересекать в любом направлении, пользуясь попутными ветрами и течениями. Океан с его бесчисленными островами и вихревыми течениями смело можно уподобить модели Вселенной. Так надо ли пересекать течения и ветры? Не проще ли использовать их для достижения цели? Кстати сказать, в одной из легенд о Хоту Матуа, отплывшем из далекой Маори, точнее из Марара-Ранга, именуемой Хива (такой остров есть в системе Маркизских островов), содержится ясное доказательство того, что его пироги уходили далеко на юг в холодные широты, достигали южных морей, где водятся гигантские рыбы-киты, а потом поворачивали на север в виду огнедышащих гор и бурного моря (Огненная земля?). И, таким образом, плывя с запада, первобытные мореходы подходили к острову Пасхи с востока.

Пятая причина в том, что в этническом составе населения встречаются признаки самых различных рас: полинезийцев, маланезийцев, малайцев, европеоидов и других народов. На острове побывали представители разных наук, и каждый из них решал загадки своими методами. Выводы ученых разных наук оказались противоречивыми. Например, наши геологические наблюдения во многом опровергают выводы Т. Хейердала. Мы занимались на острове составлением геологической карты, изучали строение этого сложного вулкана, проводили исследования в прибрежных водах, вели экологические промеры глубин, исследова-

ли донные осадки вокруг пупа Земли. Именно поэтому наши выводы относятся главным образом к геологическим задачам.

Шестая и, по-моему, главная причина в том, что остров Пасхи располагается в уникальной геологической обстановке: на пересечении зоны Восточно-Тихоокеанского поднятия с зоной разлома, трансформируемого хребтом Сало-и-Гомес. Этот разлом пересекает величайший подводный хребет мира.

Можно указать и другие причины, но и сказанного достаточно.

— Как на острове появились великаны, и это ли главная тайна острова!

— Думаю, что не это главная тайна. Для меня интерес в том, из чего состоят статуи. В огромности статуй (самая большая незаконченная из них имеет высоту 23 м) многие видят размах фантазии, видят тайный смысл, даже следы космических пришельцев. Я думаю, что разгадка здесь проста. Породы, из которых изготавливались гиганты, очень рыхлые, легкие, пористые. По существу, это пемзы, которые легко режутся пилой, а при ударе не раскалываются, а сминаются. Природа сама подготовила материал для изготовления истуканов. Пемзы и туфы образуют слои разной толщины, и эти слои разбиты трещинами на блоки. Древние ваятели выбирали подходящий блок и обтесывали его, делая похожим на человека. Крупные гиганты появились потому, что пасхальцы не умели перерубать блок, у них просто не было инструмента и сноровки. На острове очень много незаконченных, заброшенных статуй. Их бросали в том случае, если в блоке появлялся ксенолит, сложенный очень твердыми породами. Из них-то и делали каменные рубила. Исследование состава ксенолитов представляет важнейшую задачу наук о Земле. Такие камни вулканы выбрасывают при извержении, захватив их на больших глубинах. Жерла вулканов острова Пасхи — это окна, с помощью которых можно заглянуть в недра. В ксенолитах хранится ключ к разгадке состава земной коры под океанами.

Почему истуканы появились именно на острове Пасхи? С моей точки зрения: здесь имеются подходящие горные породы, поддающиеся обработке с помощью каменных орудий. Сходный состав пород присутствует еще несколькими островами. В Тихом океане — это остров Робинзона Крузо, заросший лесом, Питкерн, Раивавае, Новая Зеландия. На Питкерне и Раивавае статуи тоже найдены, на остальных — могут быть найдены. На островах, сложенных плотными базальтами, статуи не встречаются, этот камень трудно поддается обработке даже современными орудиями. В Индийском океане такого же состава породы встречаются на Кергелене и Элефанте, близ Бомбея, где известны отличные статуи, но отделка их изящнее, так как выполнялась с применением железных орудий.

— Французский ученый Жюль Сезар Дюмон-Дюрвиль считал, что остров Пасхи некогда представлял материк, населенный могущественным и культурным народом. Удалось ли кому-нибудь из ученых опровергнуть или доказать эту гипотезу!

— Гипотеза Дюмон-Дюрвиля о существовании материка была чисто умозрительной. Впоследствии ее развил Макмиллан Брун. Он предположил, что малочисленный и слабый народ не смог бы вырубать, свозить в одно место и водружать на постаменты крупные статуи. Считалось, что истуканы каменные, следовательно, тяжелые, трудные в обработке, а существовавшее в прошлом веке население уже было малочисленным и низкорослым. При этом как-то позабылось, что моряки парусных судов ухитрились погрузить на корабль и увезти в музей довольно крупные статуи. Французы попросту отпилили двуручной пилой голову гиганту и увезли ее в Париж. Гигантские статуи на острове редки, а самая большая даже не отделена от коренника. Но такова уж сила воображения. Существовали гипотезы о материке, об архипелаге, о том, что остров Пасхи — мекка южных морей, куда свозили усопших вождей вместе с памятниками со всей Океании. Основа гипотезы — пред-

положение, что для больших статуй необходима высокая культура. Доказать эту гипотезу невозможно, а опровергать ее нет смысла, потому хотя бы, что все статуи выполнены из пород, которые залегают только здесь, и практически для каждой можно точно указать конкретное место изготовления. Такие догадки следует отнести к серии «воспоминаний о будущем» и мало имеющих отношение к науке. Ближе к истине подошел контр-адмирал Н. Н. Зубов. Он предполагал наличие цепочек островов, соединяющих Галапагосы, Гавайи, остров Пасхи с материками. Здесь ошибка только в том, что подводные хребты протягиваются в меридиональном направлении, а не по широтам, как это предполагал Н. Н. Зубов.

— Многие ученые считают, что раньше была гигантская суша, которая тянулась от Японии, через Гавайи до Калифорнии и включала остров Пасхи, и что на этом острове вплотную к берегу подходят мощные дороги. Они внезапно обрываются на берегу. Быть может, они продолжают на дне и там, под водой, можно найти статуи...

— Затонувшие материки уже более двух тысячелетий волнуют воображение. Все началось с легендарной Атлантиды. По аналогии с ней и в Тихом океане стали искать затонувшие континенты. Подробное изложение этого вопроса есть в очередной книге А. Кондратова «Загадки великого океана» (1974). Если все эти материки и архипелаги — Пацифиду, Меланезиду, Лемурию, Му, Гавайиду, Берингию, Алеутию, Андицию, Тасманиду и многие другие нанести на единую карту, то окажется, что Тихого океана совсем недавно не существовало и всюду была суша. Аргументы тут разные. Для Берингии выдвигается тезис: эскимосы и чукчи похожи по образу жизни, на Чукотке и на Аляске встречаются кости одинаковых животных (олений, мамонтов), следовательно, существовала суша-мост. Как будто эскимосы вместе с оленями не могут перейти пролив по льду. Современное состояние океанологии и учение о плитной (гло-

бальной) тектонике не оставляют места ни одному из материков и относят их в единую для них область — область фантазии. Достаточно взглянуть на карту распределения осадков на дне Тихого океана. Отличную возможность представляет только что вышедшая монография А. П. Лисицина «Осадкообразование в океанах». Дно Тихого океана на всей площади покрыто осадками мощностью до десятков — сотен метров. Доказано, что такие осадки образуются со скоростью от долей до нескольких миллиметров за 1000 лет. Это значит, что если бы на памяти человечества существовал где-нибудь континент, то за 10 тысяч лет (возьмем произвольно такую длительность истории человечества) с момента его погружения осадки на нем составили бы что-то около 1 см. Но таких участков в Тихом океане нет. Практически нет и погруженных равнин. Дно осложнено гигантскими хребтами, долинами. Участки, лишенные осадков, существуют, но это так называемые рифтовые зоны, узкие щели, по которым идет раздвижение дна и излияние лав, таких, как в Исландии. Остров Пасхи — это трехглавая вершина гигантской подводной горной системы, тянущейся от Антарктиды до Калифорнии. Вдоль склонов хребта осадки очень мощные, многие десятки, а иногда и сотни метров. Особенности геоморфологического строения показывают, что о. Пасхи не погружается, а воздымается уже многие тысячелетия. Об этом говорят ниши волновой эрозии на внешних склонах кратера Рано-Рораку, ныне расположенного в центре острова. Обрывы вулкана Пу-Акатики несут два яруса таких волновых ниш, а пещеры на скалах Рано-Као тоже располагаются выше уровня современного океана. Может быть, какие-то части острова обрушились во время извержения вулкана.

Что касается мощных дорог, то для этого нужны специальные исследования. Очень часто излияния лавовых потоков и застывание базальтов образуют поверхность, сходную по внешнему виду с брусчаткой. И действительно, зачем нужна дорога народу, не знавшему колес. Инки Южной Америки тоже, мне кажется, не знали колес.

Если говорить о статуях, то под водой можно найти статуи в тех местах, где они могли сорваться с крутых утесов во время землетрясений или наката цунами. На острове есть по крайней мере две хорошо сохранившиеся аху с плитами, на которых когда-то стояли моаи. Плиты скатились в сторону моря, а статуи исчезли. Одна точка расположена против островка Маротири, другая на северном окончании западного берега. Но скалы здесь высокие, и статуи могли разбиться.

— Известно ли вам что-нибудь о перспективах исследования острова Пасхи!

— При ЮНЕСКО создан комитет по охране памятников, имеющих международное значение. При нем существует подкомитет по охране и реставрации памятников острова Пасхи, руководит которым Уильям Маррей. Комитет субсидирует работы по раскопкам на острове, по реставрации аху и установке моаи. Это коммерческое предприятие, имеющее целью создать туристский центр на острове и получать доходы. Сейчас на острове построен аэропорт, мотели, проложены дороги для автомобилей, многие статуи поставлены на свои места.

Мне представляется необходимым создать серьезную научную экспедицию, объединившую ученых разных специальностей, что вполне по силам Сибирскому отделению АН СССР. Остров Пасхи — активный вулканический центр, здесь идут современные сейсмические процессы, и есть доказательства того, что на памяти человечества происходили извержения. Для этого достаточно прочесть внимательно легенду о посохе бога Уоке. Проблемы археологии здесь тесно переплетаются с историей, вулканизма. Проблемы острова лежат на стыке этих двух наук, а также этнографии, палеоботаники.

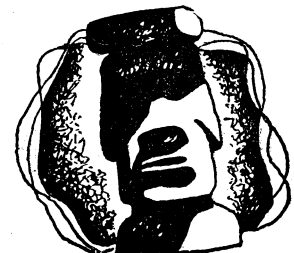
Должен заметить, что пренебрежение данными геологии может привести к серьезным ошибкам. Некоторые из «археологических» объектов или явлений на поверку оказываются естественными образованиями и легко могут быть объяснены геологами. Думается, что Т. Хейердал не избежал таких ошибок. Не разбирая всех спорных моментов — это интересная и большая дискуссионная тема, заслуживающая особого обсуждения! — отмечу только наиболее очевидные.

Норвежская экспедиция вела раскопки так называемого «рва длинноухих», который представляет собой окончание лавового потока с трещинами. Этот якобы оборонительный ров занимает громадное место в расшифровке истории войн между племенами и т. д. Те красные пеплы, которые вскрыты при раскопке, на поверку могут оказаться выветрившимися вулканическими пеплами. Именно так объяснены прослойки красных пеплов при раскопках на Алеутах академиком А. П. Окладниковым.

Тур Хейердал пришел к выводу о четырех стадиях изготовления статуй. Фактически оказывается, что статуи, отнесенные им к разным стадиям, вырублены из пород различного состава. Большинство гигантов стоит на месте изготовления, поскольку петрографический состав

постаментов и статуй совпадает. Это ставит вопрос о необходимости пересмотра масштабов перемещений статуй по острову. Геологическая карта доказывает, что причины востания короткоухих по меньшей мере надуманны. Считается, что длинноухие заставляли короткоухих очищать полуостров Поике от камней, разбросанных по всей поверхности острова. Но на поверку оказывается, что верхний слой здесь представлен вулканическими пеплами, похоронившими эти камни. Следовательно, никто никогда камней не таскал. Тур Хейердал полагает, что гиганты повалили религиозные фанатики, и даже нашел клинья, с помощью которых эта операция была выполнена. Наблюдения за блоками пород показывают, что ось великана только в редких случаях перпендикулярна торцевой грани и, следовательно, гигант не может быть поставлен без клиновидной подкладки. Именно так ставят истуканов при реставрации, только заменяют камень цементной подушкой. Близ каменоломен валяется множество каменных рубил, что дало основание многим археологам прийти к заключению о внезапном прекращении работ. Наблюдение за корочками выветривания с поверхности рубил показывает, что они брошены в разное время, но накопились за долгие годы, так как почва на острове нет, а сквозь камень они провалиться не могут.

Многие недоразумения вызывают споры о путях заселения острова Пасхи с востока, со стороны Перу, или с запада, со стороны Полинезии. Мы уже говорили, что анализ течений представляет возможность прибыть на остров Пасхи практически из любой точки Южного полушария. Для этого надо выбрать подходящий сезон, оценить направление ветров и течений, подобрать хороших попутчиков. У меня такие попутчики есть, и мы готовы доказать сказанное. Думается, что Сибирское отделение АН СССР может организовать такую экспедицию. Это тем более интересно и необходимо, потому что на территории Монголии есть погребения, которые во многом напоминают пасхальские: та же каменная площадка с каменной скульптурой над захоронением. Разница только в масштабах и в составе пород...

СЕКРЕТНЫЕ КОЛОДНИКИ

**Тимофей
ПОЛУХИН**

После подавления пугачевского восстания царское правительство жестоко расправилось с руководителями крестьянского движения. Большинство из них было казнено. И только некоторые, после допросов и пыток, закованные в кандалы, были отправлены на вечные каторжные работы.

Змеиногорская каторжная тюрьма считалась одной из наиболее надежных для содержания «особо важных государственных преступников». В числе первых осужденных туда был доставлен «партии Пугачева казак» Иван Скоркин. Он совершил восемь побегов и был наказан двадцатью тысячами батога и шпицрутен. Змеиногорская каторжная тюрьма с толстыми каменными стенами оказалась последним его пристанищем.

В донесении начальник Колывано-Воскресенских заводов сообщал, что после четырнадцати лет каторги, 20 октября 1789 года, «оний Скоркин помер».

В июле 1775 года в тюрьму доставили пугачевского атамана Родиона Лошкарева, который поднял на восстание свое село Байкаловское и с большим отрядом крестьян примкнул к Пугачеву. Вместе с Лошкаревым в тюрьму заключили двух полковников крестьян-

ского войска — Богомолова и Никитина.

В августе в тюрьму были доставлены закованные в кандалы еще семь пугачевцев. Среди них — полковник Филипп Мартынов и есаул Григорьев, дошедшие с Пугачевым до Царицына.

К началу августа в Змеиногорской каторжной тюрьме находилось одиннадцать пугачевцев. По приказу Екатерины II «секретных колодников» содержали в кандалах и под усиленной охраной, ежедневно гоняли на самые тяжелые рудничные работы.

Мастеровые люди Змеиногорского рудника, как и всех Колывано-Воскресенских заводов, были на положении крепостных, и их жизнь почти ничем не отличалась от каторжной. Они сочувственно относились к заключенным и в середине сентября помогли пугачевцам совершить побег из тюрьмы. Некоторые даже примкнули к колодникам.

Среди бежавших были атаман Лошкарев, полковник Филипп Мартынов, Семен Пономарев, Мартын Андреев. Через полмесяца были пойманы почти все. Иван Зырянов при поимке, как указано в материалах допроса, «зарезался на смерть». В конце декабря 1777 года были возвращены в тюрьму двое последних беглецов — мастеровые Егор Кабанов и Алексей Чернодыров.

Допросы сопровождались самыми изощренными пытками. Окончательный приговор по делу побега пугачевцев из Змеиногорской тюрьмы Кабинет вынес в сентябре 1776 года. Все осужденные были обвинены в заговоре против существующего строя и в «разглашении, будто бы... Пугачев жив и есть у него в Оренбургской губернии войско, разделенное на три партии».

Мартын Андреев был признан «первым зачинщиком по сему злому предприятию». Его обвинили в том, что якобы под его диктовку горный служитель Яков Гурьев «написал и подписал своим именем письмо» пугачевцев к мастерам и крестьянам рудников и заводов Алтая. Всех осужденных на вечную каторгу, перед тем как заковать в кандалы, били «плетями нещадно». А у Мартына Андреева, Родиона Лошкарева, Сулова, Вострова, Кирпишникова и Мартынова после истязания кнутом, вырвали ноздри и поставили на лице клеймо — «ВИУ», что означало вор и убийца.

В общей сложности по делу побега из Змеиногорской каторжной тюрьмы было осуждено 38 человек, в том числе и несколько солдат, охранявших тюрьму.

ТАМ, ГДЕ ДУМНАЯ ГОРА...

Д. ЧАСОВ

На вкладке
эпюды В. Яковлева

Бежит лугом да пред-лесьем река Сысерть, пробирается ложбинами к Исети и, упершись в заплоты, образует на пути своем пруды. Вот он один из них, Ильинский. Не первый год точит вода сван сливной плотины; литые когда-то брусы совсем одряхлели, а держат все еще напор. На чугунной доске надпись: «Перестроено, 1888 год».

Многое повидали эти берега. Текли воды, менялась здесь жизнь, а захочешь представить себе далекую пору — оглянись окрест: так же плескалась вода, так же кромкой желтеющей подходил берег дальний к пруду, и такой же малахитовый покойный лес открывал дали, вселяя в сердце любого, кто видел эту тихую красоту, предчувствие счастья.

Бажовские места!

И сама Сысерть, «пра-матерь» многих заводов уральских, родина писателя, и Азов-гора, и Думная, куда бегал он мальчонкой слушать бывальщину и небывальщину старика Хмелинина, воскресшего потом для новой жизни в поэтическом образе дедушки Слышко, все тут, в одной округе.

«Здравствуй, матушка Сысерть с крутыми берегами!» — так говаривали про Сысерть в старину. Город берет начало свое еще эвон с какой поры — с конца семнадцатого века. Укрепилась и развилась она,

рудная сторона, и дала жизнь другим уральским заводам. — Полевскому, Северскому, Ильинскому... Здесь, севернее Полевского, — знаменитые по меди и малахиту Гумешки.

Услышишь ли, произнесешь ли это слово и встанут в памяти сказы. Герои «Каменного цветка», «Горного мастера», «Серебряного копытца» — все они живут, и события их жизни все сходятся так или этак на Гумешенском руднике или вокруг него.

Да и другие названия этих мест живут своей отдельной жизнью легенд и полубылей.

Порой иное имечко-название в справочнике ли, на географической карте или в дороге встреченное удивит радостно: как? не выдуманно все это — действительно в жизни есть все эти города, волшебные горы, тайные тропы да заброшенные рудники?

Думная гора, Мраморское, Гумешки, Горный Щит, Полевское, Косой брод... Все эти имена — со смыслом да со значением — стоят по сию пору...

Изменилось многое вокруг — богатства, рудники и заводы, которые, как и Гумешки, «для барского кармана самым прибыльным местом считались», давно народу отошли и новую жизнь увидели.

О том, как эта новая жизнь здесь выросла, как Сысерть, скажем, знамени-

тая на всю страну и на весь мир гидромашинами стала, а Полевской славится металлургами и химиками, — про то отдельный разговор надо вести. А вот что сказать сейчас, так это то, что многое от той старины и до наших дней осталось. Не только названия. Где заводская контора старая, где домна, а где и шахта забытая. Вон Средний рудник или Тальков Камень! Сколькo в те поры руды и породы выбрано здесь, а как ушли рудобои, лес подступил вплоть и изменил эти места, и не узнать их. ...Ну, а про Думную гору или Мраморские разрезы или пруды — что Сысертские, что Ильинский — и говорить нечего. Крутые вершины их и берега мало изменились...

Живет художник, особенно если он на Урале родился, в неброском этом, даже порой тускловатом окружении, и вбирает в себя гамму из зеленого, терракотового, голубоватого, — больше всего, пожалуй, зеленого: густого, как тень в болотистом лесу, позвончее, как листья на молодой березе, и совсем светло-зеленого, даже желтоватого, словно водой разбавленного — как лесная опушка или поляна под солнцем. Проникается к тому же ощущением, что сказы бажовские где-то рядом ходят. А краски «Малахитовой» — дело особое: тут и сказка, тут и быль, тут и красота непохожая.

Обмолвился как-то Павел Петрович про сказочного Полоза, что это есть такое — Полоз: — «ведь это, в сущности, отражение заката в горах...»

Вот и дурман-цветок, по коему Данила-мастер силится, да так и не смог цветок свой изладить, колыхнется на ветру и замрет в лучах заката, и не поймешь сразу, то ли окаменели лепестки, то ли камень тебе какой цветком глянулся.

Трудное это дело, каменный цветок сделать! В сказках про него, про камень этот, разное говорят. Одни остерегают; «несчастный тот человек, который каменный цветок увидит», другие, напротив, скажут про таких, как ровно про счастливых: «Им ведь что! Они цветок каменный видели, красоту поняли».

Не эта ли скрытая противоречивая сила не дает покоя художникам, гонит их в постоянный поиск! Может, кто-то уже видел свой каменный цветок, «красоту понял», и теперь уж, верно, потерял покой и все новую и новую радость открыть для себя ищет — остановиться не может. А кто-то еще только мечтает увидеть и тоже покоя не знает.

Еще не один художник пройдет по сказовой тропе и не один раз будет вдохновлен этим, по выражению писателя, «плодоносным воздухом окраин».

ПОЛЕВСКОЕ. ДУМНАЯ ГОРА.

«У караулки на Думной горе хорошо. Даже надоевшая дровяная площадь с длинными рядами полениц и широкими полубочьями воды на перекрестках кажется отсюда по-новому. Видно все — до свалившегося полена и сизых пятен на стоялой воде в полубочьях, но все это уменьшилось, стало игрушечным. Особенно забавны бани по огородам за рекой. Они похожи на карточные домики».

*«У старого рудника»
«Думали они тут целых три дня. Оттого и гора Думной зовется».
«Дорогое имячко»*

ПОЛЕВСКОЕ. МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД.

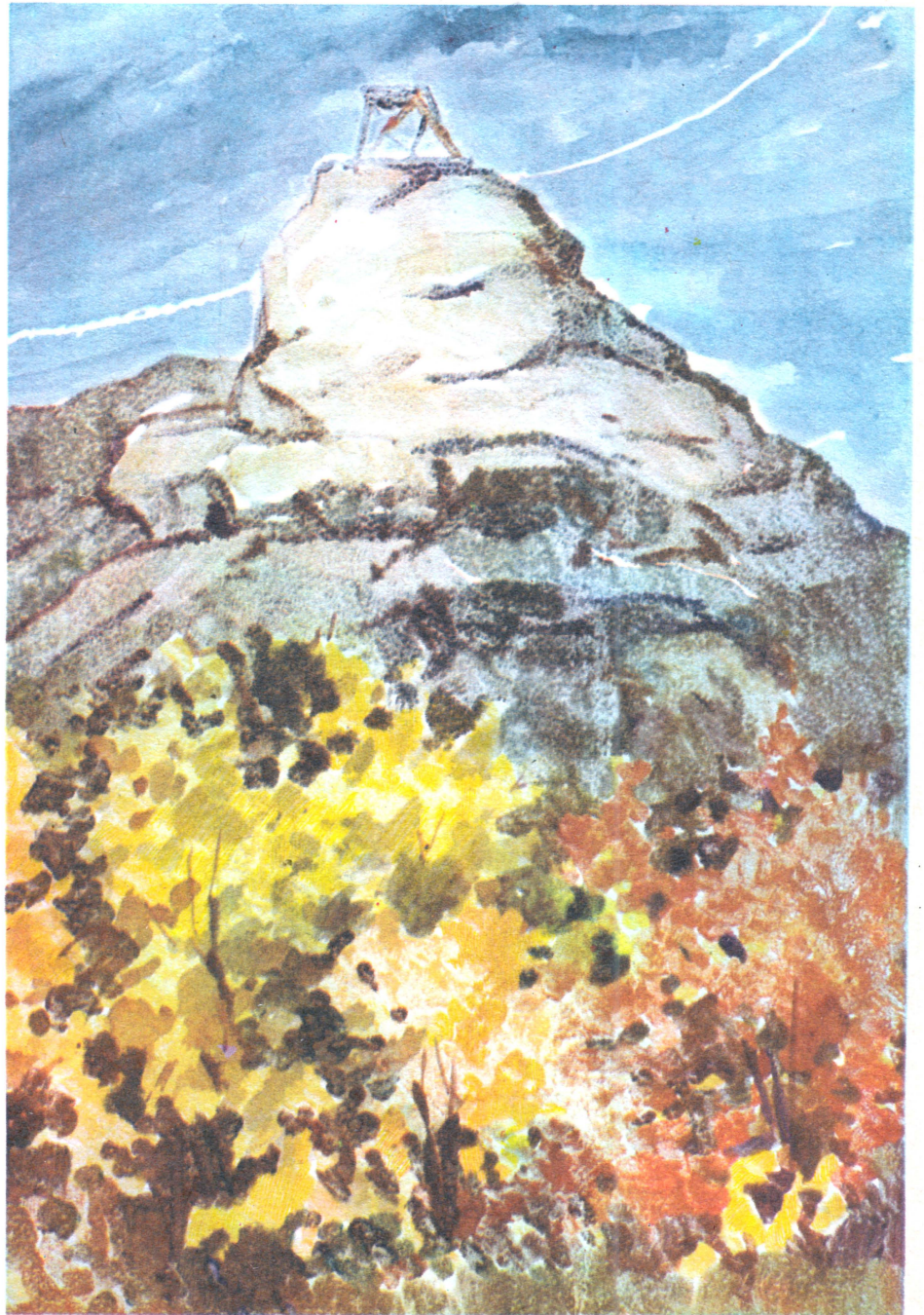
«Нашу-то Полевую, сказывают, казна ставила. Никаких еще заводов тогда в здешних местах не было. С боем шли. Ну, казна, известно... Народу нагнали, завод установили, немцев каких-то навезли, а не пошло дело... Вот тогда наша Полевая и попала Турчанинову...

Загремели наши Гумешки. По всей земле про них слава пошла.

«Две ящерки»

СЕВЕРСКАЯ ДОМНА.

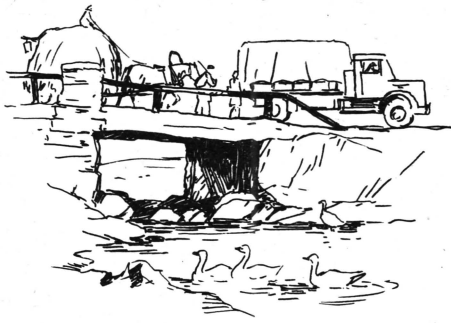

СЫСЕРТЬ. МАРКОВ КАМЕНЬ.

«...есть чуть не в самой середине нашей заводской дачи гора одна — Марков камень. Которые заводские и думают, что по Марку Турчанинову гора прозывается. Любил, дескать, который-нибудь туда на охоту ездить либо еще что. Ну, только это напрасно говорят. Там вовсе, может, ни один Турчанинов и не бывал. Шибко глухое место, в болотах кругом. Не барское дело по этим местам бродить...»

Название горы по другому Марку поставлено... Лет, поди, сто, а то и больше тому делу.»

«Марков камень»

КОСОЙ БРОД. СТАРЫЙ МОСТ.

КОСОЙ БРОД. ЗАТОПЛЕННАЯ ШАХТА.

«У нас ...против сысертского-то житья вовсе глухо было. Железа в ту пору мало давали, больше медь плавил. И деревень в нашей стороне — один Косой Брод. Кругом леса, да горы, да болота».

«Кошачьи уши»

ЧИСТЫЙ СЛЕД ГОРНОСТАЯ

Повесть

Лев
КУЗЬМИН

Рисунки Н. Мооса

Первый снег

Я проснулся, открыл глаза, и вдруг темноватая комната показалась мне просторней и выше. Ее словно за ночь выбелили, как перед большим праздником.

Я осторожно, чтобы не разбудить спящих малышей — Шурку с Наташкой, — соскользнул с кровати на прохладный пол, подошел к окну, и в лицо мне хлынул ласковый свет. Он наполнил весь наш тополиный переулочек: пал белым пухом на землю, на покатые кровли станционного поселка. И за окном теперь стояла такая хрупкая, такая светлая тишина, что на минуту показалось: никакой войны нет и не было... Что вся долгая осень, наполненная тревожными гудками паровозов и гулом воинских эшелонов, — лишь приснилась.

Мне подумалось, что вот-вот на крыльцо взойдет отец, отпчет налипший на сапоги снег, хлопнет дверью и крикнет звонким с мороза голосом: «Ну вот, Ленька, наконец-то дождалсь!»

А мы ведь с ним и в самом деле дожидались этого снега.

В нашем маленьком станционном поселке что ни житель — то охотник. Мой отец брал на охоту и меня. Правда, хаживали мы с ним на промысел по здешним местам легкий: на тетеревов да на рябчиков; однажды заповелевали глухаря — темноперую, весом в полпуда птицу, — а вот о серьезном пушном звере никогда не заду мывались.

Пушной зверь хитер. Для охоты на него нужно время, а у отца времени было всегда в обрез. Мы хоть и жили у самой железной дороги, и наша мама работала там стрелочницей, но сам отец был сельским трактористом. А работа

Лев Иванович Кузьмин родился в 1928 году в деревне Заборино Костромской области. Во время войны работал в МТС трактористом. Окончил Ленинградский строительный техникум. Работал на стройках Кузбасса, в Целинном крае, на Западном Урале.

Первая книга вышла в 1963 году. Автор многих повестей, рассказов, сказок для детей и подростков. Живет в Перми.

у тракториста такая, что отец и ночевать-то домой, особенно в посевную, приходил не каждую ночь. «Ночью трактор бодрее бегает!» — пошучивал он.

И вот мы бы с ним никогда ни о какой пушнине и думать не стали, да сбил старый печник Бабашкин — давний приятель отца и наш сосед.

В конце прошлой зимы, уже по ростепели, отец собрался по какому-то делу в районное село. Печник об этом узнал и явился к нам с небольшим брезентовым мешком. Поклонился маме, кивнул мне, Шурке с Наташкой и спросил отца:

— В охотничий магазин не зайдешь?

Отец сидел у порога на скамейке, обувался и, не подымая головы, ответил:

— Зайду. Купить что-нибудь?

— Не купить, а сдать.

— Беличьи шкурки?

— Хватай выше. Королевских зверьков!

— Как королевских? — удивился отец. Мы тоже удивились, а мама сказала:

— Что это за чудо такое?

— А вот какое... — весело похвастал печник.

Он запустил руку в мешок и выхватил оттуда связку белых, ослепительной чистоты шкурок. Они переливались инеем, и лишь пушистые кончики хвостов были черные, словно обмакнуты в тушь.

Отец как надел один сапог, так в одном сапоге и остался. Он вскочил, прихрамывая подбежал к маленькому ростом Бабашкину, приподняла ладонями невесомую связку, проговорил:

— Ух, ты... В самом деле красота. Это ведь горностаи!

— Они в заграницу идут, — сказал печник. — Их вся заграница для королей да принцесс покупает.

Бабашкин обернулся к маме и всю белоснежную связку накиннул ей на плечи:

— Смотри! Чем не королева?

Мама и взаправду стояла в горностаевых мехах, как королева. А, может, еще и лучше! Карие глаза ее заблестели еще ярче, темные волосы стали еще темней.

Только мама тут же смутилась, горностаев сняла.

— Тоже мне, нашли королеву... из стрелочной будки!

А нам с отцом белые горностаи крепко западали в память. В тайне от мамы решили сделать ей такой вот «королевский» подарок и стали дожидаться новой зимы. Всю прошлую весну и лето шептались с отцом о первом снеге, о голубых звериных следах. А теперь вот первый снег выпал, но отца рядом нет.

Он ушел в самый разгар лета на фронт, и с той поры мы о нем ничего не знаем. Было с дороги одно короткое, свернутое треугольником письмо — первое и последнее...

Я вздохнул и оглядел нашу спальню. Она у нас тесная, отгорожена от большой комнаты дощатой переборкой, в ней две кровати, и на одной спим мы с Шуркой, шестилетним братишкой. А другая кровать мамина и Наташкина. Мама сегодня на ночном дежурстве, и Наташке на широкой кровати раздолье. Ей сегодня спешить некуда: в школе выходной, и первоклашка спит себе, посалывает взапуски с Шуркой безо всяких забот.

Я пощекотал Наташкину пятку, легонько пошлепал Шурку, сказал:

— Вставайте, сони! Зиму проспите.

Шурка повернулся на бок и ясным голосом, будто и не спал, спросил:

— Как медведи, да?

— Как медвежата...

А Наташка дрыгнула пяткой, захныкала:

— Отстань! Я спать хочу.

А я опять ее тормошу:

— Вставай, вставай! Посмотри, что на улице-то...

Наташка смахнула с головы одеяло, села, глянула в окно:

— Ой, мамоньки! Снегу навалило. Зима пришла. Пойдем, посмотрим?

— Пойдем! Заодно дров наколем, печку затопим, супу сварим. Мама вернется с работы, а у нас все готово.

Малыши, толкаясь и хохоча, кинулись в угол к рукомойнику, быстренько позвякали его железным соском, в один миг оделись и уже кричат:

— Айда, Леня! Да скорее же...

На крыльце снег показался еще белее. Он был такой яркий, что у меня сами собой прижмурились глаза. Холодный воздух приятно щекотнул ноздри, после тесной спальни было не надышаться.

Я задержался на крыльце и первым делом глянул в сторону дома Бабашкиных. Раньше печник и его старуха жили совсем одни, а теперь в их доме поселился третий человек, и этот человек мне друг, и зовут его — Тоня.

Тоня старикам Бабашкиным никакая не родственница. Она отстала от эшелона, который вез ленинградских ребят не то на Урал, не то в Сибирь, и отстала в самый осенний холод. Сначала станционное начальство хотело определить Тоню в какой-нибудь детский дом, но старики, как только увидели девочку, так сразу взяли ее к себе, и теперь Тоня учится вместе со мною в нашем восьмом классе.

Раньше у меня был только один-единственный друг — Женька, а теперь друзей двое.

Но с Женькой дружить не так весело, как с Тоней. Тоня всегда — и в школе, и после школы — рядом; а Женька сегодня с тобой, завтра с тобой, а послезавтра — фьють! — и сразу после уроков исчезает, запирается дома, сидит один, что-то сколачивает, мастерит. А что именно ма-

стерит, не скажет, пока дело не доведет до конца.

Я еще раз глянул на дом Бабашкиных, спрыгнул с крыльца к поленнице и потянул на себя сверху сосновый чурбан. С чурбана посыпался снег, попал за воротник. Я поежился, поставил чурбан торчком, взял колун. Сочный звон так и раскатился по всему поселку. Чурбан крякнул, распался надвое.

Шурка с Наташкой, печатая на снегу следы, бегали вдоль изгороди. На всех кольях держались пушистые снеговые береты, малыши стучали по кольям — береты исчезали, рассыпались. Ребята радовались:

— Шапка-невидимка! Шапка-невидимка!

А я принялся за новый чурбан, да вдруг вижу, бежит по тропе наша станционная медсестра Манечка.

Одета Манечка наспех. Пальто накинуто на халат и не застегнуто, шаль не завязана. За концы шали она держится руками и бежит прямо к нам.

— Леня, — проговорила, тяжело дыша, — тебя мама зовет...

А у самой дрожат губы и какое-то странное лицо.

Чувствую, и у меня похолодели губы.

— Зачем зовет? Куда?

— К нам, в амбулаторию... Заболела она... Только ребятам пока не говори, не расстраивай...

А те уж тут как тут, смотрят во все глаза, спрашивают:

— Леня, ты что? Ты куда, Леня?

Чуть не силой заталкиваю ребятшек в дом и бегу в амбулаторию.

Там я сразу увидел: на полу, на носилках лежит мама, укрытая до подбородка серым казенным одеялом. Лицо бледное, щеки ввалились, губы — бесцветные.

Я шагнул от косяка, встал коленками на гладкий линолеум. Глаза мои очутились вровень с мамиными. Они, карие, с дрожащими ресницами, даже сейчас показались мне веселыми. Только в уголке каждого из них медленно копилась прозрачная слеза.

Мама подняла руку, глаза утерла. Потом потянула с меня шапку, потрогала вихрастые волосы.

— Вот, Ленюшка, заболела я. Совсем заболела. Абрам Васильевич отправляет меня в больницу.

— И немедленно! — сказал фельдшер таким голосом, будто с кем спорил. — И немедленно!

— Что с тобой, мама? — спросил я.

— Что, что... Не пожалел человек себя — вот что! — опять резко, почти грубо выкрикнул фельдшер.

Мамины глаза влажно и с обидой блеснули:

— Абрам Васильевич, ну зачем вы так?... Мы рельс на путях меняли, Ленюшка. Старый выки-

нули, стали устанавливать новый. А движенье-то нынче на дороге, сам знаешь, какое. Эшелон за эшелон к фронту так и жмут, так и жмут, времени на ремонт — секунда! Бегом хватай, бегом неси. А в рельсине-то десятки пудов. А работники-то — все бабы... Рельсину-то новую стали, сынок, на бровку подымать, а она у нас обратно, нечурахом вниз пошла... Ну я и поддержала. Да, видать, через силу.

Тут мама плотно сжала ресницы, снова распахнула их и, словно боясь, что я не поверю, почти выкрикнула:

— Могло ведь людей перекалечить, Ленюшка!

— В больнице резать будут? — испугался я.

— Что значит, «резать»? Почему «резать»? — рявкнул фельдшер. — Это курицу режут. Гуся режут. А человека о-пе-ри-ру-ют! Возвращают ему здоровье. Ставят на ноги, если хотите знать!

В амбулаторию вбежала Манечка с узелком в руке. Следом за нею вошла высокая, вся в темном тетка Евстолия Бабашкина — печникова старуха. С грубых мужских сапог ее на гладкий линолеум упали ошметки снега.

Евстолия загородила дверной проем и отпихнула кого-то рукою позади себя. Но в кабинет из-под руки высокой старухи все-таки заглянула другая наша соседка — легонькая и востроглазая, как мышка, Анна Федоровна. Она увидела носилки, увидела маму и запричитала на всю амбулаторию:

— Ой, да ты ангел наш, Катенька! Ой, да ты что это над собой исделала! Да на кого ты нас покидаешь, сиротинушка?

— Молчать! — топнул Абрам Васильевич, и Анна Федоровна смолкла, исчезла за спиной Евстолии.

Манечка опустила мягкий узелок на стул, сказала маме:

— Вот мы с Наташей собрали все, что наказывала. Прости, пришлось порыться в комод.

Мама заплакала:

— Как теперь Наташа-то с Шуркой будут? Леня! Ты смотри за ними... Леня! Ты теперь старший в доме... Покрепись, милый. Постарайся. Может, недолго. Может, меня и верно на ноги-то скоро поставят.

А строгая, темнолицая тетка Евстолия басит:

— Ну-ну! Что ты, Катерина! Маленькие останутся не с одним твоим Ленею. Мы-то разве не люди? Езжай, лечись, все будет в порядке.

Я стою, тоже киваю головой: «Да, мол, конечно. Все будет в порядке. Я все сделаю, только возвращайся скорей...» — а вслух сказать ни одного слова не могу.

И вот Абрам Васильевич надевает пальто, каракулевую шапку пирожком, сам берет за носилки и командует женщинам: — Подхватывайте!

Я тоже хватаюсь, но тетка Евстолия отпихивает меня:

— На вокзал не ходи, не надо. Обойдемся без тебя. Беги к ребятишкам — небось, изревелись там. С вокзала я зайду...

Мама ничего не говорит. Она лишь тихонько качнула ладонью: «До свидания, мол... Иди, иди».

Тоня

В доме было как после погрома. Комод раскрыт, из ящичков торчит белье, ребячья обувь валяется на полу, как попало. Холодина, печь не топлена, малыши сидят в спальне на маминой постели и молчат.

Я прямо в пальто сел напротив них на свою кровать, снял шапку. С чего, думаю, начинать-то теперь?

Наташка спрашивает:

— Правда, маму увезли в больницу?

— Правда.

— А когда она вернется?

— Как поправится, так и вернется.

— Мы одни теперь будем жить?

— Одни.

Наташка помолчала, подумала, поводила пальцем по одеялу:

— Знаешь, что...

— Что?

— Давай, ты будешь теперь как будто наш папа, а мы как будто твои дети. Ладно?

— Ладно,— говорю я, а самому так тошнехонько, что если бы не ребятишки, то уткнулся бы в постель, закрылся одеялом и ничего бы не слышал, ничего бы не видел.

Тут Шурка молчал, молчал да и спрашивает:

— А завтракать-то мы теперь будем?

Я сразу спохватился, говорю: — Будем! — И оттого, что надо было что-то делать, мне стало немного полегче.

Потом, слышу, на крыльце кто-то затопал, зашаркал по сапогам веником и глухо постучал в толстую дверь. Стучаться в незапертую дверь у нас в поселке мог один-разъединственный человек — Тоня. По своей ленинградской привычке.

Ребята спрыгнули с постельки, подбежали к порогу, хором крикнули:

— Можно!

Тоня вошла, протянула малышам руки в серых варежках.

— А у нас мама в больнице,— опять хором закричали ребята и начали стаскивать с Тониных рук варежки: — Раздевайся!

— Я знаю,— сказала Тоня.— Знаю... Да вы не меня раздевайте, не меня! Вы Леню своего раздевайте. Вон он у вас так в пальто и сидит, что-то совсем приуныл...

Она подошла ко мне, говорит: — Здравствуй! — А сама вся румяная от холода, глазищи

черные — как у цыганенка, волосы рассыпаются крупными кольцами из-под серой беличьей шапки.

Тоня оглядела нашу разгромленную комнату и, никого не спрашивая, принялась все убирать, расстановивать по местам.

Тут и меня отпустило совсем. Сбегал на улицу, принес охапку колотых дров, с грохотом свалил возле печки, и сразу в кухне, во всем доме запахло сосновым бором.

А когда я собрался чистить картошку, Тоня отняла у меня нож:

— Это мы с Наташей сделаем, а ты затапливай. Картошку чистить я умею, а печь затапливать — нет.

— Ну да? — удивился Шурка.— Я и то умею. Только вот спички от меня прячут.

— У нас, в Ленинграде, печки не было. У нас — примус.

Шурка лукаво прищурился:

— Врушенька! Примус-то и у нас есть. А вот зимой как? На примус греться залезаете, что ли? А валенки где сушить?

— Мы валенки не сушим. Мы валенки над примусом подвешиваем и коптим. Знаешь, как в копченых валенках бегать хорошо? Они — горячие, пятки жгут,— куда надо, долетишь в два счета.

Шурка с Наташкой хохочут, и Тоня довольна, что развеселила ребят. Она улыбается, а сама в это время срезает с картошки узкие ленты кожуры. Руки ее, чтобы не замочить рукавов, открыты до самых локтей, и на левом тонком запястьи мне видна голубая жилка, а рядом с жилкой светлое пятно оспинки. Я смущенно отвожу глаза, принимаюсь растапливать печь.

Укладывая в темной печной глубине поленья клеткой, подсовываю сухую лучину, чиркаю спичкой, растопка загорается быстро. Из полукруглого устья, словно из пасти дракона, тянутся длинные языки дыма. Но спустя несколько минут дым исчезает, и печное нутро полно ровного, сильного огня. Там теперь не дракон. Там теперь скачут, взмахивая красными и желтыми крыльями, золотые птицы. От их перьев идет ослепительный жар. Они весело попискивают, трещат — чугуны ставить теперь в самый раз.

Чугуны закипают скоро, вода в них начинает бурлить ключом. В кухне становится тепло, уютно — и даже не верится, что этот день для нас печальный. Но когда я вынул из печи и поставил на стол горячую картошку, Тоня вдруг засобиралась домой. Но мы ее не отпустили. Я закинул Тонино пальтишко подальше на печку, а Шурка подкатил к Тоне по столешнице самую вкусную, прихваченную жаром картофелину.

Хлеб теперь отпускали в магазине по норме, и мы выкупали его накануне. Он хранился у нас в кухонном шкафу, в чистом полотенце. Мама заранее делила его на три части: на утро, на

обед и на ужин. А каждая часть разрезалась на четыре кусочка: один для Шурки, один для Наташки, и нам с мамой — по одному. Все кусочки одинаковые, бери себе за столом любой, но — помни: сыт ты или не сыт, но на твою долю причитается один-единственный ломтик. И мы — помнили. Помнили, хотя хлеба досыта уже давным-давно не едали.

Ну, а если попадалась горбушка, мы тоже не спорили. На горбушки была очередь. Попалась горбушечка и на этот раз. Очередь была Наташкина, только я все равно выкрикнул:

— Чья?

— Моя! — подняла руку Наташка, но тут же спрятала за спину. — Ой, нет. Пускай она будет Тонина, а мне середку.

Я положил горбушку перед Тоней, но она разломила и отдала ребятам. Те свои ломтики уже проглотили и нежданную добавку сразу накрыли ладонями. Правда, сестренка сначала посмотрела на меня, словно спрашивая: «Можно ли?», а Шурка отправил добавку в рот безо всяких, мигом. Только наклонился к столу да спрятал от меня глаза.

— Эх, вы! Силы воли нету, — сказал я ребятам, взял нож и разрезал свой ломоть вдоль.

Но и от моего хлеба Тоня отказалась.

За столом я все время поглядывал в окно, все ждал, когда придет тетка Евстолия. У нас уже и печь протопилась, и на столе мы прибрали, а ее все не было. Она пришла тогда, когда я потерял терпение и сам собрался на вокзал.

Я столкнулся с нею на крыльце, она поднималась по ступенькам вместе с Анной Федоровной и сразу принялась командовать:

— Марш назад! Кому сказано!

— Маму отправили?

— Отправили, отправили. Проходи, все скажу.

Обе старухи вошли в дом, раздеваться не стали, только распустили концы теплых платков и сели рядом на скамейку. Анна Федоровна — маленькая, сухонькая, ноги до пола не достают, а Бабашкина — прямая, высокая, как каланча. Она обвела взглядом кухню, каждого из нас и заключила:

— Молодцы — печь истопили. А ты, Тонюшка, тоже здесь?

Тоня кивнула, старуха похвалила и ее:

— Умница. Помогай ребятам.

— Господь увидит, зачтет... — подтвердила

Анна Федоровна.

Бабашкина вынула из кармана длинной юбки носовой платок, трубно высморкалась, убрала платок обратно.

— А теперь, значит, так... — сказала она. — Катю мы отправили на санитарном поезде. Теперь, считай, она уже на месте... Слушай, Леня, что дальше скажу. Одному тебе не справиться. Нужна тебе, парень, домовница.

— Какая домовница? Зачем?

— Накормить вас, обиходить, за домом приглядеть. Я сама хотела, да принимаю Катеринин пост. Начальник попросил. Я ведь на пенсию-то со стрелки ушла. Видишь, как выходит...

— Вижу, — говорю, — только вы не беспокойтесь.

— Как так, не беспокойтесь? Почему, не беспокойтесь? — дважды качнулась на высокой скамейке Анна Федоровна: — Человек тебя жалеет!

— Жалею. Верно. Да только и ты пожалей. Глядишь, и тебе господь зачтет...

— Как это? — не поняла Федоровна и удивленно глянула на соседку, даже рот забыла прикрыть.

— А так... Возьми, да и помоги ребятам. Служба у тебя невелика. Ходишь на складе топлива в ночных сторожах, день-то девать некуда.

Анна Федоровна крепко задумалась, а я смотрю на нее и тоже думаю: «Вот новости! Зачем она нам? Только и будет, что причитать да про господя твердить. С ума сведет...» Я даже испугался, что она согласится. Но тут Анна Федоровна стрельнула юркими глазками туда-сюда, тяжело вздохнула и этак осторожно спрашивает Бабашкину:

— А платить кто будет? Ты? Или Катерина потом?

— Что? — опешила Бабашкина.

— Я говорю, платить кто будет? Ты? Или Катерину ждать велишь? Ежели Катерину, так сама знаешь, дождемся ли...

— Что-о! — произнесла не своим голосом Бабашкина, встала и пошла горой на Анну Федоровну. А та соскользнула со скамьи, попятилась к порогу, зашарила за спиной дверную ручку. На лице у нее был не испуг, а лишь недоумение: чего это Бабашкина поднялась?

Разгневанная Бабашкина сама ударила длинной рукой в дверь, крикнула:

— Вон! Вон, мерзавка! И на пути моем больше не попадайся.

Вытолкнув Анну, старуха долго не могла успокоиться. Мы тоже все притихли.

Потом она подошла к ведру, зачерпнула ковшем холодной воды, выпила, отдышалась и сказала мне:

— Собирай ребят, собирайся сам. Поживете у нас.

Она шагнула к комоду, велела Наташке:

— Поди, Наталья, принеси какую-нибудь корзину — белье сложить.

Наташка покорно пошла в сени, а я как представил наш дом пустым, с висячим замком на двери, так мне сразу стало не по себе.

Мне сразу привиделось: идет к заброшенному дому почтальонка. В руке у нее треугольное солдатское письмо, но перед заметенным крыль-

цом она останавливается, смотрит на холодные окна и не знает, что с письмом делать...

Я бросаюсь навстречу Наташке, отбираю у нее корзину.

— Нет, тетя Таля! Из своего дома мы никуда не пойдем.

«Позиция»

На первых порах к нам в дом заглядывали не только соседи, но и мамыны подружки. Забегали они после смены, усталые, иззябшие, торопливо спрашивали, не надо ли чего? Полы помыть или постирать бельишко? Но полы мыл я сам, белье выстирала Бабашкина с Тоней, и я каждый раз отвечал:

— Нет, ничего не надо.

Такой ответ женщин не обижал. Даже — наоборот. Услышав отказ, они принимались неведомо за что меня хвалить, а похвалив, тотчас уходили: ведь у каждой по домам сидела такая же орава ребят, как наша, а то и побольше.

Да я и рад был, что эти посещения так коротки. Я терпеть не могу, когда меня жалеют, а женщины то и делали, что наговаривали всякие жалостные слова то мне, то ребятишкам. Пользы от этой жалости никакой — одно горе. Малыши долго потом сидят грустные. Вот даже старуха Бабашкина и та порой расиропится, начнет вздыхать да приговаривать: «Ленюшка, Наташенька, Шуронька...» А зачем?

Старуха заглядывала к нам часто, но тоже ненадолго. Теперь она замещала маму на стрелке. Раскопала в своих сундуках ветхую железнодорожную фуражку и надевала ее в дни дежурств поверх платка. Прямо так и приходила к нам — в этой фуражке. Войдет, не торопясь накинёт фуражку на отдельный гвоздь, рядом на вешалку повесит платок, телогрейку, чехол с сигнальными флажками, а потом сядет к столу, выложит горсть сушеной, тонко порезанной моркови и обязательно заставит нас кипятить самовар.

Морковную стружку мы засыпали в чайник, заваривали кипятком и хотя пили без сахара, но получалось ничего себе, почти вкусно.

За морковным чаем тетка Евстолия сообщала известия про нашу маму, которые узнавала от Абрама Васильевича: тот нет-нет, да и дозволивался по телефону до больницы. Мы знали, что маме сделали операцию, и теперь здоровье у нее то лучше, то похуже, то опять немного получше.

— Борется! — говорила старуха. — Борется наша Катя с хворью, и нужен ей теперь спокой да покой.

Она сурово смотрела на каждого из нас, давая понять этим взглядом, что за мамин покой

отвечаем и мы, тут вот сидящие. А под конец то ли ее так разогревал морковный кипяток, то ли на нее действовал Шуркин беспомощный вид, когда он, сонный, начинал соваться ей в колени, а только вся суровость со старухи слетала, и вот она принималась наговаривать эти самые жалостные слова: «Шуронька, Наташенька, Ленюшка...»

Единственный, кто никогда никакой напрасной жалости не высказывал, так это Валерьян Петрович — директор нашей школы.

Валерьян Петрович вообще у нас, школьников, считался человеком на все сто. С виду-то он на директора даже несколько и не похож. Фигура у него невысокая, коренастая. Лицо толстощекое, доброе. Глаза с веселым прищуром. Голова выбрита до блеска, наголо, и от этого уши его кажутся огромными. А ходит он по-медвежьи, вразвалочку, и всегда на нем черный обвисший пиджак, и с осени до весны на ногах черные мягкие растоптанные валенки.

В этих валенках он приходил и на школьные довоенные вечера, и отплясывал вместе со старшими учениками в физкультурном зале кадрили, и в этих же валенках, в этом пиджаке приходил на уроки. А свои уроки географии он вел так, что как наостришь уши в самом начале, так и сидишь до конца, не шелохнешься. Иной раз даже и звонок на перемену не заметишь.

А еще у Валерьяна Петровича, в его казенной квартире, была книжная комната. Книг в ней столько, что казалось и белый потолок держится там не на стенах, а на расставленных рядами от пола до карниза ярких, с цветными корешками книгах.

Когда-то давным-давно, еще в первом классе, Валерьян Петрович привел нас с Женькой в эту комнату, поставил перед полками, сказал: «Выбирайте!», а сам ушел на кухню, потому что жил один и сам себе все готовил. И вот целый час мы с Женькой метались от полки к полке, хватали то одну, то другую книгу, и ничего не могли выбрать. Хотелось унести много.

Наконец, в мои руки попал увесистый том в изрядно потертом, но дорогом переплете. Я как увидел, что переплет потертый, так сразу сообразил: «В этой книжечке что-то есть!» А когда я книгу вытащил с полки и повернул к себе разрисованным переплетом, то на меня оттуда глянула такая веселая, такая плутовская физиономия в надвинутой на глаза нерусской шапке, что я сам расплылся, хихикнул.

Пришел Валерьян Петрович, спрашивает:

— Выбрали?

— Выбрали, — отвечаю я и показываю эту самую книгу. Он взял ее, прочитал, помедлил, потом поглядел на меня, потом опять на книгу, наконец пожал плечами и сказал:

— Бери. Хорошую книгу прочитать никогда не рано.

Книга оказалась какой-то чудной. Я в ней иногда не понимал ни единой строки, то вдруг находил такие веселые местечки, что от хохота сползал со стула. Хохотал, хохотал, да и дохотался! Я задел книгой самодельную чернильницу, пузырек опрокинулся, и фиолетовый поток хлынул на белые страницы. Он затопил не только середину книги, но и безобразно испортил светлый переплет.

Это было так ужасно, что сначала я окаменел. А потом схватил резинку и давай тереть. Тер, тер, но чернила только размазались, вид у книги стал еще страшнее. Я бережно завернул ее в газету и поплелся к Валерьяну Петровичу. «Ну,— думаю,— все! Не видать мне больше ни единой книжечки...»

А Валерьян Петрович как развернул газету, так сразу лицо его стало длинным, глаза огромными, и он произнес всего-навсего:

— М-м-да!

А я и одного слова сказать не мог. Смотреть на Валерьяна Петровича не мог, до того мне было стыдно и горестно. Стою, молчу, и Валерьян Петрович молчит.

Потом он вздохнул, покачал головой и поставил книгу на полку.

Я тоже вздохнул и поплелся к двери. Но только подошел к ней, как слышу:

— Ты куда?

— Домой,— отвечаю.

— Знаю, что домой,— говорит Валерьян Петрович.— А почему без книги? Иди, выбирай новую...

И опять я выбирал книги, какие хотел. Порой забежишь к Валерьяну Петровичу в школьный кабинет и скажешь: «Валерьян Петрович! Мне бы книжку сменить...», а он тут же дает ключ от своей квартиры: «На! Беги, меняй, да только ключ занеси обратно».

Этот ключ дороже для меня всего на свете. А может, и не сам ключ дорог, а что-то другое, чего я объяснить не могу...

Но теперь вот не я пришел к Валерьяну Петровичу, а он сам пришел в тот же вечер, когда я отказался переселиться к Бабашкиным. Старуха нажаловалась, и он сразу спросил, чего это я заупрямился.

— Нет, не заупрямился. Но из дома уйти не могу...

— То есть? — потребовал ясного ответа Валерьян Петрович. И я рассказал обо всем, что передумал в те недавние минуты.

Я не раз видывал в окрестных деревнях покинутые дома. Они стояли с гнилыми крыльцами, с рыжими, мертвыми замками на дверях. В них, покинутые однажды, обратно редко кто возвращался. А я не хочу свой дом видеть таким. Пусть в нашем доме всегда шумят Шурка с Наташкой. Пусть всегда сквозь талое окно смотрит на улицу мамин любимый цветок — Ванька мокрый. Пусть

каждое утро над нашей трубой поднимается теплый дым. Ведь от всего этого нам с ребятами кажется, что папа и мама рядом с нами. А если и не с нами, то все равно скоро возвратятся,— ведь дом-то жив!

Директор ни разу не перебил меня, слушал внимательно. А потом потер ладонью свою круглую бритую голову, сказал:

— Ну и ну! Мистика-фантастика какая-то... А впрочем...— тут он опять помолчал, опять потер голову ладонью и договорил:

— А впрочем, ты прав. Если бы я оказался, как твой отец, на фронте, мне бы тоже хотелось там думать, что мой дом без меня не опустел.

В голосе Валерьяна Петровича слышалась грусть. Я подумал о его безлюдной, населенной лишь книгами квартире и сразу сказал:

— Ваш дом тоже не опустеет. Ваш-то дом, если считать по-настоящему, всегда в школе. А разве школа опустеет? Ни за что!

Валерьян Петрович пристально посмотрел на меня, ничего не сказал, а потом встал и произнес уже совсем другим, бодрым голосом:

— Что ж, быть по-твоему! Оставайся. Держи оборону здесь.

— Какую оборону? — насторожился я.

— А такую, брат, что дела твои теперь вроде солдатских. Занял позицию, держи до конца... Только от помощи не отказывайся. У вас дрова-то хоть есть?

Дров у нас оставалось недели на две. Валерьян Петрович сам осмотрел невысокую поленицу:

— Небогато. Но в лесу, на школьной делянке, дров полно. Разрешаю взять из моего пая. Насчет лошади договорюсь. Управишься?

— Управлюсь.

Вот так просто, как мужчина с мужчиной, мы и поговорили с Валерьяном Петровичем. Держать позицию...

А что в самом деле? Разве малыши у меня голодные или неумытые ходят? Нет, не ходят! Я вообще могу обойтись безо всякой подмоги; из любого положения, пока не придет мама, могу выйти сам; и пусть потом все удивляются, пусть говорят: «Ай, да Ленька! Такую заботу своротил в одиночку!»

И вот, как только я начал о себе так думать, то и дела-то всякие домашние стало делать куда интересней.

Раньше, к примеру, стоят на кухне пустые ведра, в них даже доньшки высохли, а я все равно за водой на колонку вечером в потемках не пойду. А теперь — нет. Теперь я говорю: «Сильный, самостоятельный человек темноты не боится!», и бегу хоть в ночь-располночь на колонку, и шагаю оттуда с полными ведрами, и чувствую, как под моими сильными шагами позванивает мерзлая земля.

Ну, она-то, может, и не позванивает, но зато я сам о себе думаю: «Вот я какой!»

Я так разошелся, что даже, когда у Наташки на платье прохудился локоть, то и за это немужское дело взялся сам.

Дырка была крохотная, но промаялся я с ней целый вечер. А когда управился, повесил платье на спинку Наташкиной кровати и очень довольный завалился спать. А на утро услышал рев.

Я вскочил, думаю: что такое? А это Наташка сидит, держит платье и заливается слезами.

— Ты что? Приснилось что-нибудь? Лучше посмотри, как локоток-то я тебе залатал. Получше всякой портнихи.

А у Наташки слезы ручьем, она едва выговаривает:

— За-ла-тал! Лучше бы не брался... В чем в школу пойду?..

Я удивился, потянул к себе платье и ничего плохого не вижу. Заплата как заплата. Обыкновенная, кругленькая. Ну, правда, платье черное, а заплата темно-зеленая. Ну, и нитки, конечно, надо было взять не белые, но других-то я не нашел... А во всем остальном хорошая заплатка! Новенькая и, главное, крепкая.

Но Наташка все равно ревет, одеваться не хочет. Насилу ее уговорил. В школу она отпра-

вилась только тогда, когда мы с ней закрасили чернилами белый шов и эту заплатку.

— Пусть уж лучше думают, что клякса,— сказала она.

Зато валенки подшивать я научился сразу, безо всяких промашек. Видно, на какое дело у человека талант есть, так это дело пойдет тут же, а если таланта нет, так сколько ни старайся — ничего из себя не выжмешь.

У меня вот обнаружился талант на подшивку валенок. И делал я это быстро и даже с некоторой лихостью. Дратву сквозь подошву продергивал со свистом, сам в это время тоже насвистывал, шило у меня в руках так и мелькало!

Это умение открылось во мне как раз вовремя. Наташкины, Шуркины да и мои собственные валенки еще с прошлой зимы были разношены вдребезги. Стельки на подошвы я выкраивал ножом из дырявых обносков, а дратву приспособил смолить свечным огарком.

Однажды за этой работой меня застала Тоня. Она потренькала по натянутой, как струна, дратве, сказала:

— Дедушка Николай Бабашкин делает не такую. У него черная.

— Значит, настоящая. Смоленая варом. У меня вара нет.

— Сбегать, попросить?

— Незачем просить! По каждому пустяку людям не наклоняешься.

— Ты что? — говорит Тоня. — При чем тут поклоны?

А я и сам вижу — хватил через край. Да не станешь ведь рассказывать, какой я теперь самостоятельный человек.

— Ладно, — говорю. — Это я так...

А Тоня не отступаете:

— Не хочешь у дедушки Николая просить, давай к Женьке сбегать. Он сразу даст, да и сам придет. Втроем веселей будет.

Тут меня опять занесло:

— Женьку не надо, не зови!

— Неужели поругались?

— Нет, не поругались. Я потом объясню.

Но когда и что я про Женьку объясню, я и сам не знал. Не знал, потому что дело тут было даже не в моих гордых мыслях о самом себе, независимом человеке, а вот в чем.

С того времени, как в нашем поселке появилась Тоня, со мною начало происходить непонятное и небывалое. С той поры все мои прежние дружки-приятели словно бы стали отодвигаться куда-то все дальше и дальше, и мне хотелось видеть рядом лишь Тоню, быть только с ней, а больше ни с кем. Когда Тоня к нам долго не приходит, я места себе не нахожу. И на крыльцо выскакиваю, и на изгородь-то во дворе влезу — все гляжу на дом Бабашкиных, все высматриваю: не мелькнет ли где Тоня.

Забегать к Бабашкиным самому, просто так, без приглашения, я стал стесняться. Но когда Тоня рядом, я про Бабашкиных забываю, и даже моего закадычного друга Женьку мне не надо. Никого мне не надо, лишь бы Тоня да я...

Вот что со мной происходило. И разве это объяснишь? Конечно, не объяснишь. Рот не раскрывается и язык не повернется.

И еще об одном я старался с Тоней не говорить никогда. Я старался с ней не говорить о войне.

Однажды я спросил Тоню, не приходилось ли ей видеть живого фашиста. Может, не прямо видеть, может, его, пленного, по Ленинграду вели.

Тоня вдруг отвернулась и ответила:

— Видела. И — не пленного.

— Как же так?

— В самолете.

Я чуть не задохнулся от изумления:

— Расскажи!

— Нечего рассказывать... Началась война, а мы — ребята из нашей ленинградской школы — были в пионерском лагере. Далеко были. Чуть не у самой границы. Как узнали, что война, так стали ждать машин. Боялись — они не придут, опоздают. Хотели уходить пешком. Но машины при-

шли, и мы поехали в Ленинград. — Тоня говорила медленно и совсем не смотрела на меня. — Фашист прилетел. На самолете. Он обогнал нас, развернулся и давай стрелять.

— Ну, а вы?

— Мы — кто куда... Он второй раз налетел, низко-низко, все остановились, а мы — кто куда. Кто в кювет, кто в поле, в рожь. Тогда Света, наша вожатая, сдернула красный галстук и побежала ему навстречу. «Дети! — кричит. — Не стреляйте! Это дети!» А он — весь черный, кожаный, в очках — прямо в Свету... Прямо — пулями...

Тоня замолкла, и меня словно кто пришиб. Тихо дотронулся до Тониной руки:

— Не надо. Дальше не надо...

С той поры о войне Тоню я больше не спрашивал. Незачем.

А вот думать о нашей дружбе стал еще больше. И мне захотелось сделать Тоне настоящий подарок: раздобыть горностаев, о которых мы мечтали с отцом. Маме они сейчас не нужны, а Тоня, может быть, себе к осеннему пальтишку воротник сошьет. Все же теплее будет.

Но сначала мне надо было разобраться в своих собственных делах.

Дела не очень веселые

В тот день, когда увезли маму, в школу я не ходил, а потом стал опаздывать на уроки почти каждое утро. Пока сам проснусь, пока ребят подниму да пока печь истоплю, глядишь, время-то уже совсем вышло, и никакая сила воли тут помочь не могла.

Выручить меня мог только будильник, но будильника у нас не было. Время мы узнавали по жестяным ходикам с кошачьим портретом — циферблатом. Глаза у кошки шевелились: тик-так, тик-так. Чтобы не проспать, я дремал вполглаза, но к утру все равно засыпал, как убитый.

Женька, сосед по парте, переживал за меня, все набивался:

— Давай, я твои ходики переделаю на будильник. Приспособлю к стрелкам что-нибудь.

Я не согласился, побоялся остаться совсем без часов. Выручил меня Валерьян Петрович. Он раным-рано стал приходиться к нашему дому и барабанить в окно. Я проснусь, высуну голову в форточку.

— Здравсьте!

— Здравствуй, Ленька. Пора вставать. В школу не опаздывай...

Он уходил к школе, а я смотрел ему вслед и думал: «Чего это ему там делать в такую рань?» Впрочем, догадался, что ходит он чуть свет через весь поселок из-за меня.

В конце концов, подыматься спозаранку я привык сам. Но все равно столько было дел по дому, что об уроках думать времени не было. Сажу в классе, смотрю на учителя, на то, как он поскребывает по доске мелом, а сам думаю о маленьком Шурке. Сестра сейчас тоже на уроках, и одинокий Шурка сидит, наверное, на подоконнике. В одиночку Шурка играть не умеет, в одиночку ему тоскливо и страшно.

Думаю я и про нашу козу Лизку. Сено для Лизки отец в прежние времена получал в колхозе, а теперь сена нет. Подкармливаем Лизку мы сухими вениками, но веников мало, и Лизка сама себе добывает пропитание. Она с утра до вечера шляется по станции, и везде Лизке могут поддать, вытянуть хворостиной, а то взять за рога, да и — поминай как звали! До сумерек Лизку надо непременно пригнать домой, а то и в самом деле пропадет, как пропала пестрая коза Федоровны.

Козу Федоровны даже не увели, а закололи прямо в хлеву ночью. Утром на крик хозяйки сбежался народ. Растрепанная Федоровна металась среди людей, показывала в глубину раскрытого хлева. Там на остывшей соломенной подстилке заледенело пятно крови.

— Кормилица моя... Господи! — беспомощно вскрикивала хозяйка, а старик Бабашкин стал осматривать распахнутые воротца.

— Они изнутри запираются?

— Изнутри, родимый, изнутри... Я козу-то как загоню, так и сама зайду следом, и воротца с той стороны заложу щеколдой. А в дом из хлева у меня другой ход есть, через сени. Злодей, чтоб ему сгореть в геене огненной, видно, через сени прошел.

Печник растворил ту дверь, о которой говорила хозяйка, потоптался в сенях и, не заходя в дом, вышел через крыльцо на улицу.

— Ну, Анна, вор у тебя, похоже, не первый раз этим путем хаживал. Вор у тебя, похоже, — свой человек.

Анна Федоровна широко распахнула глаза:

— Ты что! С чего взял?

— С того взял, что чужому человеку в твой хлев и через сени не просто пройти. Там у тебя такие засовы, такие задвижки, что не знавши да впотьмах их не открыть.

— Матерь-заступница, да кто же это? У меня после Миньки-пастуха никто и не живал. Никто ни разу и не захаживал.

— Вот Минька, должно быть, и заглянул по старой памяти.

Как сказал печник про Миньку, так сразу все, кто стоял у хлева, притихли. Наверное, у каждого, кто тут был, встала в памяти та история, что когда-то тоже переполошила поселок.

Случилась она еще задолго до первого снегопада. Старухи и ребятишки собрались тогда по вечерней поре у железнодорожного переезда,

чтобы встретить стадо и развести коз по домам.

Было уже холодно, и багровая заря в тот вечер отпыхала быстро. Ее закрыла черная, тяжелая туча. Ельник за недалгим оврагом нахмурился, и у шлагбаума переезда было неуютно, ветрено. Все мы озябли, все только и смотрели на овраг, откуда должно было появиться стадо.

Стадо не показывалось. Туча закрыла полнеба. Стало почти темно. Старухи, потеряв терпение, принялись поругивать Миньку.

И вдруг за рекой, в той стороне, где тучи и глухие ельники сомкнулись в одну мрачную полосу, негромко, но явственно всплыл заунывный вой. Он ширился, нарастал. Он звучал все громче, все тоскливее, все надрывнее. Он заполнил собою всю округу и вдруг так же разом оборвался.

— Бабы... А ведь это волки... — произнес рядом со мной кто-то очень тихим, очень ровным, словно неживым голосом. И я обернулся, и увидел старуху Бабашкину. Лицо у нее помертвело, губы дрожали, но она все так же ровно выговаривала:

— Бабы... А они ведь к стаду идут... Они коз порвут... Берите камень, бабы. Берите колья, надо к стаду бежать.

И тут сразу тишина кончилась. Мы все, как стояли возле шлагбаума, так этой толпой — с криком и свистом — ринулись в овраг.

Бежали недолго. Овраг выходил к реке на широкую луговину, и козы там сбились в плотный круг. Они не щипали траву. Волчий вой, наверное, сильно их напугал.

Тут каждый кинулся разыскивать свою козу. Кто кричал: «Муся-Муся!», кто приговаривал: «Зоря-Зоря!», и оглядывал, ощупывал Зорю: не покусана ли волками. И только минут через двадцать, когда все успокоились, когда засобирались домой, вдруг спохватились — нет пастуха Миньки. Стадо целехонько, а пастух исчез.

Попробовали Миньку покричать. Сначала кричали врозь, потом хором, но сколько ни аукали, а в ответ не прилетало ни звука.

Старуха Бабашкина сказала:

— Да неужто его волки задрали?

Эти слова напугали нас еще больше. Все говорили, что надо гнать стадо по домам, скорее собирать мужиков, какие остались на станции, брать фонари и, пока не поздно, прочесывать лес.

— Может, он, Минька-то, и живой еще...

На розыски пастуха я не попал. Мама перехватила меня по дороге домой, Лизку загнала в сарай, меня с ребятишками заперла на ключ — и к переезду, откуда начинались поиски, пошла сама.

Вернулась мама на удивление скоро. Она молча села на табурет, развязала платок, принялась расшнуровывать башмаки.

Я сразу почувствовал недоброе.

— Нашли его? Что с ним? Волки... да?

Мама ответила, не поднимая головы:

— Лучше бы волки...

Потом сказала таким злым голосом, какого я от нее и не слыхивал:

— Сбежал он. Совсем сбежал. От армии скрылся...

В тот день с утра Минька должен был явиться на сборный пункт для отправки в армию. Об этом его известили накануне повесткой. Но Минька повестку спрятал, не показал даже Анне Федоровне, и с утра, как ни в чем не бывало, ушел со стадом на пастбище. А там стадо бросил и скрылся. Стадо бродило без пастуха весь день и уцелело только потому, что волки, собираясь на охоту, сами оповестили о себе всю округу.

Я еще подумал тогда: «Волки оказались честнее пастуха!» А теперь вот, когда перед нами зиял чернотой распахнутый хлев и когда прозвучали слова Бабашкина: «Минька заглянул...» — эта моя думка всплыла в памяти вновь. И вновь нам всем стало страшно, даже еще страшнее, чем тогда у переезда. Ведь если у Федоровны и в самом деле побывал Минька, то теперь и в любой дом он может заглянуть. Нет в поселке такого дома, в котором бывший пастух не знал бы всех ходов-выходов...

Тут печник прошел сквозь толпу, сделал круг по всему двору. На ходу пригнулся, так и казалось — вот-вот понюхает снег.

— Здесь они, следы-то... — сказал он и ткнул в снег рукавицей. — На лыжах прибегал, дьявол. Где-то и лыжи успел раздобыть. Ну, теперь ищи ветра в поле, с лыжами его не поймать.

Там, где стоял печник, виднелась на снежной целине лыжня. Тянулась она недалеко. Уже за углом дома ее заровняла ночная вьюга. Вор, наверное, на это и рассчитывал, наверное, нарочно и выбирал такое времечко. И лишь в тихом закоулке у хлева был виден четкий отпечаток лыж. Мне захотелось посмотреть на след, и я пригнулся. Пригнулся, пригляделся — и у меня тревожно подпрыгнуло сердце. След был странно знаком. След был от охотничьих лыж — гладких, широких, а вдоль правой лыжни — выпуклая, тонкая бороздка.

«Где я видел такую бороздку? Где я видел такую бороздку?» — забухало у меня в голове, и я боком-боком пошел от лыжни, от людей, от Бабашкина, и вот сорвался — молнией кинулся к своему дому.

Подбежал и — точно! — у крыльца в сугробе стоит одна пара лыж, а второй нету!

Когда мы задумали поход на горностаев, отец смастерил две пары отличных лыж. Одну для меня, другую — пошире, подлиннее — для себя. Недавно Шурка с Наташкой лыжи вытащили и сразу отцовскую пару попортили. Наехали по первому снегу на острый камень, и на правой

лыже осталась глубокая борозда. И теперь вот этой пары у крыльца не было. Вчера она стояла тут, а теперь ее нету.

Я не знал, что делать.

Сгоряча хотел бежать обратно к людям, сказать: «Нас тоже обокрали!», да осекся. Скажешь, а потом что? Потом вся станция, все ребята будут посмеиваться: «У Леньки Никитина отец на фронте, отец — герой, а Ленька — растяпа. Чуть не собственными руками бандиту отцовы лыжи подарил...»

Подумал я такое, да и струсил. Струсил и никому не сказал.

Утром не сказал, днем не сказал, промолчал и вечером, когда из района прискакал на лошади хромой милиционер в синей шинели. Он долго и дотошно всех выпрашивал, долго ходил, припадая на больную ногу, вокруг дома Федоровны, но уехал обратно ни с чем.

А потом к трусливым мыслям добавилась еще одна подлая мыслишка. По примеру напуганных жителей поселка, я навесил на Лизкин сарай здоровенный замок, но, навешивая, подумал: «А ведь нашу козу Минька, может быть, и не тронет. Не должен тронуть. За лыжи...»

И вот я запутывался в этом деле все больше и больше. И выходило теперь, что сильный-то, гордый человек я не во всем. Есть слабинка у меня. Правда, я утешался тем, что слабинка одна-единственная, да и та вроде бы не по моей вине...

Но в школе на занятиях я думал не только про Миньку.

На последнем уроке я всегда сидел с шапкой в руках, а пальто заранее прятал под партой. Как только звякнет звонок, я должен первым добежать до магазина и занять очередь за хлебом. Хлеб прозевать нельзя — уже на второй день самостоятельной жизни я сделал это грустное открытие.

Я выкупил тогда хлеб и вдруг увидел: отрезок теплой буханки стал не таким увесистым, как был при маме. Да что там — увесистым, он стал совсем маленьким! Сначала подумалось: продавщица напутала. Но потом дошло — продавщица не виновата. Она просто-напросто отпустила хлеба ровно столько, сколько нам полагается без маминого пайка. А ведь мамин паек был больше нашего в три раза.

Мама получала весь хлеб, и свой — рабочий, и наш — детский, одним весом сразу, а потом делила его между всеми поровну. Сколько нам, столько и себе. А теперь вот мамин паек уехал вместе с нею в больницу...

Я как разделил хлеб на доли, так сразу и пригорюнился. Представил: завтра утром Шурка с Наташкой сядут за стол, глянут на тощие ломтики и — заревут. Заревут обязательно. Одними разговорами их не накормишь.

И тогда я взял свою долю, отрезал от нее

третью часть, оставил ее себе, а две трети прибавил к ребячьему пайку. Так поступать я стал каждый раз, и малыши ничего не замечали. Ведь им-то я говорил, что съедаю свой хлеб с утра, пока они спят.

Но все равно это был не выход. Во-первых, я стал тощать; во-вторых, убыло у нас не только хлеба. Убавился и подходил к концу запас картофеля в голбце, да и коза почти совсем перестала доиться. Нам грозил настоящий голод, я должен был что-то придумывать.

Конечно, я мог бы обо всем рассказать Бабашкиным, да только я знал: у них по кладовым тоже не густо. Дед Николай отнес в деревню новенький патефон и променял его на мешок овсяных отрубей. Променял по нынешним временам хорошо, музыка нынче была не в цене.

Я тоже решил проверить, не найдется ли у нас чего променять. И хотя без мамы братья за такое дело было страшновато, я на всякий случай заглянул в комод. Я выдвинул ящик и сразу увидел темно-серый мужской костюм.

Мое решение

Этим костюмом в предвоенную весну эмтэ-эсовское начальство премировало отца за посевную. Отец премией был доволен. Он даже домой с торжественного собрания пришел в этом костюме — переоделся где-то по дороге в лесу. Но все-таки больше он был рад тому, что тогда же получил совершенно новенький, гусеничный, до той поры у нас еще не виданный трактор «НАТИ». Новый трактор настолько пришелся отцу по душе, что он даже и название-то трактора сразу переименовал. Стал называть машину почти человеческим именем — Натенькой.

С железным, давно скроенным на заводе Натенькой крепко подружился и я. Бывало услышу его гул на полях за поселком и со всех ног бегу туда. Прибегу, встану босыми ногами на прохладные, коричневые пласты свежей пашни и смотрю в ту сторону, куда только что прошел с плугом трактор.

А он уже идет назад. А он уже не гудит, а прохочет. Он становится все больше и выше, и вот мне видно, как мелькают и сверкают под солнцем стальные траки гусениц. Я различаю в кабине отца. Отец весь в коричневатой пыли, и от этого белозубая улыбка еще заметнее. Он рад, что я прибежал в поле.

Трактор замирает, как вкопанный. Отец сдвигает рукоятку газа. Рев и звон сменяются добродушным урчанием. Я вскакиваю на гладкую гусеницу, ныряю в кабину, плюхаюсь рядом с отцом на пыльное сиденье. Сначала резкий запах керосина и горячего железа оглушает, но через минуту я уже не чувствую его.

Отец улыбается еще шире, хлопает меня по спине, говорит:

— Пришел?

Я молча киваю. Он привстает, уступает мне свое место.

Я кладу ладони на рычаги, почти сползаю с пружинного сиденья, изо всех сил упираюсь в тугую педаль сцепления. Сердчишко мое сжимается в радостном предчувствии, и вот... Отец толкает рычаг скорости, кричит:

— Давай!

Я постепенно отпускаю педаль, трактор весело рывкает и вдруг приходит в движение. Он, громкоголосый, могучий, катит вдоль борозды, и я сам себе кажусь таким же могучим. Да и не только кажусь — трактор в самом деле слушается меня.

Вот стоит мне потянуть один рычаг — и трактор пойдет влево. Потянуть другой — и трактор пойдет вправо. А если я возьмусь за рычаг со всей силой и до отказа выжму педаль, то железный силач закружится на одном месте.

Но я этого не делаю. Я заставляю трактор идти ровненько вперед да вперед, баловаться нам нельзя: мы — пашем, мы — работаем!

А вот песни петь можно. И я — пою. И отец тоже поет. И хотя слова песни мы не поем, а выкрикиваем, но вместе с Натенькой у нас выходит куда как славно! И песня у нас выходит славно, и борозда за трактором тянется ровная, и весело вокруг в поле, а больше-то нам всем троим ничего и не надо...

Я очнулся, еще раз погладил темно-серый пиджак, и закрыл комод. Я теперь знал, что мне делать дальше, только сначала надо было увидеть Валерьяна Петровича.

Над крышами поселка нависли серые предзимние сумерки, надвигалась ночь, но я все равно побежал в школу. Учителя и ученики оттуда уже все разошлись, в темных коридорах было пустынно. Лишь в зале при свете одинокой лампочки шаркала мокрой тряпкой по деревянным полам уборщица. Ступая на носки валенок, я прошагал по влажным половицам к директорскому кабинету, подергал ручку.

— Нету Валерьяна Петровича, нету, — сказала уборщица. Она отжала тряпку над ведром, подоткнула мокрыми пальцами под платок ружью прядь волос: — Дело какое или так?

— Дело, — нехотя буркнул я.

— Ну, тогда опоздал... Уехал Валерьян Петрович. Уехал!

Она так напирала на слово «уехал», что я встревожился:

— Как — уехал? Куда уехал?

— Не знаешь, что ли, куда он ездит? — вдруг ни с того ни с сего рассердилась женщина. — В райком ездит! На войну просится! Его в райкоме отругают, завернут обратно, а он обождет, да и снова туда же... Нынче опять укатил.

С колхозниками. Они зерно на станцию привозили... Обратного пеша придет, чуть не к рассвету.

— Ну и правильно,— сказал я.

— Что — правильно?

— А то, что на фронт просится.

Женщина отшагнула от меня и даже махнула тряпкой.

— Глупый! Да разве таких людей в этакую страсть посылают? А если убьют?

— А если моего отца убьют?

Женщина испуганно прижала мокрую ладонь к груди, быстро и шепотом заговорила:

— Что ты, что ты! Я ведь не к тому. Я ведь не про это...

Не глядя, прямо по мокрому, я пошел к выходу.

А на утро, еще в потемках, опять стоял у кабинета. Дверь была приотворена, и в щель пробивался свет. Наклонив лысую, с оттопыренными ушами голову, Валерьян Петрович сидел за столом, писал. Перед ним горела зеленая лампа с абажуром, я вспомнил, что раньше она освещала книжную комнату, и подумал: «Как же так? Человек собирается на войну, а сам даже и лампу из дома в школу принес?»

Я скрипнул дверью, Валерьян Петрович поднял голову:

— Это ты? Заходи.

Я без лишних слов приступил к делу:

— Дайте справку об окончании семи классов.

— Зачем? — спокойно спросил Валерьян Петрович.

— Поступлю на работу в МТС. С семьей классами туда беру.

Что верно, то верно. В нашем классе я был моложе всех на целый год. Я сам научился читать и в школу пришел до времени. А кроме того, я был низковат ростом... Кто-то дурашливо крикнул: «Глико, ребята! Вершок!» А с другой парты добавили: «Вершок-Горшок!», да так это имечко за мной и осталось. Но в классе было проще. В классе такого дразнильщика-обзывальщика поймал, отлупил, и все в порядке, а тут ведь надо за себя заступаться как-то иначе, и я упрямо сказал:

— Нет пятнадцати, так будет,— настаивал я.— Меня возьмут. У меня отец тракторист.

Валерьян Петрович ничего не ответил, только подвинул мне стул и негромко спросил:

— С голоду идешь?

Я чуть не сказал: «Да!», но подумал и ответил:

— Нет! Не только с голоду...

И это была правда.

Валерьян Петрович вынул из стола печать, бланк, вписал мою фамилию и, дважды дохнув на кругляшок печати, хлопнул по бумаге. Уголки губ у директора дрогнули, лицо стало хмурым.

— Жаль... Ты способный ученик.

— Я еще вернусь. Вот придет с фронта отец, и — вернусь.

Но Валерьян Петрович словно не слышал. Он взялся широко раскинутыми руками за углы стола и опустил голову. Я поднялся, сказал: «До свидания...» Но тут он произнес:

— Погоди.

Быстро написал на чистом листе несколько слов и запечатал записку в голубой довоенный конверт. На конверте крупно вывел красным карандашом: «Тов. Петренко П. М.».

— Это парторгу МТС. Так будет вернее... Не потеряй.

— Не потеряю. Спасибо вам.

— На здоровье,— хотел улыбнуться Валерьян Петрович, да улыбка-то у него получилась горькая...

Вот так незаметно, совсем тихо ушел я из школы.

Ушел, не сказав до свидания никому, кроме Валерьяна Петровича. Попрощаться с классом, с учителями у меня не хватило духу. Да и ухаживал я с большой надеждой, что еще вернусь.

Товарищ Пэ-Эм

Машинно-тракторная станция находилась в селе за холмом, за тем полем, на которое я когда-то бегал к отцу. Теперь и холм, и поле укрыты снегом, и я шагаю в подшитых валенках по гладкой, до блеска накатанной дороге. Голова у меня кружится от солнца, от сияния снегов и от голода. Утром в честь «окончания» школы я скормил весь хлеб Шурке с Наташкой, а теперь каюся.

Теперь, чем ближе село, тем больше я боюсь, как бы «тов. Петренко П. М.» не назначил мне сразу такую проверку, на которую моих сил не хватит. Очень уж строгим показалось мне написанное на конверте слово «тов.», и представлял я себе этого человека тоже строгим, даже неприступным.

Я вошел в село, и оно удивило меня пустынностью. Только на березе рядом с обшарпанной церковью качалась и громко стрекотала сорока. За церковью стоял дом с высоким крыльцом. Я еще издали прочитал косоватую надпись «Контора». Нерешительно потоптался у крыльца, но дверь открылась сама. Из конторы выскочил на мороз кривой, высоколобый мужик с лохматой заячьей шапкой в руках, в промасленном до железного блеска ватнике. Он утавил на меня свой единственный, удивительно зеленый глаз, нахлобучил на голову шапку, заорал:

— Ты что тут, ёж твою корень, топчешься? Вали в дом! В доме-то теплее.

— Мне бы товарища Петренко...

— Петренко? Дуй туда! — махнул мужик в

сторону дальних строений, а сам, как настеганный, припустил к церкви.

Тропа привела меня к длинному дощатому навесу. Я забрел под навес и, перешагивая масляные пятна на мерзлой земле, стал искать наш «НАТИ». Но вот загнулся, и вижу: торчат из-под колес полузаобранного трактора чьи-то ноги в кирзовых сапогах. Сапоги зашевелились, их владелец стал выбираться. Сначала показались ватные брюки, потом почему-то юбка, потом стеганка, — и вот человек извернулся боком, вылез из-под трактора.

Передо мной стояла женщина, замотанная в теплый суконный платок. Старая она или молодая, понять нельзя: слишком уж перепачкалась под трактором. Я только и разглядел, что брови у нее светлые, глаза синие.

— Чего шукаешь, хлопче? — не по здешнему и напевно спросила она.

— Товарища Петренко. Пэ-Эм...

— Это я.

Если бы товарищем Петренко назвался тот кривой, заполошный мужик, я и то бы удивился меньше. У того мужика хоть глотка здоровая, а у этой толстой тетки и голосок-то несерьезный. И в руках не портфель, а гаечный ключ и полукруглый подшипник от двигателя.

Я переспросил:

— Нет, правда, вы товарищ Петренко? А, может, Петренко, да не Пэ-Эм?

— Не похожа, что ли? — засмеялась женщина и мягко, с придыханием выговаривая «г», поторопила. — Ну, говори, что тебе?

Я вынул конверт, а она положила ключ и подшипник на трактор. Осторожно, двумя пальцами, надорвала конверт. На бумаге сразу отпечатались темные пятна.

Женщина прочитала записку, посмотрела на меня и сказала:

— Та-ак... Выходит, ты ученик Валерьяна Петровича? Работать желаешь?

Взгляд и голос ее были теперь такими, что я сразу поверил: она — начальница. И подумал: «Сейчас откажет! Сейчас разглядит, какой я тощий да маленький». И я ухватился за спасительное имя директора:

— Конечно, я ученик Валерьяна Петровича! А вы знаете, какой он человек? Уж если что Валерьян Петрович посоветует, — так все так и делают, все так и поступают...

Я так нахваливал директора, будто это не мне, а ему надо было поступить в МТС. Но женщина сказала:

— Не трещи. Я и без тебя знаю вашего Валерьяна Петровича. Лучше скажи: твой батько тоже тут работал?

— Вы и его знаете? — обрадовался я.

— Про него написано, — помахала женщина конвертом. — Я приехала сюда в сентябре, а твой батько ушел в армию, должно быть, раньше.

— Но он всю жизнь тут работал и меня научил!

— Ну уж... научил.

— Верно! У нас еще с ним новый трактор был. «НАТИ» называется. Только трактора того я почему-то не вижу.

— На войне ваш «НАТИ». Все лучшие машины на войне, а мы вот с этим добром остались.

Женщина повела рукой в сторону выдавших виды колесников и тронула раскиданный по частям двигатель соседнего трактора.

— Один — разбираем, два — лечим... Новых деталей нет, и получать пока неоткуда. Ты тоже пойдешь до весны на ремонт, понял?

Как сказала она «Пойдешь...», так у меня сразу от души отлегло. Я чуть не хлопнул рукавицами, чуть не крикнул: «Порядочек!», да спохватился и солидно сказал:

— Я хоть сейчас, тетенька.

— Вот и хорошо, дяденька.

Она взяла с трактора ключ, подшипник, серьезно договорилась:

— Меня зовут Полина Мокиевна. А тебя Леонид, что ли?

— Ленька, — поправил я.

— Ну Ленька, так Ленька... Идем, Ленька, в мастерскую.

Здание мастерской было почти новым. Бревенчатые стены его светились медовой желтизной, окна поблескивали прозрачно, и лишь притвор струганых ворот успел потемнеть, заляпанный руками рабочих.

Вслед за Полиной Мокиевой я прошел в дверь сквозь ворота, и на меня обрушился звон, грохот. У самых ворот ревели, сотрясались на деревянных подставках два тракторных мотора. Они чадили душным дымом, меж ними металась девушка в неуклюжем комбинезоне. Мешковатые рукава она высоко подвернула, тонкими руками хваталась то за рукоятки газа, то за тяги воздушных заслонок, но дело, похоже, не ладилось.

Полина Мокиевна подошла к моторам, помянула девушку. Та подбежала, принялась что-то объяснять, показывать. И происходило все это, будто в немом кино. Я вижу — они говорят, а что говорят — за грохотом не слышно.

Наконец Полина Мокиевна склонилась над карбюратором одного мотора, над карбюратором второго, что-то там повернула, и моторы поприотихли. Они загудели ровнее, а Полина Мокиевна послушала, кивнула девушке и вернулась ко мне.

Затем мы попали в помещение, которое после рева моторов показалось тихой горницей. Но и там был шум: постукивали молотки, поскребывали напильники, жужжали сверла в руках рабочих. Я никогда не видывал столько мастеровых людей сразу и встал у порога. А Полина Мокиевна складно сказала:

— Вот вам, товарищи, новичок — еще один мужичок.

Все обернулись, кто-то хохотнул. И тут я увидел: народ-то и здесь самый что ни на есть тыловой — старики да парнишки. Стоят эти парнишки у верстаков не на полу, а кто на ящике, кто на широком чурбане — без этого им до рабочего места и не достать. Но все равно смотрят они на меня ехидно.

Я нахохлился, спросил Полину Мокиевну:

— Говорите скорей, какую работу делать...

— Ты сначала хоть поздоровайся!

— Здравсьте,— глянул я исподлобья на рабочих.

— Здорово, здорово! Ишь ты, какой сурьезный,— ответил мне за всех плотный старик в железных очках и с пышными бровями.— На клапана его, Полина Мокиевна, на клапана. Там силы не надо, а сурьезность пригодится.

— Он еще не оформленный.

— Веди, оформляй. Потом — сюда.

— Может, завтра ему начать? — пожалела меня женщина.

— Что завтра, когда человек позарез нужен теперь,— отрубил старик. Он сердито ткнул пальцем в бревенчатый простенок, там висела на гвозде исписанная от руки бумага.

— Ты вон подписку с нас взяла.

— Не я взяла, вы сами обязательства приняли. Какая же это подписка?

Я заробел, как бы старик и женщина из-за меня не поругались, а Полина Мокиевна протянула старику подшипник, который все еще держала в руке, и тихо, мирно сказала:

— Смотри, Павел Маркелыч, и в этом тракторе все сношено. И эти подшипники надо заливать.

Старик поднес подшипник к очкам, постучал по его вогнутой поверхности ногтем:

— Надо. Да только бабиту на складе — с гулькин нос.

— Миленький, что же делать? Будь ласка, придумай что-нибудь.

Старик еще сердитее зашевелил бровями:

— Что я, академик, что ли, придумывать-то...

Но подшипник положил рядом на верстак.

— Идем в кабинет,— сказала парторг и повела меня через всю мастерскую. И опять парнишки-рабочие разглядывали меня с «высоты», а сдин большеротый, кудрявый пригнулся и соорудил мне рожицу.

Кабинет Полины Мокиевны находился рядом, за стеной. Почти все место в нем занимали железная печь да письменный стол. В кабинете негде было повернуться, его разгораживала по полам брезентовая занавеска, подвешенная к потолку на стальной проволоке.

Полина Мокиевна шагнула за край занавески, я увидел там спинку железной койки, а потом услышал стук умывальника. Возвратилась

Полина Мокиевна уже без ватника, в черной вязаной кофте, и я увидел, что никакая она не толстая, а очень складная и даже молодая. Почти такая же молодая, как наша мама. Только мама темнобровая, а у этой брови почти белые.

Полина Мокиевна подвинула ко мне бумагу, ручку с пером:

— Пиши заявление.

Одноглазый кузнец

Ну вот, написал я заявление, а Полина Мокиевна свернула его трубкой и говорит:

— Все! Теперь беги до хаты.

— До какой хаты? — говорю я.

— Домой, значит... Приказ в конторе подписут к вечеру, а стало быть, зачислят на питание в столовой только с завтрашнего дня.

— А Павел Маркелыч? Он же рассердится.

— Кто? Пыхтелыч-то? — засмеялась женщина, да вмиг спохватилась. — Не вздумай сам Павла Маркелыча так называть. Он и в самом деле рассердится... Беги домой.

— Нет уж, я лучше к нему пойду.

— Так без обеда останешься!

— Не останусь. У меня есть. В кармане.

Я похлопал по карману брюк, там лежала рукавица.

Павел Маркелыч был мастером. Он и в самом деле поставил меня на клапана. Работа оказалась не сложная, хотя старик и заставил меня раз пятнадцать повторить — что нужно делать, как делать, да еще и припугнул:

— Запорешь хоть один клапан — полетит к лешему весь мотор! Чувствуешь?

— Чувствую.

Каждый клапан в головке блока тракторного двигателя надо было притереть к месту так, чтобы его края блестели, как зеркало. А сама притирка исполнялась просто. Зажмешь отвертку в коловорот, упрешь ее в прорезь на шляпке клапана, и — пошел крутить! Накручивай, да время от времени подливай две-три капли мазута со стеклянной пудрой. Рабочие эту пудру готовили сами, толкли молотками осколки стекла.

В тот же день Павел Маркелыч отправил меня за битым стеклом.

— Юрий тебе покажет — где. А то пудра скоро кончится.

Тот большеротый, кудрявый парень, что строил мне рожу, пошел вместе со мной из мастерской.

Битые стекла валялись в куче мусора под зернистым снегом за мастерской. Мы быстро наполнили карманы острыми, скрежещущими осколками. Потом Юрка сунул тонкие рукавицы за пазуху, подул на озябшие руки, головой показал на приземистую избушку недалеко:

— Зайдем?

— А что там?

— Кузница. У меня там друг в молотобойцах. Васька Филин. У него самосад есть.

Юрка, не дожидаясь ответа, побежал к кузнице, я — за ним.

В маленькой кузнице плавала сизая гарь и пылал огонь. Пылал он в кирпичном горне. То лиловые, то белые языки пламени пронизывали горку угля, охватывали лежащий обрубок железа. Обрубок светился.

Спиной к нам, лицом к огню стоял кузнец в заячьей шапке. По его торопливым движениям, по лохматой шапке я сразу признал в нем того заполошного мужика, что был у конторы. Он длинными клещами подгробал угли, подкрикивал:

— Давай, давай! Еще чуть-чуть...

Рядом с горном стоял и дергал за веревку коренастый парнишка в больших валенках. Парнишка был без пальто, в одной распоясанной грязной рубашке. Веревка, которую он дергал, была перекинута через блок под темным, закопченным потолком; она поднимала и опускала кожаный мех. Этот мех, будто безрукое, безногое существо пошевеливал широкой спиной, натужно пыхтел, и пламя в горне пылало ярче.

Я подумал о парнишке: «Это и есть Васька Филин. Только на филина не похож».

Квадратный, крепкий, как кряж, с узкими глазами на круглом лице парнишка больше смахивал на японца. В ответ на Юркин приветственный возглас он ничего не сказал, только стрельнул в нас глазами-щелками.

Кузнец сунул клещи в самый огонь, скомандовал:

— Товсь!

Васька бросил веревку, поднял на плечо тяжеловесный молот и, раскорячив короткие ноги в широких валенках, встал к наковальне.

Кузнец выхватил из огня раскаленную железину. Когда, описав дугу, она легла на гладкую поверхность наковальни, когда по ней побежали темно-фиолетовые тени окалины, стала похожа железина на яркий полураскрытый бутон цветка.

Кузнец перехватил клещи в левую руку, в правой у него оказался молоток. Он легко, быстро пристукнул молотком по горячей поковке и сразу опустил его на зеркало наковальни. «Стук!» — очень ясно проговорил молоток. «Дзвень!» — откликнулась наковальня.

Васька скривил рот, произнес «Ы-ых!», и натымаш бухнул молотом. Искры сыпанули желтым ливнем, а кузнец слегка повернул железину и опять пристукнул молотком. И вот — пошло:

— Стук! Дзвень! Ых! Бух!

— Стук! Дзвень! Ых! Бух!

Я смотрел на мелькание молотов, на озаренных огнем кузнеца и молотобойца и видел —

на моих глазах происходит удивительное превращение невзрачного обрубка железа в красивый шестигранник с ровным отверстием посредине. И это было чудо.

Когда кузнец бросил гайку на пол рядом с горкой других, откованных раньше, когда он, сверкнув зеленым глазом, сказал: «Ну, ёж твою корень, теперь и покурить можно!» — я уже был на веки влюблен и в кузнечное дело, и в самого кузнеца, и даже в Ваську. И я горько сожалел, что попал на работу в мастерскую, а не сюда.

Васька опустил на землю молот, поднял из темного угла овчинный полушубок, накинул на плечи и уселся на деревянную скамью близ горна. Он вытянул одну ногу вперед, неспешно запустил руку в карман штанов и вытянул за шнур пузатый матерчатый кисет. А потом достал оттуда прямоугольный обрывок газеты, загнул корытцем и всыпал в него щепоть ядовито-зеленой мороженной махры-самосада.

Сунув самокрутку в рот, Васька щедрым жестом протянул кисет мне. Я помотал головой. Васька удивился и молча преподнес кисет Юрке...

Кузнец придвинулся ко мне, и вблизи лицо его показалось почти жутковатым. Оно было словно бы слеplено из двух чужих друг другу половинок. Левая сторона будто спит, а правая давным-давно проснулась. Левый глаз плотно закрыт неподвижным веком, бровь глубоко продавлена белесым шрамом и не шевелится, а вот правая сторона — вся живет, вся двигается и, приветливо моргая зеленым глазом, улыбается мне. Уже потом узнал я, что это белофинский снайпер изуродовал кузнеца.

— Постой, постой... Ты чей будешь-то? — спросил он, и тут же громко сам ответил. — Мать честная! Да ведь ты Коли Никитина сын. Точно?

— Точно. А вы откуда знаете?

— Марку видно! — дружелюбно ткнул он в мой лоб жестким пальцем.

— Какую марку?

Мальчишки захохотали, а кузнец, радуясь собственной догадливости, пояснил:

— То-то давеча у конторы стою, думаю: «Где я этого пацана видел?» А, оказывается, это я, глядя на тебя, Колю вспомнил. Папку твоего. Письма-то от него получаешь?

Я сразу сжался, а кузнец тоже вдруг досадливо повел головой. Повел и, притворяясь, что вроде бы ничего такого сейчас, в эту секунду, не понял, не заметил, стал продолжать разговор:

— Больно вы, брат, похожи! На работу к нам поступил? Молодчина. Небось, к Пыхтелычу попал?

— Угу...

— Ну, ничего. К нему все на первую обкатку попадают. Старик он — сухарь, но ничего... Делу научит.

Кузнец притворно насупил правую бровь и

ворчливо, точно так, как это выходит у Павла Маркелыча, пробубнил:

— Чувствуешь?

— Чувствую, — засмеялся я.

— Но ты и ко мне забегай. Забегай почаще. Зовут-то меня знаешь как? Ван Ванычем зовут. Все так зовут, и ты так зови. Твой папка меня тоже Ван Ванычем звал. Я его — Колей, а он меня — Ван Ванычем. Вот какие пироги, ёж твою корень!

Грустно и тепло стало у меня в груди от этих слов. Кузнец ни разу не сказал о том, что были они с отцом друзьями, но я это понял и так.

А вот Юрка мне совсем разонравился.

Павел Пыхтелыч

Старик мастер встретил нас неласково:

— Где пропадали? Небось, у «ёж твою корня» сидели?

Я чуть было не сказал: «Немножко посидели», да увидел, Юрка мигает мне. Я промолчал, а Юрка стал разгружать карман, приговаривать.

— Сидели, сидели... Посидишь тут! Стекло-то, чай, пришлось из-под снега выковыривать. Все рученьки обморозили.

Юрка старательно подул на пальцы, но старик все равно рассердился:

— Комедию не ломай! Вставай к верстаку — нагреешься. Ты тоже берись за дело, — сказал он мне.

Старик был не то что кузнец. С ним много не наговоришь. И я, забрав стекла, отправился на свое рабочее место в углу.

Работа здешняя тоже совсем не та, что в кузнице. Там дело сразу видно, а здесь как начал я клапан крутить, так час кручу, два кручу, а работа вроде бы и не подвигается. Ведь шлифовать — не ковать, дело это очень медленное.

И вот, то ли от монотонного верчения коловорота, то ли от того, что к этому времени я окончательно отошал, но слышу — творится со мною неладное. Творится со мною такое, как будто я и в самом деле накурился Васькиной зеленой отравы.

Пол подо мною вдруг стал покачиваться, свет в глазах — то ярче, то темней, голова закружилась, и ладно я сидел перед мотором на корточках, а то бы не удержался, грохнулся.

В углу мастерской поблескивал бак с кружкой на цепочке. Я встал и, держась за стену, пошел к нему. Две полные кружки холодной воды освежили меня, и я снова взялся за коловорот. Только крутил я теперь не так быстро и все думал: «Поскорей бы конец смене». А она все не кончалась и не кончалась.

Я опять наладился к баку, да тут подошел

Павел Маркелыч. Он выдернул клапан из гнезда, протер тряпкой, повернул к свету:

— Готов.

— Ну да? — я выхватил из рук старика клапан и тоже стал разглядывать. Отшлифованный ободок блестел, темные точки раковин исчезли.

— Получается, — сказал Павел Маркелыч. — Не больно быстро, но получается. Утром приступишь к другим клапанам.

— Разве смена кончилась? — обрадовался я.

— Для кого не кончилась, а для тебя — шаш. Подростков отпускаем раньше, — безо всякой радости прогудел в усы старик. Он все разглядывал мою работу, но его кустистые брови так низко нависли над очками, что невозможно было понять, доволен он мной или недоволен.

А вокруг шла веселая суета. Совсем, как в школе, когда кончается последний урок. Мальчишки с грохотом убирали инструмент в ящики и один за другим выскакивали на улицу.

Я тоже поднял коловорот с пола, глянул, куда бы его пристроить, а Павел Маркелыч сказал:

— Погоди, — и полез рукой в карман пиджака, вынул вчетверо перегнутый лист бумаги. — На вот, держи.

— Что это?

— А это, пока вы с Юркой махру смолили в кузнице, Полина Мокиевна принесла на тебя приказ.

И вот не успел я развернуть бумагу, не успел разобрать, что там напечатано, а старик уже медленным, торжественным движением вознес надо мной палец, басом изрек:

— Чувствуешь?

— Чувствую, — прошептал я, и голова у меня опять закружилась.

Старик снова полез в карман, только теперь в другой. Он вынул тряпичный сверток, положил на левую ладонь и правой рукой раскинул углы тряпицы. Раскинул — и передо мной возникла горбушка хлеба.

В кармане она помялась. Темная, маслянисто-глянцева корка с одного края отскочила, и внутри мякоти был виден прозрачный, с горошину, комок соли. Когда хлеб замешивали, комок не успел растаять, он так, в горбушке, и запекся.

Рот мой наполнился слюной. Я закрыл глаза. Если бы Павел Маркелыч сейчас спросил меня: «Хочешь?», у меня бы не хватило сил отказаться. Но он не спросил, он просто сказал:

— На! Я видел, как ты бренчал кружкой по баку. Бери — и шуруй в столовую. Хлебушко умнешь там с приварком.

И тут в руке его появился талон с чернильной печатью, и талон этот он положил поверх горбушки.

Как понять этого человека? То он вроде бы жмурится, всем недоволен, а теперь — поди ж ты — взял и отвалил хлеба!.. А, спрашивается, за что? Неужели за притертый клапан?

Что ж, может быть, и за клапан. Ведь молчал же он целых полдня о приказе, и отдал его только тогда, когда увидел, как я работаю. Вот уж прав был кузнец, когда назвал его сухарем. Сухарь он и есть, да только по мне — побольше бы таких сухарей! Зря я думал перебежать от него в кузницу, напрасно его побаивался. С кем, с кем, а с нашим-то Пыхтелычем жить можно!

С такими вот хорошими думами, с хлебом за пазухой, с первым своим рабочим документом в кармане, я вышел на улицу.

Я вновь шагал мимо длинного навеса, мимо темных, громоздких машин. Холодные, неподвижные, они терпеливо ждали тут своего часа.

Они дожидались той поры, когда руки людей прикоснутся к ним, и разбудят их, и напоят прохладным бензином, и направят в путь по теплой майской земле. Направят, чтобы пахать и сеять. Направят, чтобы взметнула затем земля тугие колосья. И чтобы покатылся по этим колосьям ласковый, солнечный ветер, и разнес по всей округе чуть слышный, но радостный запах спелой ржи.

И хорошо было думать, что руки эти — руки, которых так ждут машины, — будут не чьи-то, а теперь и мои...

Вдруг я замер. Под высоким навесом с края койкой спящих машин я увидел немыслимое. Там стоял новехонький комбайн «Коммунар», а гладкий металлический бок его был чудовищно распорот. Разодранное железо торчало внутрь. В темной глубине раны, словно белые кости, топорщились перебитые планки решет, качались обрывки цепных передач; мертвенно и морозно мерцали изломы расколотых шестерен. Я долго ошупывал острые края раны...

А в церкви было тепло и шумно, стоял дым коромыслом. Вернее, не дым, а кухонный пар. Церковь под столовую приспособили не так давно, и древние, нахолодавшие за много лет стены еще не успели прогреться. Пар оседал на них крупными каплями. Капли медленно сползали вниз. Они смывали наспех нашлепанный на древнюю штукатурку мел, и сквозь промоины, сквозь дождь, смотрели большеглазые лики святых. Они удивленно разглядывали меня, разглядывали толпу ребят, которые горланили возле новой перегородки, у кухонного окна.

Ребята совали в окно талоны и получали глиняные чашки с супом. Пробриться к окну было невозможно. Я встал на цыпочки, глянул поверх голов и заметил у самой раздачи Юрку. Он тоже меня заметил. Одной рукой уцепился за окно, другую тянет ко мне:

— Давай талон!

Вся мала куча зашумела:

— В очередь! В очередь!

А Юрка хоть бы что, не испугался:

— Не шумите! Ему домой аж на станцию топать. Давай, Леха, талон...

За столом я спросил у Юрки об искалеченном комбайне.

— У нас таких не один,— ответил Юрка.— У нас таких три. Это не здешние комбайны, украинские. Их Полина-парторг привезла. Их много было, «Коммунар»-то. Целый эшелон, и все, как с иглочки, прямо с Ростсельмаша. Полина их к себе домой, на Украину сопровождала, а тут — хлоп! — война. Эшелон попал под бомбежку, и почти все комбайны сгорели. Комбайны сгорели, и Полина домой не угадала, а оказалась с остатком эшелона у нас.

Раньше все, что приходилось услышать о войне, переживал я всего-навсего как дурной сон, или как страшный рассказ из книги — прочитал, поужасался и забыл! А вот комбайн-то изувеченный был наяву. Комбайн, изуродованный фашистами, был здесь, рядом, я и сейчас еще чувствовал, как саднит кожа на моих пальцах, трогавших острые края его раны.

Это был первый увиденный мною самим знак войны,— что говорить! — я притих.

А Юрка заметил это и сказал:

— Не дрейфь. Залечим. Руки при нас — вот они... Кое-что уже умеют.

И он, то ли хвастаясь, то ли всерьез, раскрыл на столе свои ладони. Они были по-мальчишечьи пухловаты, но кожа на них крепко зароговела. Может быть, я рано решил, что Юрка мне не нравится?

Женька

В тот вечер я бежал домой чуть не вприпрыжку. Всю дорогу насвистывал, обсуждал сам с собой все, что произошло за день, и выходило — день этот для меня хорош!

«Тов. Петренко П. М.» устроила меня на работу — это раз. Я познакомился с Юркой и Васькой — это два. Я встретил отцовского друга, кузнеца — это три. Я справился со своей первой работой так, что даже получил от Пыхтелыча вроде бы премию, а это уж и четыре, и пять сразу!

В поселок я вошел по глубоким потемкам, домой забегать не стал, а сразу свернул к Женьке. Женькин дом был приземистым, как барак, с гулким, бесконечным коридором. Жили в доме станционные машинисты, кочегары, сцепщики — многосемейный рабочий люд. В коридоре по летним вечерам было всегда полно ребячьей мелюзги, а теперь в нем темно, холодно. Гремя и раскатываясь мерзлыми валенками, я дошагал до конца коридора, нашарил в потемках Женькину дверь. Нашарил, послушал — за дверью постукивало.

Я вошел и первым делом увидел посреди комнаты соткнутые боками низенький буфет и высоченный фанерный шкаф. Торчат они тут нелепо,

но поставил их так Женькин отец, дядя Сережа. Он выгородил ими для Женьки из общей комнаты уютную каморку. В каморке Женька занимается, в каморке Женька мыслит. Здесь у него «научная лаборатория». В «лаборатории» все, даже постель, завалено гайками, проволокой, винтами и всякими банками-склянками.

Вход в Женькино обиталище постоянно задернут ситцевой занавеской. Я крикнул в занавеску.

— Профессор, вы дома?

Стук с той стороны прекратился, там что-то звякнуло, зажужжало — занавеска сама поползла в сторону. Я шагнул в «лабораторию» — занавеска опять закрылась.

Длиннолицый, сероглазый Женька сидел на кровати, в руках держал медный, похожий на сковороду, маятник от старинных часов. Маятник был мятый, Женька выпрямлял его деревянным молотком на одеяле. Увидел меня, обрадовался.

— Явилось красное солнышко! Сто лет не был.

Он хлопнул маятником по одеялу:

— Садись!

— Рассиживаться некогда, у меня дело.

— Какое дело?

— У тебя баббит цел?

И я рассказал о Павле Маркелыче, о том, как он ворчал, что нечем подновить старые подшипники.

— А мы, Женька, с тобой, помнишь, насобирали этого самого баббита полную баночку. И ты унес баббит к себе, сказал: «Нужен...» Так, может, он теперь тебе не нужен?

Баббит — тяжелый и плавкий, как свинец, металл собирали все станционные мальчишки. Крохотные крупинки его мы выискивали на деповской свалке, складывали в какую-нибудь ржавую посудину и плавил на костре. Нам нравилось наблюдать, как серые крупинки начинали от жары блестеть, округляться, а потом — в какой-то почти неуловимый миг — словно бы оживали и сливались в одну крупную, горячую каплю. Капля, когда остынет, приятно тяжелит ладонь.

Вот про этот баббит я и напомнил Женьке, а Женька смотрит в пол и молчит.

— Что молчишь? Цел он у тебя или не цел? А не цел, скажи.

— Цел-то цел,— наконец говорит Женька и лезет под кровать.— Цел-то цел,— говорит он, и тут, смотрю, вытаскивает из-под кровати никакую не банку, никакой не баббит, а целый паровоз!

Вытаскивает он модель паровоза, да только такую модель, что, если бы не размеры, от настоящего не отличить. Все — на месте. И шатуны, и колеса. И тендер, и будка. Есть даже медный свисток; и только в тендере, где полагается быть углю, стоит пузырек с ватным фитилем.

При виде такого чуда я и о деле своем позабыл. А Женька чиркнул спичкой, зажег фитиль, говорит:

— Считай до сорока трех...

Я досчитал до сорока, и только сказал: «Сорок один!», как в паровозе забулькало, словно в чайнике, над маленькой трубой взвился пар, и раздалось отчетливое, самое взаправдашное «Пшшш!»

Я сказал: «Сорок два!» — и паровоз опять откликнулся: — «Пш! Пш!»

Я крикнул: «Сорок три!» — Женька просунул палец в будку, что-то надавил, медный свисток пропел «Ту-ту!» — и... паровоз покатился.

Он покатился по кругу. Он заехал под кровать, выскочил оттуда, опять заехал под кровать — и так все время, потому что Женькина каморка была узкой.

Я уселся на пол и, не спуская с паровоза глаз, прошептал:

— Ну, Женька... Ну, Женище! Когда хоть успел-то? Ты о нем ничего и не говорил.

— Не закончил, вот и не говорил. Самоходную модель я придумал давно, только все не было подходящих колес.

Женька протянул руку, на ходу выхватил из паровозного тендера горелку, пламя погасло, паровоз тихо вздохнул: «Уф... Пуф-ф...» — и остановился. Женька тоже вздохнул:

— Вот и все... Теперь опять будет без колес.

— Почему?

Я потрогал низенькие, толстенные колеса и сразу все понял. Женька изготовил их из баббита, за которым я припожаловал.

Он заполнил расплавленным металлом круглую жестяную банку, а потом слесарной пилой порезал банку, словно колбасу, на равные доли-колеса. Колес получилось восемь штук. Все они теперь стояли под паровозом — четыре слева, четыре справа. Я опять их потрогал и сказал:

— Жалко.

— Мне самому жалко, — насупился Женька, вынул махонький гаечный ключ и принялся отвинчивать колеса...

Было, правда, одно обстоятельство, которое омрачило меня. Женька делал паровоз для выставки. Слышал, что где-то такие выставки бывают. Рассчитывал получить премию — путевку в Крымский пионерский лагерь Артек. И отдать эту путевку Тоне.

— Пусть бы она поправилась как следует после Ленинграда, — сказал Женька, подавая мне последнее колесо. — Но теперь в Крыму фашисты. Бои под Севастополем...

Вот ведь как получается — не могу я Женьку не уважать, лучше него нет для меня ни одного парня на свете. И лучше Тони никого нет... Я только хотел ей горностаев добыть, а Женька уже сделал модель такого замечательного паровоза. Для путевки в Артек...

Утром в мастерской Павел Маркелыч долго разглядывал колеса, вертел так и сяк, все спрашивал:

— Так, говоришь, тот малец сам изготовил?

— Сам. Кто же еще...

— Голова-а! Маста-ак... Без токарного станка сотворил колесо, как по циркулю. А не жалел он, что изделие-то свое нарушил?

— Откуда я знаю? — ответил я хмуро.

— Жале-ел... Конечно, жалел. Разве не пожалеешь? Ведь это, паря, с головой сработано. Вот, смотрите, как надо мозгами-то шевелить, — совал Пыхтелыч своим ученикам Женькино изделие: — Не похохатывайте, а смотрите и чувствуйте! А ты, Никитин, спасибо ему передай. Скажи — выручил. Скажи — взамен этих, я ему на станке новые выточу. Стальные...

Эх, Женька! Эх, Тоня...

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

У нас на Севере

Вадим
БЕДНОВ

Дворы

Уходят, уходят дворы,
а с ними сараи, поленья,
и «щели» военной поры
уже зарастают забвеньем...
Дворы — это тоже миры.
Где песни и кухонный чад
привычно несутся из окон,
младенцы и жены кричат,
где кошка с единственным оком,
как в джунглях, крадется в траве
и пес на военной тропе.
Вы нас закаляли, дворы, —
изнанки пристойных фасадов,
вы нас вдохновляли, дворы, —
за каждым сараем засада
и в каждом сарае штабы:
рождались великие планы!
Мы были добры и грубы,
мы были хитры и храбры, —
Чапаи, д'Артаньяны.
Входил я в чужие дворы
разведчиком, парламентаром.
Мы нежность клеймили позором
по правилам нашей игры...
...Уходят родные дворы.
И мы говорим: «Слава богу!» —
устан от дворовой муры.
Забудем о них понемногу...
Уходят. Но детство со мной:
пускай забреду я далеко,
приснится мне двор проходной —
кратчайшая к дому дорога.

являет — непременно! — изумленье.
Как зелена зеленая трава,
как бел снежок, что он лопатой роет...
Растет сынишка...
Сколько — дважды два,
наморщив лоб, он скоро сам откроет...
Расти, малыш! Расти и вопрошай,
уверенно шагай навстречу чуду!
А если скажешь:
«Папа, не мешай!» —
я обещаю, что мешать не буду.

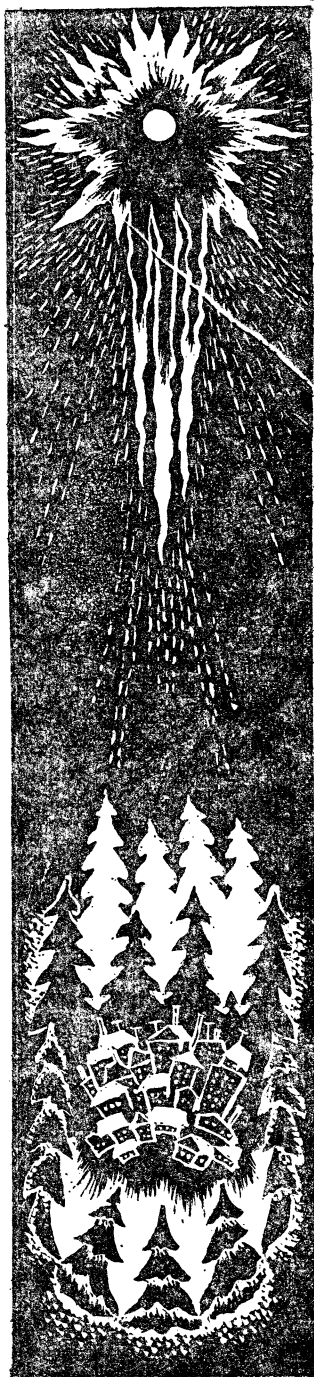
Еще вчера, еще вчера
у нас на Севере стояла
чужая лютая жара,
она позиций не сдавала.
И в раскаленной зыбкой дымке
висело солнце день-деньской.
Как на нечетком фотоснимке,
пейзаж двоился городской.
И мы, как белые медведи,
не вылезали из воды.
А по ночам не спали дети;
вползал в квартиры горький дым
лесного дальнего пожара,
казалось, город окружала
тайга пылающей стеной...
Вдруг дождь ударил проливной!
Сорвались ветры вслед за ним...
Сегодня мы не лезем в воду
и спим спокойно. И... браним
испортившуюся погоду.

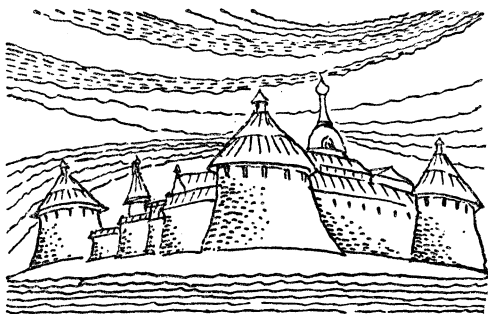

Растет сынишка с вечным «почему»
и рот от удивленья разевает
обычное в диковинку ему —
и каждый миг он что-то открывает.
Берет он чистый лист и карандаш,
рисует не натуру, а явление,
и каждый нарисованный пейзаж

Соловецкие камни

Камни рыжие
Соловков.
Древних стен
золотая осень
безмятежна,
как неба просинь

Море вечно

Юозас
НЕКРОШЮС

в легких глубинах облаков.
Дремлют
тихие озерки
и торжественные озера —
эти зыбкие островки
опрокинутого простора.
Спят
тяжелые валуны,
что срослись,
словно комья снега,
потом,
кровью
окроплены
подневольного человека.
Инженерный сроднил расчет
с богатырской раздольной песней
подневольный народ-кудесник.
Мох
на башнях кремля цветет.
Кремль,
твоя борода — седа,
с желтизной твоя борода.
Дышат вечностью здесь
вода,
каждый камень
и каждый кустик.
...Соловков добровольный узник,
я еще приплыву сюда...
Безмятежна,
как неба просинь
в легких глубинах облаков,
древних стен
золотая осень.
Камни рыжие
Соловков.

Встречайте ласточек

Соседи,
Может, думаете вы,
Что дождь на ваши льется огороды,
На вашу жизнь,
На ваш практичный быт?
Нет, льется дождь потоками весны
На все поля,
На белые березы,
На каждую былиночку в лугах!

Бегут, лучась,
Девчонки без плашей,
Дождем омыты девичьи улыбки,
Как первые листочки на ветвях.
И ласточки летят издалека,
Сквозь дождь спешат
На Родину прорваться,
Хотя намокли крылышки у них.

Глядите, люди,
Ласточки летят!
Так что же мы сидим?
Дела отложим,
И по ручьям, как в детстве, побежим.
Вы зонтики забыли?

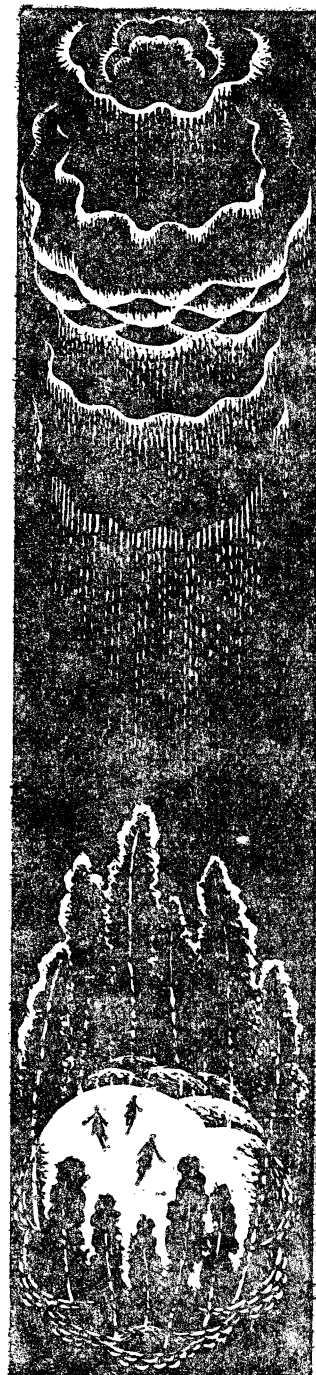
Не беда!

Без зонтиков под дождиком весенним
Давайте, люди,
Ласточек встречать!

Жеребят

Или в снах моих
в свете заката,
Или возле цветущих лугов
Вновь резвятся во всю жеребят,
Убежав от своих табунов.

Как мелькают их быстрые ноги,
Как вплетаются гривы в закат!
На степные холмы без дороги,
Словно крылья несут жеребят.

СОЛНЦЕПОКЛОННИК

**Виктор
ПЕКЕЛИС**

Оформление
З. Баженовой

счастье света

В 1913 году в один из обычных дней в губернском городе Калуге появилась новая семья: полковник Леонид Васильевич Чижевский принял под свое начало артиллерийский калужский гарнизон.

Это был признанный военный специалист, обладавший большими знаниями и подготовкой, и он не случайно получил вскоре генеральский чин. Чижевского отличала широта взглядов, высокая порядочность, умение реально оценивать события. Не удивительно поэтому, что после Великой Октябрьской революции он вместе с прославленным генералом Брусиловым участвовал в организации Красной Армии.

Семья Чижевских поселилась на Ивановской улице, в доме с мезонином. Мезонин был отдан в полномочное распоряжение Чижевского сына, высокого, худого шестнадцатилетнего юноши. Он устроил там лабораторию.

Александр Чижевский с ранних лет проявлял незаурядные способности в учении, и родители старались это использовать, чтобы дать сыну разностороннее образование. Он учился в школе изящных искусств в Париже, любил литературу, увлекался естественными науками.

По приезде в Калугу он не изменил свой образ жизни. Александра часто видели в городской библиотеке, обладавшей большим фондом отечественной и зарубежной литературы. Случалось ему посещать и собрания местных научных обществ, устраивавших популярные лекции о науке и искусстве. А редакции двух

городских газет и журнала, издававшихся в Калуге, обладали для него поистине притягательным свойством: юноша писал стихи.

Для обывателей Александр Чижевский и сам по себе был неожиданным, мало того, экстравагантным. То затевал неправдоподобные опыты с копотью и вонью; то бродил по окрестностям с мольбертом и рисовал какими-то размазанными тонами и нечеткими линиями (скажем попутно, что он учился живописи у Мане и был одним из любимых его учеников); то подолгу взирал на небо, как зачарованный; то удивлял знакомую мечтательную гимназистку фразой вроде следующей: «Не разлагай умом — пойми его душой» — из сонета собственного сочинения.

На самом же деле ничего экстравагантного в Александре Чижевском не было, а был просто необычайно одаренный юноша, получивший к тому же, благодаря заботам и вниманию родителей, глубокое образование, был юноша, который искал себя, чувствуя необходимость чему-то полностью посвятить свою жизнь.

Счастливы те, кому печали
Сносить свободно и легко,
Кого не манят жизни дали,
Кто не вникает глубоко
В свой странный разум,
свою веру...

Эти строки мог написать молодой человек, неравнодушный и эмоциональный, ищущий свой удел, глубоко верящий, что он есть — этот его удел. Довольно часто поэт превращался в астронома. Он наблюдал звезды в телескоп, чувствуя непреодолимое волнение перед красотой и величием Вселенной. Звезды холодные и далекие. И Солнце горячее, «живое»...

Александр был вправе причислить себя к «солнцепоклонникам», настолько влекло его Солнце. (Впо-

Виктор Давыдович Пекелис — известный журналист, писатель, автор многих научно-популярных книг. Герои его произведений — люди энергичные, ищущие, творческие.

В нашем журнале В. Д. Пекелис публикуется впервые.

следствии Александр Леонидович Чижевский вспоминал: «Все книги о Солнце, которые я нашел в библиотеке отца и в калужской городской библиотеке, были добросовестно изучены. Все, что можно, было выписано из крупнейших магазинов Москвы и Петрограда. Запросы о книгах, выписках, справках полетели в книгохранилища разных городов. Книги Юнга, Аббома, Аррениуса сделались моими настольными справочниками».)

А случалось, что астроном на долгое время превращался в нечто среднее между архивариусом и филологом-фольклористом. Зная четыре иностранных языка, Чижевский-младший с увлечением проглатывал старинные хроники, штудировал летописи, зачитывался преданиями и мифами.

В 1914 году произошло знакомство любознательного юноши Чижевского со знаменитым «калужским мечтателем» Циолковским. Это знакомство и возникшая затем дружба сказались на формировании взглядов, на миропонимании Чижевского. Идеи Константина Эдуардовича находили горячий отклик в душе Александра. Юноше были близки и понятны мысли Циолковского о величии космоса. Он думал еще и о величии человека, дерзнувшего с калужской земли устремиться во Вселенную.

Ко времени их знакомства уже увидели свет великолепные книги Циолковского: «Грезы о земле и небе», «Исследования мировых пространств реактивными приборами», вышла фантастическая повесть «На Луне».

Чижевского прельщала в трудах Циолковского дерзновенность мысли и логика, ибо он давно начал понимать, что значит в научных трудах аргументация выводов. Чижевский уже начал формироваться как ученый. Собирая материалы о Солнце, он хотел знать, что знают люди, и систематизировать эти знания.

В попытках найти свое призвание, переходя от одного влечения к другому, он оставался верен всеохватывающему желанию постичь гармонию мира. Именно этим навеяно одно из юношеских его стихотворений:

Не проклинай, молю, желанья!
Не нарушай моей мечты!
Я жить хочу для созерцанья
Плодов небесной красоты.
Хочу я верить в счастье света
И знать грядущие счастливых дней.
И, как незваная комета,
Блестать все ярче и ясней.

Не будем упрекать Чижевского — ученика калужского реального училища — за желание блестать ярко и ясно. Кому в юности несвойственно это желание?! Тем более, что, по его предположению, оно вот-вот сбудет-

ся. Разве недостаточно для этого сдать экзамены за курс реального училища и поступить в Археологический институт?

В 1914 году он поступил на Калужское отделение этого института вольнослушателем. Казалось бы, путь его определен, замкнувшись на истории. Но нет. Через год, в октябре 1915 года, студент Александр Чижевский делает здесь доклад на тему «Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли».

...Сейчас, через шестьдесят лет, эту дату называют рубежом, за которым следовала новая глава в науке...

Когда обращаешься к студенческим годам Александра Чижевского, создается впечатление, будто он стремился «объять необъятное».

Став студентом Археологического института, он заканчивает дополнительный класс реального училища, чтобы сдать в 1915 году экзамены в Московский коммерческий институт — здесь уже действительным слушателем. Но этого ему явно мало: Чижевского влечет университет. И он сдает экзамены по латыни за курс гимназии и определяется в качестве «стороннего слушателя» на физико-математический факультет по естественному отделению.

Как тому и полагалось, прежде всего он окончил Археологический институт, защитив в мае 1917 года диссертацию «Русская лирика XVIII века». Небезынтересно, что рукой директора института профессора Успенского в свидетельстве об окончании курса сделана надпись, что студент А. Чижевский не только удостоен звания окончившего институт, но и получил научную степень археолога, соответствующую нынешней степени кандидата наук, и зачислен в действительные члены института.

В декабре того же года историко-филологическому факультету Московского университета была представлена диссертация на степень магистра всеобщей истории: «Эволюция физико-математических наук в древнем мире» — рукопись на 387 листах. Автором ее был А. Чижевский. А в 1918 году он представляет следующую рукопись — уже на 872 листах — на степень доктора всеобщей истории. Тема ее «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса». Ученый совет эту степень А. Чижевскому присуждает.

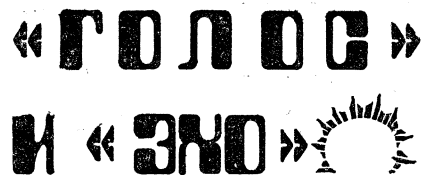
Казалось бы, можно было и остановиться. Но Чижевскому будто бы все не хватает и не хватает знаний. Уже доктором наук, он проходит еще один курс того же университета, учась на медицинском факультете с 1919 по 1922 год. В 1922 году он утверждается в звании профессора.

Александру Чижевскому к тому времени исполняется двадцать пять лет.

Если к перечисленным работам, к постоянной занятости студента — и не одного факультета — добавить, что на этот же отрезок времени он закончил несколько математических работ, писал научно-философские сочинения, многочисленные доклады отчетного характера, журнальные и газетные научно-популярные статьи, выпустил курс лекций по русскому языку, сочинял стихи и попробовал написать драму, то придется удивляться не только работоспособности их автора, но и широте его интересов. И это помимо труда, потребовавшего большой подготовительной работы и строго логического анализа, — «Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли».

В юности Александр Чижевский нарисовал экслибрис — книжный знак — для своей библиотеки. На фоне Солнца и человеческого мозга был изображен интеграл, охватывающий все — от плюс до минус бесконечности. Этот символ был не данью романтическим настроениям автора, а предельно точно выражал его credo: свет Солнца и свет человеческого разума — вот источники жизни и познания.

Солнце и жизнь на Земле стали для будущего ученого темой многочисленных и трудных исследований.

В полной мере ощущал себя сыном Солнца молодой Александр Чижевский, страстно увлеченный огненным диском на земном небосклоне. Но, как мы помним, не менее увлечен он был и старинными летописями, сагами, преданиями. Однако эти две свои страсти он сумел слить воедино в удивительном для Археологического института докладе — «Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли».

С того — 1915 — года Чижевский стал изучать любимые памятники древней письменности «под солнечным углом зрения»: как влияет Солнце на живые организмы Земли. Он просмотрел произведения писателей древнегреческих и древнеримских, античный эпос, древнеиндийские летописи, произведения китайских писателей за обширнейший отрезок времени. К этому надо прибавить еще и то, что тщательно проанализировал исследователь в более

поздних работах о наблюдениях за Солнцем и живой природой. И это не все: Чижевский досконально изучил уйму эпидемиологических трактатов.

Да, с того года он начал свои удивительные поиски. И многие годы вел их с немалым воодушевлением, чем в пору увлеченного первооткрытия.

Когда знакомишься с работами Чижевского, поражает необыкновенное соответствие постановки вопроса и его разрешения. Будто бы легко и спокойно прослеживаются связи Земли и Солнца. Ученый и сам как бы удивляется: много в старинных работах, трактатах, поэмах сопоставлений между явлениями в физическом мире и явлениями в органической природе Земли и среди человечества. И он с головой уходит в изучение этого материала, воспринимая как откровение стремление безвестных часто авторов сопоставить столь далекие явления.

Несколько позже он напишет об этом своем проникновении в проблему взволнованно и образно: «В них (сопоставления физический явлений и органической природы.— В. П.) мы находим не только богатство или скудость фантазии, присущие тому или иному племени, но иногда и поразительные по своей глубине суждения, покоящиеся на точных наблюдениях природы, сделанные верным и опытным глазом подлинного испытателя природы. Исторические экскурсии постоянно заставляли нас углубляться в летописи, хроники и анналы различных народов. И почти всегда и везде, как некоторое общее правило, мы могли констатировать, что наблюдатели-летописцы отмечали замечательные совпадения небесных и земных явлений. В тишине монастырей, в тревоге осажденных укреплений или в мирном течении жизни, вдали от битв и походов, скромные и зачастую неизвестные создатели истории отмечали эти совпадения и давали им то или иное объяснение».

Греческий историк Фукидид сообщал, что эпидемии 436—427 годов до н. э. в Аттике «шли» на фоне землетрясений, усиленной вулканической деятельности, морских наводнений, засух и неурожая.

Древнеримский поэт Овидий свидетельствовал, что некая повальная болезнь на острове Эгны в I веке до н. э. «одолела людей, животных и растения одновременно».

Патриаршие летописи 6874 года говорят нам, что «Бысть знамение на небеси. Того же лета бысть мор великий в граде Москве. Того же лета бысть мор в Литве зело. Того же лета бысть сухмень и зной велик и град великий по всей Земле».

Да, всегда и везде старинные писатели и историки, жившие в разные эпохи, в отдаленных друг от друга странах, были единодушны в одном: неживая природа каким-то образом сказывается на «разгуле моровых поветрий» среди людей.

Но более всего поразило Чижевского то, что он окрестил для себя «системой предзнаменований». Она у всех народов и во все времена была удивительно похожа!

Для древнего китайца, русского летописца, галла и монгола странная окраска небесного свода, стрельчатые облака, столбы и вееры полярных сияний, колебания почвы, пятна на солнце или круги около него неизменно предшествовали наступлению беды,— поражался ученый. И тут же благообразно замечал: вполне понятно, что в своих замечаниях древние значительно преувеличивали роль и смысл небесных знамений и даже падали в грубые ошибки, увлекаясь поэзией сравнений. И все-таки, несмотря на то, что «система предзнаменований» покоилась на религиозной почве, она всегда имела объективные основания: общественную сторону жизни наших предшественников. И это самое важное для нас,— делает вывод Чижевский.

Так говорили Чижевскому летописи. Ну, а что говорили медики, врачи?

Ученый обращается к их свидетельствам. Пожалуй, в душе он побаивался этой минуты: вдруг столь нужные ему голоса молчат? Вдруг они не станут его союзниками?

Но что ж! Развернем их трактаты... Чем больше читал Чижевский, тем яснее видел: опасаться нечего. И восточные исцелители, и европейские врачеватели — менее одухотворенно, чем летописцы, но более четко искали связи между «небом и Землей».

Начиная с Рамаццини (врач, признанный отцом профессиональной гигиены, живший в 1633—1714 гг.) ученый встречается с целой плеядой исследователей, посвятивших свои работы выяснению связи между заболеваниями и метеорологическими явлениями. Среди них Чижевский видит имена Сиденгема (1624—1689 гг.), Виллиса, Мортонна, Вильгельма Гранта, Столя, Мертенса.

Упорный молодой исследователь узнает, что в Германии врач Гоффман вел одновременные наблюдения за погодой и заболеваемостью. А с середины XVIII века, как Чижевский отмечает, в редком сочинении по частной патологии не указывалось на связь между волнениями в фазах той или иной болезни и необычными комбинациями в свойствах атмосферы.

И, наконец, обратившись к XIX столетию, он, к величайшему своему удовольствию, находит, что эта

связь прослеживается во многих солидных исследованиях.

Чижевский узнает, что интересующий его вопрос — влияние внешних факторов на болезни — тщательно изучался французской медицинской школой в Монтелье.

Болезни и внешняя среда... Болезни и «земные условия жизни»... Людские болезни и явления физического мира... Их замечали. Их отмечали, но... Но ни один из прочитанных им документов не давал на его вопросы ответа.

Почему многие эпидемии в возникновении и течении проявляют странности, не поддающиеся точно и полному объяснению?

Почему в одни годы эпидемическая вспышка болезни в течение нескольких месяцев охватывает огромные территории, распространяясь на все части света и унося миллионы жертв? В другие годы, при всех равных условиях, она не появляется вовсе или локализуется в строго ограниченном районе?

В ходе развития некоторых эпидемий, например эпидемии гриппа, можно отметить чуть ли не одновременное возникновение или резкое усиление заболеваемости во многих, удаленных один от другого, пунктах сразу. Когда в 1847 г. грипп поразил Англию, Данию, Бельгию, Францию и Швейцарию, у многих создалось впечатление, что грипп во всех странах возник в один и тот же день.

С другой стороны, врачами замечено не только, так сказать, стихийно-катастрофическое возникновение эпидемий, но и стихийное их прекращение. Так, в отчете о чумной эпидемии в Ветлянке, русский врач, участник экспедиции Страховский пишет: «Видимо, в окружающей среде что-то произошло, что внезапно прекратило эпидемию в Астраханской губернии еще до прибытия противочумной комиссии». Тут же вспоминался ему замечательный факт мгновенного прекращения чумной эпидемии после страшного урагана, свирепствовавшего по всей Европе в последних числах февраля 1714 года.

Действительно, рассуждал ученый, очень часто случается, что вопреки мнению врачей-бактериологов и эпидемиологов, болезнь вспыхивает когда захочет и ослабевает совершенно неожиданно для всех. Резкие скачки в ходе заболеваемости и смертности, то исчезновение, то снова появление эпидемии, то исчезновение, то появление микроорганизмов во внешней среде, то значительные колебания в вирулентности микроорганизмов всегда заставляли думать, что сами болезнетворные микробы представляют собой взрывчатый материал, готовый вспыхнуть от ничтожной искры. И наиболее прозор-

ливые врачи неминуемо приходили к мысли о роли космических сил в темном эпидемиологическом процессе.

Неизвестные космические силы... Каким? Чижевский, «солнцеклонник», приходит к мысли: а не виновато ли Солнце, не оно ли подает там, далеко от нас, «голос», который «эхом» отзывается на Земле?

Солнце — виновник многих бед людских. Как это объяснить?

«Этому предшествовал такой ход рассуждений,— писал впоследствии ученый.— Метеорологические факторы — температура, давление, влажность — претерпевают постоянные колебания и даже в двух близко лежащих пунктах дают различные показания. Их можно сбросить со счета. Но существует группа явлений, которые одновременно охватывают огромные пространства. Например, пертурбации земного магнитного поля или магнитного электричества. Но электрические, магнитные, электромагнитные явления в земной коре и атмосфере в свою очередь зависят от явлений космических, главным образом, от влияния Солнца. Значит, прежде всего надлежит исследовать вопрос о том, в каком отношении находятся те или другие эпидемические заболевания с солнцедельностью».

Так родилось первое звено цепи: Солнце — болезни на Земле. За ним следовало второе.

Для столь неожиданной гипотезы нужна была статистика давно прошедших эпидемий. Только сопоставив ее с хронологическими таблицами солнцедельности можно получить какие-либо результаты. Амплуа статистика несколько не смущало Чижевского — он добровольно посвятил этому монотонному поиску одинаковых данных многие дни. Характер ученого, его опозитивированное восприятие мира помогли ему в этой для многих скучной работе.

Но он в обработке данных, полученных не в лаборатории, а в результате наблюдений за природой, видел обработку грандиозного эксперимента, осуществляемого как бы самой историей. Он чувствовал себя свидетелем жизни многих поколений, многих народов.

Статистику давно прошедших эпидемий он начал с чумы. Были систематизированы сведения за огромный период времени — с 430-го по 1899 год. Составлена подробная хронологическая таблица наиболее крупных чумных эпидемий. Теперь оставалось сопоставить ее с таблицей солнцедельности. Можно представить себе волнение ученого, с каким он приступил к этой работе. Сравнить две таблицы — и результат налицо. Подтвердится или опровергнется его предположение?

И Чижевский сопоставил таблицы. Результат как громом поразил его: точки максимумов на кривой, изображавшей ход солнечной активности, и подъемы кривой, соответствующей динамике распространения чумы, совпадали! Связь между эпидемией и «голосом» Солнца существовала!

Везение? Оглушенный увиденным, он забыл, что долго и упорно своим трудом его готовил, как забыл и о том, что в сопоставлении этих непритязательных кривых ожидал конца работы.

Нет, нет! Вот оно, начало. Разве можно делать вывод из одного факта, не проверив зависимости от Солнца других заболеваний? Последовало изучение данных о холере.

Так же основательно прослеживает ученый и эпидемии холеры — год за годом, район за районом, страну за страной. И везде видит эту закономерность: активное Солнце — разгар эпидемии. Теперь у него в руках два «козыря». Но разве это убедительно? Пожалуй, нет. И Александр Леонидович Чижевский ведет свое статистическое наступление на грипп, от которого не уберется на Земле ни один человек. Издавна врачи замечали, что эпидемии холеры и гриппа обычно идут одна во след другой.

С 1403 года по 1926-й — за 500-летний период времени — ученый насчитывает 83 эпидемических года. При сравнении их с деятельностью Солнца исследователь обнаружил, что двадцать восемь волн гриппа падают на период максимума солнцедельности, а пятнадцать — на минимумы.

Мало того, если ранние сведения о гриппе менее надежны, считает ученый, из-за возможной неточности наблюдений за Солнцем, то довольно близких нам XVIII век дает в руки проверенный материал. И что же? Закономерности в следовании гриппа за ходом активности нашей звезды выражены настолько ярко, что нет никаких сомнений, хотя два солнечных периода и не сопровождалась вспышками болезни. Та же картина и в истекшем веке — восемь периодов из девяти сопровождалась эпидемиями гриппа.

Это сопоставление настолько поразительно — Солнце и болезни! — что люди, знакомившиеся с трудами ученого, повергались в изумление. Не надо забывать — работы Чижевского выходили хоть и не в столь далекие от нас 20-е, 30-е годы, но как то время в науке отличается от нашего!

Сейчас, отправляя космические корабли в запланетные путешествия, ученые чутко прислушиваются к «пульсу Вселенной». Ни один полет

не может состояться без учета «поведения» Солнца, исследования космического излучения. Но тогда люди были так далеки от космоса!

Доказательство Чижевского связи Солнца и Земли, проявляющееся в зависимости биосферы от солнечной деятельности, поражали своей «несуразностью». В лучшем случае о работах ученого молчали или им удивлялись. Но чаще всего они встречали ничем не прикрытую насмешку. Пятнышки на Солнце и болезни людей? Что может быть нелепее? Это, мягко выражаясь, неуместное дилетантство... Разве Чижевскому неизвестно, что болезнь — явление социальное? Зачем лезть на небо за объяснениями земных причин? Измените условия жизни здесь, на планете, эпидемии как рукой снимет!..

Профессор Чижевский хорошо знал, что болезнь — явление социальное. Но как можно суживать вопрос до такой степени? Как можно живые организмы Земли, в том числе человека, вырывать из внешней среды?

Но мало кто к подобным речам прислушивался. Еще меньше было людей, которые соглашались с ученым.

Не удивительно поэтому, что главный труд жизни замечательного исследователя «Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца» вышел в 1930 году на правах рукописи в количестве 300 экземпляров.

Вот он держит в руках эту скромно изданную книжку — результат его пятнадцатилетних неустанных и любимых трудов. Противоречивые чувства борются в нем: радость увидеть свой труд напечатанным и горечь от того, что он напечатан. Но радости больше — от добрых слов, написанных в предисловии издательства... Да, да! Все так — исследования русского ученого привлекли живое внимание европейских и американских ученых различных специальностей — от биологов и медиков до историков и социологов.

Но, пожалуй, оно скорее выражает доброе отношение к нему, автору, чем освещает истинное положение вещей. Вот они, эти строчки, которых не могли не написать: «работы автора вызвали в научной и широкой прессе критические статьи и оживленную полемику».

Как деликатно сказано. Он благодарен издателям и за деликатность...

И все-таки работа напечатана! Ее прочтут люди, подумают, оценят, опровергнут — но прочтут!..

С тех пор прошло сорок лет. Сегодня мы не можем не отметить очень важного обстоятельства. Работа Чижевского была издана «Все-российским обществом врачей-гомеопатов». Издатели сумели заглянуть в будущее. Смотрите, как современ-

но звучат слова, написанные в 1930 году в предисловии:

«Убеждаясь в том, что между вспышками эпидемий и вспышками Солнца имеется определенное соответствие, мы получаем возможность эпидемического прогноза на годы вперед, и с этой точки зрения исследования А. Л. Чижевского имеют совершенно исключительное социальное значение. Следовательно, работы А. Л. Чижевского в данном пункте выходят из рамок узко научного значения и вплотную соприкасаются с повседневной и практической жизнью человека.

...Не будет лишним здесь отметить, что и астрономия, под влиянием исследований А. Л. Чижевского, приобретает новое, повседневное, практическое значение, важное и существенное для каждого человека, поскольку астрономические явления оказывают воздействие на состояние здоровья, как это устанавливает наш ученый».

Но, увы, так думали единицы. Их поддержка была тем ценна, что это были замечательные ученые, люди передовых мыслей. С великой признательностью Чижевский часто повторял их имена: академик В. И. Вернадский, академик Д. К. Заболотный, академик П. П. Лазарев, К. Э. Циолковский, академик А. В. Леонтович, профессор А. А. Садов и некоторые другие ученые. И все-таки это были единицы...

Однако сам ученый не сомневался в своей правоте. О мужестве Чижевского можно судить по тому, что, несмотря на фактическое замалчивание его трудов, несмотря на подчас издевательскую критику, он был убежден — его идеи будут признаны. Пусть не сейчас, пусть понадобятся десятки лет, но идеи его перестанут называть фантазиями...

Но как все это его и огорчало! Как мучительно было пробиваться через «исключительно мертвенную медлительность проникновения новых идей в мозг человека!» Мужественный ученый, наедине с собой, в стихах признавался:

О ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей —
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!

...Казалось бы, «смерть и Солнце не могут пристально взирать друг на друга». Однако это неверно: бывают дни, когда для больного человека Солнце обращается в заклятого врага, от которого человеку некуда скрыться. Смертоносное влияние Солнца наступает человека повсюду. Одна наука, которой дано предвидеть явления, может указать на грозящую опасность, и дело врача сделать так, чтобы больной организм

мог перенести эту неравную борьбу с теми явлениями, которые возникают в результате излучения Солнца.

Бесспорно, никто так не чувствовал необходимости опытного — реального, осязаемого, зрительного — подтверждения статистических выводов о существовании этого неправдоподобно предствляемого, но действительного космического «моста»: Солнце — биосфера, как сам Чижевский. Уверенный в справедливости своих выводов, тем не менее он хотел получить еще и опытное их подтверждение.

Недаром он любил повторять слова Ломоносова: «Бесполезны тому очи, кто желает видеть внутренность вещи, лишаясь рук к отверзтию оной. Бесполезны тому руки, кто к рассмотрению открытых вещей очей не имеет».

Надо ставить гелиобиологические опыты. Но с чего начать? И кто может помочь?

Александр Леонидович обращается с этим вопросом к К. Э. Циолковскому. Молодой ученый знал, что найдет здесь самое живое участие и поддержку. Ведь знаменитый основоположник космонавтики не раз говорил своему молодому другу, как беспокоят его вопросы излучения Солнца, в частности, и излучений в связи с будущими полетами человека. Какую несут они угрозу, откуда ее ждать, как предостеречь отважных звездоплывателей?

Циолковский с увлечением слушал своего земляка, который заинтересованно и страстно объяснял все трудности будущего эксперимента. Нет никаких приборов, позволяющих регистрировать действие проникающего излучения на живые организмы. Научная литература тоже не дает никаких рекомендаций, как их построить... Вероятно, надо в качестве приборов-датчиков использовать саму живую материю... Но неизвестно, отзывается ли она вообще на космическую радиацию...

Обсуждение деталей эксперимента вызвало неподдельный интерес Циолковского, он входил во все «мелочи», помогал советом и действием. Только благодаря содействию Циолковского Чижевский сумел достать необходимый ему свинец — основной «строительный» материал для опыта.

Наконец, было определено главное направление опытов — в тех условиях наиболее доступное и, пожалуй, наиболее надежное: проследить, воздействует ли на живые организмы резкое уменьшение проникающего излучения. Был построен необычный домик в форме куба из толстых свинцовых плит. Именно в кубе можно добиться одинакового торможения проникающей радиации, падающей на домик. Рядом со свинцовой камерой построили точно таких же размеров домик, но дере-

вянный — для контрольных опытов. Затем со всех сторон прикрыли его толстым слоем земли. Над домиками соорудили навес — двускатный, надежный, крытый толем. Он должен был оберегать камеры от дождя и прямых лучей Солнца. Вскоре домики приняла «новоселов»: и в тот и в другой были помещены одинаковые микроорганизмы: и вредные для здоровья человека, и «равнодушные» к нему; кусочки раковых опухолей в питательном растворе тоже заняли здесь место в свое время, так же как и семена растений. Таким образом, Чижевский как бы помещал свой «подопытный материал в разные космические условия: в домик деревянный — в обычные для Земли, в свинцовый — с пониженной проникающей радиацией.

Через несколько десятилетий Чижевский вспоминал, что и он, и Циолковский почему-то нисколько не сомневались в том, что бактерии и семена растений поведут себя в «свинцовом заключении» как-то иначе. Они не были уверены лишь в раковых опухолях.

Три месяца длился эксперимент. Три месяца свинцовые стены хранили своих пленников от Солнца. И каков же результат? Как говорил сам ученый, он был не только удивительным, но и убедительным!

Под защитой толстых свинцовых стен заметно ускорился рост и размножение клеток растений и микроорганизмов, даже опухолей. Особенно яркая разница обнаружилась в скорости роста колоний ряда вирулентных и патогенных микроорганизмов. Анализ раковых клеток показал, что под свинцовым экраном они растут быстрее. Семена культурных растений (например, бобовых) также показали большую энергию прорастания под свинцовыми стенами.

Хотя условия опыта не позволяли различить, «где собственно солнечные, а где другие космические воздействия», но было твердо установлено, что пенетрантное, или проникающее, излучение достигает непосредственно биосферы! И во-вторых, что оно производит подавляющее действие на рост и размножение живых клеток».

И, конечно же, зародилась мысль: новые данные надо использовать на пользу людям. В неопубликованных пока материалах Чижевского сохранилась такая запись: «Пусть наука о звездах послужит еще и человеческой жизни. По первому сигналу астронома, следящего за сложной поверхностью Солнца и увидевшего намеки на извержения, по первому сигналу геофизика или статистика-вычислителя, знающего тайну периодичности этих солнечных бурь, больных с указанными выше болезнями (он имеет в виду сердечно-сосудистые заболевания. — В. П.) будут вносить в палату, стены кото-

рой защитят его жизнь от вредоносных влияний космоса».

Прошло полвека... Родилась космобиология. Но все-таки не следует не обращать внимания на полные горечи, глубоко выстраданные слова, которые спустя столько времени сорвались с пера Чижевского, вспоминавшего о своих экспериментах: «Эти опыты были проведены полвека назад. Но было бы все же несправедливо потерять их в потоке более поздних открытий и предать забвению те скромные исследования, которые положили начало самой космической биологии».

Как часто, к сожалению, нам приходится выслушивать слова первооткрывателей, полные горечи.

Как часто и мы, спустя десятилетия, вынуждены вспоминать о пионерах открытий, прибавляя слова досады и недоумения. Как часто, анализируя историю того или иного открытия, мы вынуждены признать: современники отнесли открытие к разряду ненужных... Чаше всего последние поколения находят всему то или иное оправдание. И все же чувство напрасной утраты, чувство потерянного не можем мы не переживать, перелистывая страницы истории науки. В состоянии ли мы сегодня — во всеоружии гигантских знаний, которые приобрело человечество, избегать напрасных потерь и утрат? Вероятно, в состоянии. Надо быть только более щедрыми, более требовательными, более честными и более критичными. Хотя... Герцен как-то сказал, что всякий раз, оглядываясь назад, мы по-новому видим пройденный путь, всякий раз иначе оцениваем сделанное нашими предшественниками.

Причина едино миллионников

Если вы станете читать труды Александра Леонидовича Чижевского, поймаете себя на том, что вас невольно охватывает чувство некой двойственности. Перед вами встает ученый, глубоко уверенный в своей правоте — это с одной стороны, а с другой — неудовлетворенный исследователь, который бьется, как рыба об лед, чтобы поймать ускользнувшее от него главное решение: как именно Солнце «вмешивается» в состояние здоровья людей.

Загадочность механизма обнаруженной им закономерности — «голоса» Солнца и «эха» Земли — никак не давалась в руки. И ученый иногда

чувствовал себя абсолютно беспомощным — не мог уловить хоть маломальски верное толкование ее.

Одно ему было ясно. Для организма человека наиболее опасным представляется тот момент, который непосредственно наступает за внезапно измененным условием во внешней среде. Он, как взрыв, неожидан для организма. В следующие же моменты организм начинает приспосабливаться, обживаться в новой физической обстановке. Он начинает постепенно восстанавливать утраченное динамическое равновесие... Выходит, что не сами по себе космические факторы опасны для живого... Выходит, опасна величина скачка! Величина скачка, величина перехода от одной степени состояния внешней среды к другой... Но опять-таки, что реагирует на этот скачок? Что его воспринимает или, вернее, плохо воспринимает? Опять сомнения, опять работа и опять сомнения. Настолько серьезные, настолько мучительные, что он вдруг заговорил о беспомощности перед задачей, которую поставил перед собой.

Но деятельный, целеустремленный характер, огромная сила воли и безграничная вера в науку поборили минутную слабость Чижевского. И он скорее всего к себе обращает требовательные слова о том, что как бы ни были ошибочны его пути, как бы ни были неверны объяснения механизма обнаруженных явлений, он не имеет права складывать оружие и в бессилии костенеть.

А во Франции приблизительно в это же время случается нечто сверхневероятное. На фешенебельном курорте Ницца больные с заболеваниями сердца, невралгией, с приступами стенокардии жаловались на боли в течение двух-трех дней. Причем жаловались все сразу, повально. Потом у всех боли стихали.

Правда, медикам и раньше бывали знакомы такие случаи: два-три дня болей, острых, сильных, потом утихало. Сравнивали дни плохого самочувствия больных с физическими данными внешней среды — температурой, изменением влажности воздуха, направлением ветра, — никакой закономерности не прослеживалось.

Но тут, в Нише, не только пациенты с сердечно-сосудистыми заболеваниями стали жаловаться на боли и «перебои» в сердце. Перебои неожиданно появлялись в работе... телефонной станции курорта.

Ну и ну! Одновременно «отказывались работать» сердечно-сосудистая система больного человека и... мертвая система телефонной сети... Но, стойте! Не одна ли причина вызывает столь разные перебои?

Совершенно точно установлено, что автоматические телефонные станции и радиосвязь Земли очень часто страдают в результате скачка солнечной деятельности, скачка активности

светила. Так не Солнце ли причина резкого ухудшения самочувствия больных? — спросили себя французские врачи М. Фор, Г. Сарду и Г. Валло.

Спросив себя однажды, они уже не могли отделаться от «навязчивого» вопроса. К тридцатым годам они собрали богатейшие наблюдения о своих пациентах, которые неизменно связывали с пятнообразованием на Солнце. В 84 случаях из ста внезапные смерти, инфаркты, инсульты, вспышки хронических болезней совпадали с изменениями «на лике» Солнца!

Вскоре профессор Фор сообщил, что во Франции благодаря «работе службы Солнца на медицинском поприще» удалось спасти десятки тысяч человеческих жизней. Богатый материал М. Фора и его коллег сводился в своеобразные таблицы частоты инфарктов и инсультов. Их Фор много лет посылал Чижевскому, чтобы тот мог сравнивать с таблицами солнечной деятельности.

Появился у Александра Леонидовича и другой корреспондент — советский медик-статистик П. И. Куркин. Он прислал очень интересные данные об инфарктах и инсультах по нашей стране.

Почувствовав заинтересованность в своих работах, Чижевский с энтузиазмом принялся за статистическую обработку новых данных. И опять совпадения характерных линий солнечной деятельности и хода сердечно-сосудистых и многих эпидемических заболеваний.

Пришел 1938 год. Прошло двадцать пять лет после первой работы о Солнце и влиянии его на биосферу. Четверть века — срок большой. Но и сделано много. И, пожалуй, самое главное — его работой стали интересоваться, к его мнению прислушиваться... А тут еще должно подойти французское издание основной работы...

Когда книга вышла — в том же 1938 году, — о Чижевском заговорил весь мир. Русского профессора Александра Чижевского вместе с известными французскими учеными д'Арсонвалем и Ланжевром и английским физиком Бранли избрали почетным президентом I Международного конгресса по биологической физике и космической биологии, созванного в 1939 году.

Чего скрывать! — после стольких лет молчания, недоверия это было радостно, приятно, это согрело душу, поднимало настроение. Но радостнее был конверт со штемпелем казанской почты. Внизу письма под адресом отправителя стояло знакомое имя — Вельховер. Как станет дорого оно Чижевскому с первых же строчек этого письма!

Сергей Тимофеевич Вельховер, руководивший клинкой инфекционных болезней, необычайно заинтересовался работами Чижевского. И его, пожалуй, не менее всего привлекал тот вопрос, над решением которого бился тогда ученый, — объяснение механизма закономерности связи «Солнце — Земля». Поскольку Вельховер был врачом-инфекционником, то и проверить гипотезу Чижевского он решил на возбудителях инфекционной болезни — дифтерии.

Посмотрим, что же он сообщал.

«...Я веду систематические бактериологические наблюдения за дифтерией... При обработке материала я пришел ко многим поразившим меня выводам. В Вашей интерпретации дифтерии как эпидемии имеются два момента: зеркальность (спад, утихание болезни в периоды солнечной активности и разгар ее в периоды минимумов солнечной деятельности. — В. П.) и запаздывание дифтерийного максимума по сравнению с солнечным максимумом. Ваш принцип «зеркальности», полученный статистически, совершенно неожиданно подтвердился у меня непосредственно под микроскопом. Я решил искать эту «зеркальность» и через три опыта понял, что имею дело с поразительно точным явлением».

Вот она, статистическая «зеркальность» дифтерии, увиденная Чижевским в графиках! Теперь она налицо здесь, под микроскопом у Вельховера! Нетрудно представить себе волнение Чижевского, получившего такую дорогую для него новость. Как прав он был, заставив себя расстаться с сомнениями, одолевавшими его в минуту слабости.

В этом убеждали и чрезвычайно интересные сведения, которые приходили из далекой Японии. Там профессор Маки Таката проводил опыты с кровью человека — с этим уникально чутким зеркалом, отражающим все изменения в жизнедеятельности организма.

Для профессора Чижевского эксперименты японского коллеги были еще притягательны и тем, что он сам занимался исследованиями крови. И в 1928 году экспериментально установил влияние хромосферных вспышек на скорость оседания красной крови.

А потом отрадны данные получил и наш соотечественник гематолог Н. А. Шульц. Они сходны с выводами Таката, хотя и совершенно независимо получены. Тем лучше, тем лучше, — твердил Чижевский. Сочинский врач проделал великолепную работу. Он собрал и проанализировал 300 тысяч анализов крови разных лиц — кому-кому, но уж ему — Чижевскому — знакома подобная кропотливая, скрупулезная и по-своему увлекательная работа. 300 тысяч анализов крови людей, живущих в Со-

ветском Союзе, Англии, Франции, Бельгии, Италии и других странах.

Анализ недвусмысленно указал Шульцу на зависимость появления бурных хромосферных вспышек Солнца с уменьшением числа лейкоцитов в крови и одновременным повышением лимфоцитов.

Сомнений не было: кровь реагирует на Солнце.

И Александр Леонидович Чижевский отдается изучению крови со свойственной ему увлеченностью и свойственным ему неожиданным подходом — своим собственным углом зрения. Он пишет великолепную монографию «Структурный анализ крови», вышедшую в 1959 году.

Ученый ставит перед собой труднейшую задачу — выяснить проблему распределения частиц, составляющих нашу кровь, в динамике, ибо кровь неотрывна от движения. Проблема столь же увлекательная, сколь и сложная.

Проникнуть в нее — значит проложить путь к разрешению одной из существенных задач физиологии крови — узнать о физической структуре, физическом строении, физической организации движущейся крови.

С самых передовых позиций пытается взглянуть на очередной «предмет изучения» уже немолодой профессор. Для этого он использует и «Основные понятия теории вероятностей» выдающегося современного математика А. Н. Колмогорова, и «Статистические теории в термодинамике» знаменитого Г. Лоренца; и «Броуновское движение» А. Эйнштейна и М. Смолуховского.

Хоть и велик соблазн рассказать об этой работе Чижевского подробнее, придется остановиться только на том, что она была встречена с большим интересом, иначе этот рассказ невольно увлек бы нас в сторону от главной нашей темы.

ГЕЛИО БИОЛОГИЯ. ВОТ ЭТО ИЛИ

Из этого «ненужного» открытия Чижевского выросла новая ветвь науки. Ее назвали гелиобиологией. Создатель ее — Александр Леонидович Чижевский — считал, что признания его работ придется ждать не менее полувека. Оно пришло раньше, при его жизни.

Пожалуй, будет целесообразно

привести убеждающую статистику, которую провел один из исследователей творчества А. Л. Чижевского. Общее число печатных работ ученого достигает пятисот. Число печатных работ его учеников, сотрудников, последователей исчисляется во всем мире тысячами. Число же работ, посвященных исключительно рассмотрению трудов профессора Чижевского, уже 25 лет назад превышало пять тысяч. Широкий отклик на работы замечательного нашего соотечественника объясняется многими причинами. Но главное из них — новые, никем не познанные закономерности в развитии живого организма и неизменное стремление ученого соединить науку с практикой.

...От 1915 до 1965 года прошло столетие. Полстолетия трудной дороги для утверждения новой науки. Полстолетия жизни ученого, многие годы из которой он отдал глубокой и страстной своей привязанности — гелиобиологии.

В 1965 году в итальянском городе Ферраре состоялся XII Международный конгресс здоровья. В речи, посвященной А. Л. Чижевскому, флорентийский ученый Пиккарди сказал:

«Александр Леонидович Чижевский был одной из самых смелых фигур в русской науке. Всей своей жизнью, всей своей деятельностью он представлял собой человека, способного встретить лицом к лицу величайшие несчастья, всегда сохраняя полную ясность ума и бесстрашно принимая бой за идеи, которые считал правильными. Он первый открыл совершенно новую главу в науке».

Александр Леонидович Чижевский не услышал этих слов. Он не дожид до них полгода.

Жизнь его воистину блеснула яркой и ясной кометой, как мечтал он в юношеских стихах. Узнал он и «грядущие счастливые дни» — дней творчества, созидания, любимого труда. Трепетно встречал он радость открытий. Мужеством не радовался в годы испытаний.

СИНДРОМ ЙЕНЗЕНА

Рассказ

Андрей
БАЛАБУХА

Рисунки
Е. Стерлиговой

В иллюминаторе межорбитального подкидыша сперва стремительно вырос, а потом, заслоня Землю, скользнул вниз диск полей гелиостанции, и совсем рядом оказался полосатый борт ее корпуса, освещенный мощным корабельным прожектором. Наступила невесомость, и Ганшин с Юлькой поплыли в кессон, где здоровенный бортмеханик с неснимаемой — от уха до уха — улыбкой помог им надеть скафандры, проверил жизнеобеспечение и гулко хлопнул по спине. Юлька отлетела к стене и взвизгнула, а механик, зардевшись, с непостижимой при такой массе скоростью смылся внутрь, так и не сказав им на прощание традиционного «Хоп!».

Станция на суточной орбите висела над Сейшельскими островами — этакий паучок с махоньким туловищем и двухкилометровыми ножками.

Из брюшка паука высовывался параболоид передающей антенны, а на ажурных фермах ножек натянута пленка, превращавшая солнечный свет в пятнадцать тысяч мегаватт даровой энергии, непрерывным потоком микроволнового излучения низвергавшейся вниз, в пасть энергоприемника на Сейшелах. Конечно, внешнее сходство это было весьма отдаленным, и, чтобы уловить его, требовалась фантазия древнего звездочета, узревшего в ковше профиль Большой Медведицы...

Орбитальные гелиоэлектростанции «Арабелла» и «Анита» были запущены в рамках программы Международного года развивающихся стран. Полностью автоматизированные, станции

эти лишь раз в два года требовали профилактического осмотра и замены вышедших из строя солнечных батарей, если количество поврежденных ячеек превышало расчетные шесть процентов. Вот на такую-то профилактику, пятую в жизни «Арабеллы», и прилетели сюда Ганшин с Юлькой, более известной в Управлении как «инженер-инженю».

Профилактика — это курорт. Рабочий день — прелесть! — семьдесят две минуты в сутки, пока станция проходит тень Земли. Остальным временем каждый распоряжается по-своему. Ганшин, которому уже не раз приходилось бывать в Приземелье, в итоге вдохновенных исканий нашел свой способ коротать время — гостевание. И на этот раз он начал с того, что долго мучил компьютер астронавигационной службы запросами об орбитах спутников ближайших горизонтов, ловя моменты наибольшего сближения. Среди спутников, которые оказывались по временам в пределах досягаемости для маленького двухместного скутера «Арабеллы», была Обсерватория — орбитальный филиал Памирской. И уже на второй день (время в Приземелье исчисляли земными мерками) Ганшин с Юлькой отправились туда с визитом.

Бездельники в Приземелье не то что редкость, а просто-напросто явление уникальное, и потому неожиданные визитеры застали астрономов врасплох. Но ведь в Приземелье даже месячная вахта — это срок, и любой свежий человек становится чуть ли не ближайшим родственником, по которому до смерти истосковались. И потому радушию хозяев не было предела, тем более, что Юлькины охи и ахи умасливали их сердца, в то время как Ганшин с двумя инженерами из техобслужки расписывал в кают-компании «пульку». Вот тут-то из случайно оброненной кем-то фразы Ганшин и узнал, что на «СОС-третьем» — это ж рукой подать, километров сто в противостоянии! — начальником... Кто бы вы думали? Да Ашотик Антарян, собственной персоной! Бог ты мой, Ашотик, семь лет за одной партой, нога, сломанная на западном склоне Аханари, а в девятнадцать — бросок на пятах по Урте... Ну, дела: на Земле в одном городе месяцами, да что там — годами времени встретиться не находим, а стоило в Приземелье вылезти — на тебе, сосед, заходи, дорогой, гостем будешь! Во всяком случае, именно так сказал назавтра Ашот, когда Ганшин связался с ним по радио.

А без четверти шесть по средневропейскому Ганшин уже оседлал скутер и, для вящей надежности подстраховав Юльку коротеньким фалом, повел его, повинувшись командам астронавигационного компьютера, к той точке, где через четверть часа должен был оказаться «СОС-третий».

В кессоне по всем правилам приземельского гостеприимства их встретил Ашот, и они пошли

в его каюту, но двое ребят перехватили Юльку и тут же потащили ее осматривать все, куда можно было сунуть ее курносый нос. И куда нельзя — тоже. Был у нее такой дар — пожелай она, и для нее сняли бы даже защитный кожух с реактора, чтобы показать, как оно там, внутри...

А тем временем Ганшин сидел с Ашотом в тесной каютке, которую тот делил со своим заместителем, доктором Йензенем из Исследовательского центра им. Эймса, НАСА. На экране, заменявшем здесь иллюминатор, клубилась под координатной сеткой Земля, то есть, конечно, не вся Земля, а кусок Южной Атлантики, закрытый разводами почти непроницаемой облачности. Изображение было сильно увеличенным, но Ганшина это не удивляло: ведь «СОС-третий», как и оба других спутника Службы охраны среды ООН, занимался наблюдением земной поверхности. Появление орбитальных гелиостанций, потоками микроволнового излучения сильно осложнивших приземельскую астронавигацию, вынудило поднять орбиты постоянных и обитаемых спутников почти до уровня стационарных, и поэтому наблюдения теперь приходилось вести не столько визуально, сколько с помощью приборов. К тому же нижние горизонты были сильно захлаплены старыми, отжившими свой век спутниками, носителями и их частями, которые сейчас «мирмеки» недавно созданной Службы очистки, в просторечии именуемые мусорщиками, сволокивали в Лагранжевы точки, ставшие первыми в истории внеземными свалками.

Ганшин с Ашотом проболтали часа полтора, не меньше, пока в дверь не просунулась чья-то лопухая голова, возвестившая, что «ужин подан, джентльмены». Они поплыли в салон, как именовали здесь кают-компанию, где был уже сервирован стол и где собрались все свободные от вахты. Центром внимания — ну как же иначе? — была Юлька, глядевшая на всех своими хлопотливыми глазками, и Ганшину, в который уже раз, стало чуть-чуть тоскливо, потому что на него она никогда не смотрела так.

Ашот представил всех Ганшину. Владелец лопухой головы оказался старшим оператором комплекса ЕРЕП, доктором Рихардом Вильком из Познанского института экологии; тощий верзила, в патрицианской позе повисший у стола, как выяснилось, был ни много ни мало сэр Роберт Чарлз Ренделл, семнадцатый граф Кроуфорд, эрл Саутбриджский, причем этот самый сэр и эрл нахально и противно ржал, пока Ашот с каменной физиономией произносил неудобоваримую титулатуру. Впоследствии, впрочем, сэр и эрл, откликнувшийся в быту на гораздо более банальное обращение «доктор Ренделл», оказался парнем общительным и своим.

О третьем, докторе Йензене, Ашот уже успел кое-что порассказать. В Службе охраны среды он был притчей во языцех. Полуиспанец-полудатчанин по происхождению и американец по подданству, Хорхе Йензен окончил Колумбийский университет, получил стипендию Национального фонда поощрения и три года стажировался у Мрнявчевича в Дубровнике. Потом его пригласили в Центр им. Эймса, откуда впоследствии он и был откомандирован в Службу охраны среды ООН. Первые года два он работал, как и все, три раза нес месячные вахты на спутниках — тогда как раз проходил Международный год охраны среды. А потом начались чудеса. Как Йензен этого добился — осталось тайной, разгадку которой знал он сам да еще старик Эбервальд. Известно одно: вот уже три года, как Йензен не возвращался на Землю, за исключением коротких спусков для медицинского переосвидетельствования. На спутниках Службы, где каждый проводил не больше месяца, а своей очереди дожидались многие, это было даже не ЧП, а чудо.

Ганшину Йензен не понравился. И в словах, и во всем его облике, в манере держаться сквозила какая-то поперечность, этакое ерничанье, от которого Ганшина передергивало. Он мог лишь удивляться долготерпению Антаряна, не только уживавшегося с этим типом, но и относившегося к нему с явным уважением.

— Он превосходный специалист, Коля, — сказал Ашот. — Превосходнейший. Ну, а характер... Тут все мы не без греха. В конце концов, не зря же я, психолог, ем хлеб Службы: вот и уживаемся. И неплохо уживаемся, поверь.

Стычка началась внезапно, и Ганшин, увлеченный болтовней с Ашотом и салатом из крабов (к тому же натуральных, а не синтетических), даже не понял, с чего именно. Вполуха он слышал, правда, как Юлька вытягивала что-то из доктора Вилька, которого уже запросто называла Рыхом. Тот, стосковавшись по женскому обществу и млея от Юлькиного любопытства, рассказывал ей об облысении автострад, наблюдением за которыми занимался, а Юлька, хитрюга, конечно, тарасилась на него и — вся внимание — даже чуть-чуть высовывала кончик языка, ни дать ни взять школьница, увлеченная списыванием.

Тут-то Йензен и встрял в разговор, причем сразу же в повышенном тоне, словно продолжал какой-то старый спор.

Ну и что? К чему все эти вздохи скорби? Ему, Йензену, например, совершенно непонятно, из-за чего тратить столько эмоций. Ну, облысение автострад. Лес, видите ли, гибнет... Да, гибнет. Ну и что? Это же естественно. С того самого часа, как человек стал человеком, он начал создавать вокруг себя вторую природу. И с того самого часа первая была уже обречена. Это диктуют

законы развития нашей цивилизации, столь же объективные, как ньютоновы. Ибо наша цивилизация — цивилизация технологическая.

Агония первой природы? Ну и что? Ведь на ее месте вырастет вторая, которая и есть единственная настоящая, естественная среда обитания человека. Вот, например, здесь, на спутнике. Где здесь первая природа? Нет ее. А он, Йензен, живет здесь уже три года, и жаловаться ему пока ни на что не приходилось.

Юлька пыталась возражать, ее поддержал сэр и эрл, а с ним еще один из наблюдателей, имени которого Ганшин не запомнил. Но Йензен спорил, и в логике отказать ему было нельзя, хотя то ожесточение, почти озлобление, с которым он говорил, невольно отталкивало, потому что было необъяснимым, словно бы этот достаточно отвлеченный спор задевал в Йензене что-то глубоко личное, интимное и больное.

И когда разошедшийся Йензен стал живописать блестящее будущее человечества, лирическую сценку из жизни двадцать второго века, изыщные скафандры и возлежащая на полиэтиленовой горе у берега радужно-нефтяного океана, Ганшин почувствовал, что больше не может его слушать. Ему было тошно. Он встал, и вместе с ним ушел Ашот, они вернулись в каюту, и Ганшин как-то упустил из виду Юльку, которая снова исчезла с кем-то, удовлетворяя ненасытное свое любопытство.

На борт «Арабеллы» они вернулись всего за полчаса до начала своего семидесятидвухминутного рабочего дня.

Следующие трое суток им все же пришлось потрудиться всерьез, потому что, кроме замены поврежденных ячеек солнечных батарей — квадратных, десять на десять метров полотнищ пленки, покрытой арсенидом галлия, — нужно было еще подготовить станцию к очередной консервации. Уставали они изрядно, к тому же Ганшин был обижен явным Юлькиным невниманием к своей особе. Вообще-то ему было наплевать на это, конечно, но и немного царапало по самолюбию.

А в субботу вечером Юлька вдруг уединилась в каюте, чтобы через час выйти оттуда в таком виде, что Ганшин даже застонал: куда делся его «инженер-инженю»? Вместо него появилась этакая юная принцесса, перед которой невольно хотелось преклонить колено, салютовать шпагой и вообще... как это?.. «Дайте мне мантилью, дайте мне гитару...» Как она ухитрилась протащить с собой такое платье да еще приделать магнитные подковы к серебряным туфелькам с какими-то хитрыми блестящими пряжками? Куда, ну куда смóтрит космодромный контроль?!

Вот оно что! Оказывается, это невинное создание договорилось об ответном визите, кото-

рый через час должен нанести им Йензен... Прекрасно. Особенно, если учесть, что Ганшин, ее непосредственный начальник, об этом ничего знать не знал.

— А вы слышали о существовании субординации, инженер?

В сердцах Ганшин натянул скафандр и вышел в кесон, тем более, что вчера забарахлил механизм внешней двери. Может, это даже и показалось, но Ганшин решил все же для очистки совести поковыряться в нем. Он ковырялся с полчаса, нашел, в чем дело, но тут — бог знает, как это получилось — у него выпала из рук универсальная отвертка да еще поводок соскочил с карабина, и она — махонькая серебряная рыбка — улетела куда-то, и ловить ее теперь имело смысла не больше, чем злиться на Юльку. Ганшин вконец рассвирепел. Ведь об этой ерунде придется докладывать теперь всем и вся, потому что это ЧП седьмой категории, и компьютер астрогационной службы, оценив предварительно силу и направление броска, рассчитает гипотетическую орбиту этой злосчастной отвертки, и включат ее, грешную, в Женевский каталог под каким-нибудь номером 11788493, где и будет она значиться до тех пор, пока не попадет в трал одного из мусорщиков и сортировщик не сообщит куда следует, что отвертка универсальная с клеймом такого-то инструментального завода поступила на свалку Лагранж-2... Ганшин задвинул крышку приводного механизма двери и сел на комингс, свесив ноги наружу. Собственно, он, конечно, не сидел, просто такая поза казалась привычнее и естественнее. Неприужденнее.

Так он и сидел, глядя, как глубоко внизу медленно проползают позиционные огни не то межорбитального буксира, не то мусорщика — в таких тонкостях он разбирался плохо. Потом он взглянул на часы: по расчету времени Йензену пора бы уже появиться. Ганшин поднял глаза и тотчас увидел три огонька. Красный, зеленый и белый пульсирующий, они стремительно неслись прямо на него. Йензен в самом деле был асом малого пилотажа: его скутер шел прямо на открытый люк кессона. Только почему он не снижает скорость? Сбрось, сбрось, болван! Адмиральским подходом блеснуть хочешь, что ли?

Ганшин сам не понял, в какой момент до него дошло, что затормозить Йензен уже не сможет. То ли с двигателем что-то случилось, то ли... Ганшин рванулся, с ходу дал максимальный импульс, потом был удар, его закрутило, понесло, он обеими руками вцепился в раму скутера и только жал и жал на клавишу своего ранцевого движка. Затем он почувствовал, что удалось, что борт «Арабеллы» скользит под ними и, значит, они избежали-таки самого страшного. Наверное, на несколько секунд он все же

потерял сознание, потому что позиционные огни станции оказались вдруг уже далеко. Боль чуть-чуть отошла, и Ганшин смог перебраться к пульта управления скутера. С двигателем все было в порядке. Зато Йензен явно был без сознания.

Ганшин примостился сбоку на раме и стал разворачивать скутер к станции, попутно благословляя судьбу за то, что во время этой скачки с препятствиями они не изорвали солнечные батареи. То-то работы было бы! Потом он перетащил Йензена в кесон, кое-как стянул с него скафандр и только тогда — вдруг, разом — понял, что Йензен мертв.

Все завертелось, потому что смерть — это ЧП первой категории. Через сорок минут примчался Ашот; потом прибыл со старт-спутника врач, который мог лишь констатировать то, что было ясно и так. Вскрытие же на «Арабелле» проводить было невозможно, и тело (теперь уже просто тело) увезли на старт-спутник, откуда ближайший подкидыш должен был доставить его на Землю. И еще была Юлька, в какой-то совершенно нечеловеческой позе вжавшаяся в угол. Она смотрела на Ганшина, но не видела его, и Ганшин не стал подходить к ней. А когда с ней попытался заговорить Ашот, она вдруг негромко, но очень отчетливо произнесла:

— Все-таки она его добила...

— Кто — она?

— Неважно. Теперь уже неважно. Но и вы — вы тоже...

Юлька вдруг дернулась, вскочила, — боже, до чего неуместно было сейчас ее платье и эти туфельки со сверкающими пряжками! — уткнулась носом в Ашота и заплакала, совсем по-девчоночьи, всхлипывая и хлюпая носом, и от этого Ганшину вдруг стало легче.

— Ашот, — бормотала Юлька, — вы же психолог, Ашот, как же вы... Ведь он же... Сломанный он был. А вы... Вы его должны были... на Землю. Давно уже на Землю. А теперь...

Потом она кое-как успокоилась, выпила какое-то зелье, которое ей подсунул врач со старт-спутника, и Ганшин уложил ее в сетку в каюте, и она так и уснула в этом своем платье с высоким стоячим воротником.

Им пришлось задержаться на «Арабелле» еще на два дня, потому что на завтра прибыл с Земли старший инспектор космического отдела Интерпола, до безумия вежливый и обходительный, не то индиец, не то непалец, по имени Рахия Бадхидарма. Его прислали потому, что умер Йензен, как показало вскрытие, от асфиксии, в то время как баллон был цел и запас кислорода в нем был полным. Ганшин давал показания, потом повторял их уже на Земле и лишь много позже узнал, что все дело было в манометре. Крошечный микрометеорит, силы которого едва-едва хватило на то, чтобы пробить стенку манометра и заклинить собой канал, этот микро-

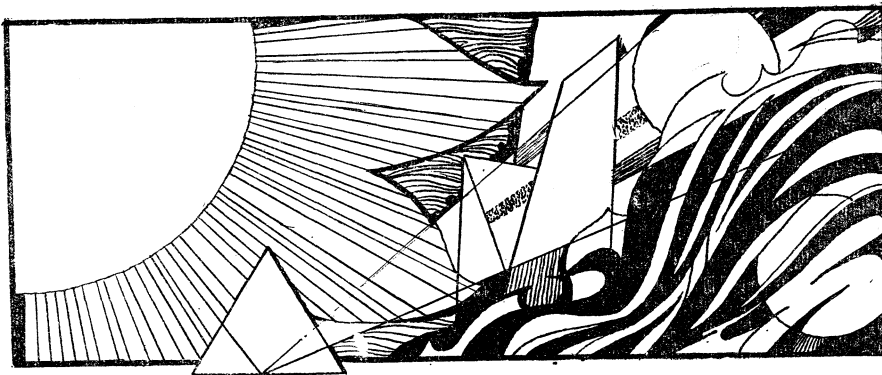
метеорит убил Йензена, потому что манометр показывал ноль при полном баллоне, а Йензен оказался не в состоянии не поверить прибору, безгрешному регистратору второй природы. И случай этот теперь войдет во все учебники космопсихологии и космомедицины, где появится какой-нибудь «синдром Йензена» или что-нибудь в этом роде.

Постепенно Ганшин стал забывать об этой истории, о человеке, так верившем во вторую природу, что это убило его. И лишь по временам его мучил вопрос: кого, что имела тогда в виду Юлька? «Все-таки она его добила...» Кто — она? Вторая природа? Или фанатичная йензеновская вера в нее? Но изредка встречаясь с Юлькой в Управлении, он так ни разу и не решился спросить ее об этом.

КАЛЕЙДОСКОП

■ О науке,
прогнесе,
мечте

■ Прогнозы
писателей
и ученых

■ Стихи и
гипотезы

■ Каков ты,
собрат
по Разуму?

■ Викторина

Рисунки Н. Павлова

«Стены зданий изобилуют призмами и причудливыми выступами и гранями. Они отражают солнечные лучи, дробят их на узкие длинные радужные полосы. Многократно пересекаясь и соприкасаясь, лучи, подчиненные замыслу архитектора и цветокомпонатора, создают музыку красок. В одних местах, где цвета бледнее, она звучит тихо, порой едва слышно, почти погасая. В других — гремит торжествующими аккордами. Местами преобладают спокойные цвета — синий, фиолетовый, голубой. Местами ярко полыхают алый, оранжевый, желтый. Неуловимые многообразные переливы, переходы между цветами объединяют их

Планеты

В бездонном пространстве вселенной,
Где блещет звезда за звездой,
Несутся стезей неизменной
Планеты во мгле мировой.

Им прочно сомкнула орбиты
Работа таинственных сил,
И газовой дымкой обвиты
Поверхности дивных светил.

Путей их предвечны законы...
Сменяются ночи и дни,
Проходят веков миллионы,
Но мчатся, как прежде, они.

Лишь жизни их тайной дыханье
Творит беспредельность существ,
Вливая любовь и сознанье
В созданья стихийных веществ.

И, полные к свету влеченья,
Стремясь неотступно вперед,
Свершают на них поколенья,
Как волны, торжественный ход...

Им властно дала бесконечность
Веление жизни: живи!
И жизнь переносится в вечность
Великою силой любви.

И быстры планет измененья,
И долгодневный их путь,
Могучий закон тяготенья
Меняет их мощную грудь.

Другие ряды элементов
На смену отжившим придут,
Влиянья иных реагентов
Грядущую жизнь создадут.

И жадно со дна атмосферы
Во мраке планетных ночей
Направятся в горные сферы
Опять миллионы очей,

И, новою жизнью одеты,
Как прежде, одна за другой
Все будут носиться планеты
Предвечной стезей мировой.

Николай МОРОЗОВ 1910.

В городе будущего

в одно стройное целое. По мере того, как на небесном своде солнце изменяет свое положение, одни цвета и оттенки переливаются в другие, каждое мгновение создает новые, и беззвучная музыка продолжается в солнечные дни от восхода до заката, начинаясь на мажорных, радостных тонах утра и кончаясь утомленно-примиренными вечерними нотами.

Сейчас, перед полуднем, расцвел самый пышный, самый торжественный аккорд цветовой симфонии...»

А. ПАЛЕЙ.
В простор планетный. 1968.

Поезда, вагоны... быть или не быть?

«Совершенно убежден, что в самое ближайшее время мы сможем совершать дальние рейсы в большегрузных поездах. Я говорю о ширококолейном транспорте. Существующая общепринятая в нашей стране ширина железнодорожной колеи — 1524 миллиметра — нас удовлетворить не может. Ширина колеи в 3—5 метров позволит нам строить значительно более грузоподъемные вагоны и использовать локомотивы мощностью в 40—50 тысяч лошадиных сил, чтобы обеспечить скорость движения в 250—350 километров в час. Неизмеримо облегчится вопрос об использовании на таких локомотивах атомных реакторов. Ведь, как известно, только значительный вес биологической защиты препятствует тому, чтобы уже сегодня на наши железные дороги вышли атомные локомотивы, хотя удовлетворительные проекты таких локомотивов имеются...»

В. В. ЗВОНКОВ,
чл.-корр. АН СССР. 1965.

«Железные дороги выйдут из употребления, и сообщение между городами будет осуществляться посредством грузовиков и автобусов, которые достигнут небывалых размеров и бесконечного разнообразия форм».

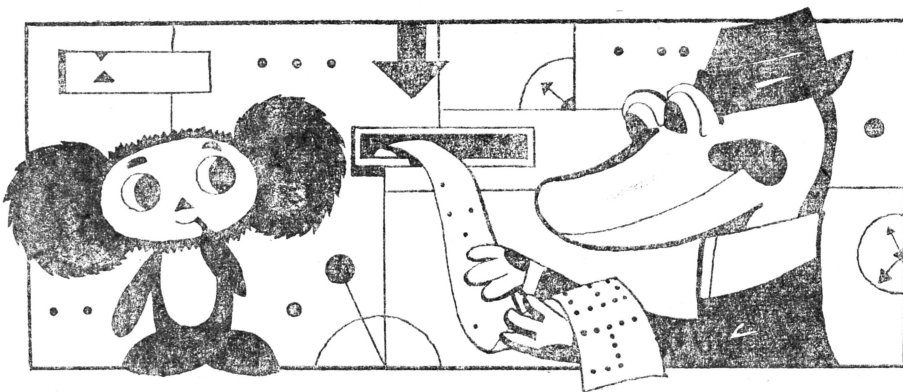
А. АЗИМОВ,
американский фантаст. 1967.

«В исключительных случаях... должен, конечно, существовать сверхбыстрый транспорт, скажем, ракеты. В остальном же он должен быть экономичным. Скорость поезда в 200 километров в час мне кажется вполне достаточной, лишь бы этот поезд мог сразу доставить необходимое количество груза».

Поэтому прогресс не столько в скорости, сколько в грузоподъемности, в ширине колеи. Мне представляется широкое рельсовое полотно, метров шесть, десять даже. Каждый вагон будет равняться среднему кораблю...»

И. А. ЕФРЕМОВ,
советский фантаст. 1970.

ЭВМ — мультипликатор

«...Конечно, и в художественном творчестве ЭВМ может стать и обязательно станет незаменимым помощником. Скажем, в создании мультипликационных фильмов. Уж очень кропотливое это дело. На один фильм нередко уходит целый год. Взяв на себя изрядную долю работы, ЭВМ намного сократит сроки кинематографического производства».

Есть несколько вариантов взаимодействия художника и машины.

Человек может рисовать лишь начальный и конечный этапы движения героя фильма. А всю раскадровку, все промежуточные этапы нарисует «электронный художник». Или же другой вариант — ему задают только отдельные элементы фильма: дом, дерево, собаку, ногу, руку, голову героя и программу для компоновки.

Можно сделать и так. Я сижу за пультом. Передо мной телевизор, клавиатура управления. Выдаю приказ: дай мне дерево. На экране появляется 50 вариантов деревьев. Но мне ни одно не нравится. Требую еще несколько вариантов и в конце концов нахожу желаемый. Потом таким же образом выбираю дом. Отдаю приказ поставить его в левый угол. Машина беспрекословно выполняет задание. Но мне почему-то кажется, что окно в домике, изображенном на экране, должно быть другим. Опять даю приказ, и окно меняется. Потом я прошу поместить в окно человечка, которого выбрал раньше. И так в содружестве с ЭВМ создается фильм...»

В. М. ГЛУШКОВ,
академик, директор Института кибернетики АН УССР. 1972.

Каков ты, собрат по Разуму?

«Я понял, почему они, эти призраки, прозрачны, как стекло. Я понял, почему их прозрачность казалась неопределенной — то большей, то меньшей. Они тоже приспособились! Организм этих существ — в процессе длительной эволюции — приспособился к условиям жизни под палящими лучами двух солнц, под непрерывно изменяющейся радиацией — инфракрасной, световой, ультрафиолетовой. Мне, человеку, было жарко, потому что меня нагревало излучение. А их прозрачные тела не нагревались. И степень прозрачности, по-видимому, менялась в соответствии с интенсивностью излучения и температурой воздуха».

Г. АЛТЫОВ, В. ЖУРАДЛЕВА.
Баллада о звездах. 1960.

Портретный экслибрис — один из старейших видов книжного знака, он появился четыре-пять веков назад сразу вслед за гербовым. Оригинальность работы ленинградского графика Виктора Шапиля заключается в том, что в портретный экслибрис он внес элементы дружеского шаржа, с одной стороны, и своего понимания писателя — с другой.

Судите сами. Вот пером-копьем поражает не то стегозавра, не то тритона автор «Охотников за динозаврами» Александр Шалимов. Многоножки с головами братьев Стругацких вызывают в памяти повесть «Стажеры». Царственно восседает Геннадий Гор с авторучкой-скипетром в одной руке и земным шаром, как «рук державой», в другой, — ведь проблематика его произведений всегда глубока и глобальна. Льет воду на мельницу фантастики критик Евгений Брандис; справедливости ради следует отметить, что за спиной у него не только перо, но и ножницы. Шествует по звездам к далекой планете Каллисто Георгий Мартынов, познакомивший землян с ее обитателями. А вот карабкается вверх по камням плюшевый леопард с человеческой головой, такой псевдо-финкс, — Ольга Ларионова, роман которой «Леопард с вершины Килиманджаро» запомнился многим...

Выполненные в технике линогравюры, экслибрисы эти образуют серию, которую с полной уверенностью можно назвать уникальной. Во всяком случае, такого мнения придерживалась отборочная комиссия, представившая ряд экслибрисов В. Шапиля на выставку «Юмор в книжном знаке», которая состоялась в 1973 году в болгарском городе Габрово во время очередного ежегодного «Фестиваля смеха».

А. ДМИТРИЕВ

1. Припомните фантастическое произведение с самым коротким названием.

2. В фантастике возможно все, в том числе и названия, выраженные без помощи букв и цифр. Не припоминаете?

3. Кто первым сказал слово «робот»?

4. Как звали знаменитого янки из Коннектикута в романе М. Твена?

5. В каких романах и повестях действие происходит на Северном полюсе?

6. Кто из фантастов первым отважился покинуть пределы Солнечной системы?

7. «...— Эй! — услышал он, когда пробежал берегом озера.

Волк замер. С гребня невысокой дюны ему махала девочка лет пяти.

— Здравствуй, ты почему не отвечаешь?

Ошейник, который был на Волке, ничего общего с настоящим ошейником не имел. То был транслятор, который даже беззвучные колебания гортани переводил в человеческую речь. Его надо было лишь включить. Волк дважды поднял лапу. Девочка радостно закивала, ее пальцы скользнули по ошейнику.

— Теперь здравствуй, — сказал Волк.

— Здравствуй, — девочка слегка картавила. Ее зеленые с рыжими крапинками глаза горели нетерпением. — Мы будем играть в Красную Шапочку, — тотчас заявила она.

Волк решительно замотал головой.

— Не хочу. Будем просто играть. Девочка нахмурилась, но не прошло и секунды, как она уже очутилась на спине Волка, он помчал ее, а потом бережно сбросил и, когда она с хохотом уцепилась за хвост, обернулся и грозно оскалил зубы. Они долго и самозабвенно возились, боролись, свивались в клубок, барахтались, тормозили друг друга, потому что оба умели наслаждаться игрой».

Из какого произведения взят приведенный отрывок? Какие другие произведения на сходную тему — о свободном общении человека с «братьями нашими меньшими» — вы знаете?

8. Предложите ваши вопросы для новой викторины.

Читателям, приславшим наиболее точные и полные ответы, будут вручены книги с автографами советских фантастов. Учитываются ответы, которые поступят в редакцию до 1 января 1976 года.

КРАСНАЯ МАШИНА

**Борис
РЯБИН**

Рисунок
В. Бубенщикова

Звучит сирена

Красная машина мчится по городу, красная, как огонь. Пронзительный, тревожный рев сирены разносится по улицам, глуша все звуки, заставляя прохожих останавливаться и долго смотреть вслед.

Пожар! Где-то пожар!

Крепко сжимает баранку шофер Михаил Иванович Сединкин. Во время движения он — главная фигура. Ведь успех всей операции зависит от того, как быстро придут пожарные на место. Что требуется от шофера? Быстрая реакция, безупречное знание техники, городских улиц...

30—40 секунд даются на все сборы, остальное время — в дороге.

Рядом с шофером — командир пожарного подразделения. Ему — командовать на пожаре. В крытом кузове машины — расчет, как у орудия или танка, три-пять человек.

В кабине рация. Она включена, и слышится голос диспетчера, девушки, которая подала сигнал тревоги и громко приказала: «Внимание! Высылайте части!» Слышно, как съезжаются на пожар другие машины, других городских частей.

Эфир наполнен голосами, сквозь потрескивание атмосферных разрядов они отчетливо различаются: вот этот — Кати, диспетчера на центральном пункте, а вот мужской — негромкий, но требовательный голос — начальника управления. Голоса отдают распоряжения, переговариваются, совещаются...

Знать, большой пожар, коли вызывают по «третьему номеру», на участок, где пожарную охрану несет другая часть. Одна часть не справляется, требуется подмога.

Скорей! Скорей!

— Сирену! — командует сидящий рядом с шофером командир подразделения.

На перекрестках люди, автомобили. А у тебя за спиной десять тонн. Машина мощная, сразу не остановишь. А первое правило для пожарного шофера: вести машину быстро, но и безопасно для окружающих!

Если на улице пробка — остановишься. Погудишь — уступят дорогу.

Но находятся и такие, что не сразу уступают. Труби, не труби — как не слышит! Оглох, что ли? Что он, не понимает?!

А если снегопад, туман?

Было же: в туман, зимой, командир отделения шел впереди с фонарем, а машина двигалась со скоростью пешехода. Туман полосами, где его нет — прибавят скорость, так и двигались, рывками. Ехали и трубили. Все время — звуковой сигнал: слушайте, слушайте, едем! Слушайте, коли не видите! Берегитесь!

Скорей! Не задерживаться нигде!

На грузовой едешь — никто тебя не торопит. А здесь, даже если спокойно пройдет дежурство, все равно чувствуешь усталость: сказывается ожидание пожара и выезда. Один проработал так два года на пожарной машине — ушел: «Не могу. Как тревога, так у меня будто все отключается внутри...» Ушел на автобус. Там ездит спокойно.

Да, работу пожарного шофера выдержит не всякий. Как зазвучал сигнал тревоги — первая мысль: машина? как заведется? Хоть все проверено-перепроверено заранее, готово-переготово... Затем — адрес: «Волгоградская? Строительство медгородка?..» Напрягаешь память, мысленно представляешь, как ехать короче. Чтоб не потерять ни одной лишней секунды. Объехал квартал — потерял целую минуту. По проспекту Ленина, по улице Малышева, по Белинского все угловые номера давно заучены наизусть. Номер такой-то — ага, здесь повернуть направо... Все гидранты знаешь, а их тысячи по городу. Гидрант — это такое устройство на водопроводной сети, с краном, к которому можно быстро присоединить пожарный рукав. Бывает, что такой гидрант на стенку дома выведен, или в люке находится, под землей. Зимой едешь и думаешь: не завалило ли снегом, вчера ведь пурга была?..

На пожаре пожарники кричат: «Давай ближе!» Въедешь во двор, а сзади тоже машины напрут, повернуться нельзя, а огонь уже машину нагревает. Сображай, как въезжать!

Сорок три года Сединкину. Из них без малого половину он провел на пожаре, либо в ожидании пожара. Случалось выезжать по четырнадцать раз в сутки. Бывает, с одного пожара да на другой...

Дежурство продолжается сутки, двадцать четыре часа. Если счет вести на минуты — тысяча четыреста сорок минут, а если на секунды — восемьдесят шесть тысяч четыреста секунд... И каждую секунду — в полной боевой готовности. Даже когда отдыхаешь, — чтоб в любой момент вскочить и — к машине. Жизнь начеку.

Родом Сединкин из Тюменской области, работал трактористом, служил в армии на Камчатке. Там тоже водил машины. Демобилизовался, приехал к сестре в гости в Свердловск. Шел однажды мимо высокого четырехэтажного здания со сплошным рядом широких ворот по всему нижнему этажу. Ворота были открыты, за ними в темных проемах виднелись большие красные машины; остановился поглядеть. Вдруг загорелась красная лампочка. Машины взревели моторами и стали выезжать одна за другой. И вот уже исчезли за поворотом... Дежурный, увидев водительские значки у него на петлицах, говорит:

— Чего глядишь? Заходи, нам шоферы нужны.

Сединкин подумал: «Любопытно. Может, попробовать? Не понравится — уйду». Да вот уже второй десяток лет «пробует». Теперь уж не уйдет никуда.

Первое время был рядовым шофером. А сейчас он — старший сержант, шофер 1-й части. Часть отличная, на хорошем счету, и шофер — высшего класса. С собой видный, на груди медали...

Отрывисто командует командир подразделения:

— По Ясной!

— По Шаумяна!

— Сирену!

— Налево!

— Сирену!

Наконец, сообщает всем, всем:

— Вижу большой дым из подвала!

Фуражку снял, надел каску. Каска зеленая, с номером части. Лицо суровое, губы сжаты, даже побелели немного. Ведь сейчас — в бой, смертельный бой с огнем.

Вот он, дым, черный, густой, валит из окон. Бежит народ. И как всегда, ребята на пожаре. Много ребят. Еще когда подъезжали — видели: бегут. По ним можно сразу определить, где занялось.

Сединкин нажимает на тормоз: приехали! Бойцы, как горох, посыпались на землю, сразу — за дело. Уже протянули магистраль... Кажется, успели вовремя...

Огненная купель

Анатолий Карпов не собирался быть пожарником.

Спорт — да, спортом он увлекался с детства, а чтоб мотаться по пожарам, копиться в дыму — благодарю покорно! «Пожарник»... В старое время пожарников почему-то всегда рисовали — да и сейчас иногда рисуют! — усатыми, страшными, в касках с острым верхом, в каких воевали древние греки.

Анатолий родился в Свердловске. Три года отслужил в армии в Приморском крае. Был электриком, шофером. В армии служил в автозаводе. И хоть не собирался поступать в пожарники, уже на действительной выполнил норму и получил звание мастера по пожарно-прикладному спорту. Это и привело его в пожарную охрану — он стал инструктором по физподготовке.

Анатолий сидел на уроке в вечерней школе — он оканчивал восьмой класс, без отрыва от производства, прямо тут же, в пожарной части.

Был март, а морозищи стояли — хороший хозяин собаку из дома не выгонит!

И вдруг: «Тревога!» Все «ученики» враз повскакали и выехали на пожар, а он остался. Он был вольнонаемным, ему ехать было не обязательно. На столах остались карандаши, тетради.

— Где горит? — спросил Карпов у диспетчера.

— На Машиностроителей, десять.

Анатолий мог идти домой, но что-то удерживало его на диспетчерском пункте.

Минуты не прошло, как по рации попросили прислать мехлестницу, для спасения людей с верхних этажей. Ни одного свободного шофера не оказалось: все, кто дежурил, уехали по тревоге. А Карпов — шофер. Сел он в

машину и погнал что было духу на пожар. Нужна механическая лестница — значит, дело серьезное.

Разные бывают пожары. И тушат их по-разному. Если по первому номеру — небольшой пожар — высылают две машины. Есть еще первый-бис: выехали, но просят дослать еще две машины. По второму номеру — уже восемь машин. По третьему — снова вдвое! — шестнадцать. Чем больше пожар, тем больше номер, больше опасность. Четвертый номер — это уже стихия огненная...

Пожар на улице Машиностроителей был одним из крупных в городе. А для Анатолия он стал памятным потому, что впервые Карпов ощутил себя тогда пожарным, понял, что значит выручать из беды людей.

Дом этот построили после войны. Сперва в нижнем этаже был мебельный магазин, затем сделали магазин «Тысяча мелочей». Сюда приезжали за покупками со всего города.

Загорелось в подвале, дымом отрезало выходы из квартир. Лестничная клетка — как дымовая труба: если вспыхнуло внизу, то тает кверху. Дышать нечем. Ничего не видно. Дом весь в дыму.

Жильцы в панике. Окна повыбивали, детишек держат, кричат: «Спасите!» Как рыбы хватают ртом воздух. Вот-вот прыгать начнут. А прыгать высоко.

Некоторое время Анатолий следил за действиями людей в толстых брезентовых робах и зеленых касках. Лестница стала быстро расти. Потянулась к окнам верхних этажей. А затем... Все вышло само собой.

Какая-то сила вдруг толкнула Анатолия. Цепко, обезьяньи хватаясь за перекладины, он побежал вверх. Лестница верхним концом не доставала до балкона пятого этажа. Конец ее покачивался в воздухе, вздрагивал под тяжестью человека. Пододвинуть лестницу ближе было нельзя: не пускала линия высокого напряжения.

Поднявшись на самый верх, Анатолий увидел, что до балкона ему с лестницы никак не дотянуться. О прыжках вообще не могло быть речи: в квартире находилась женщина и маленькие дети. Девочке — не больше года, а мальчику годика три. Дети плакали и кричали, а женщина, казалось, потеряла способность говорить и воспринимать речь. «Давай ребенка! — кричал ей с лестницы Анатолий. — Давай ребенка!»

Лестница покачивалась, покачивался и Анатолий, а навстречу тянулось к нему шесть рук — пара взрослых, две пары детских.

Мать, наконец, сообразила, что ей надо делать. Она схватила девочку и протянула Анатолию. Он принял ребенка одной рукой, прижал к себе. Девочка сразу затихла, прильнула к нему, обхватила за шею. Анатолий слышал, как она дышала ему в ухо, и от этого теплое прерывистого дыхания он чувствовал себя сильнее, бесстрашнее и увереннее. Никогда он не думал, что у годовалого ребенка может быть столько силы в руках!

Потом снова полез наверх. С матерью оказалось труднее всего. Она боялась ступить на лестницу. Несмотря на сопротивление женщины, Карпов вытянул ее на себя. Лестница закачалась, уходя из-под ног, но он успел заплести перекладины ногами...

Потом лестницу передвинули к другому окну, и Анатолий опять полез наверх; теперь он делал это так, словно

всю жизнь занимался спасением людей. Следующими, кого он спас, были три двадцатилетние девушки. Они тоже были перепуганы, но, увидев пожарника, сразу успокоились. Им надо было только помочь перейти на лестницу, а вниз они спускались без посторонней помощи.

Потом были опять ребяташки, тоже двое, но уже постарше возрастом.

Ребята вели себя по-разному. Обстановка психозная, как говорят пожарники: кто плачет, кто смеется. Только смех какой-то ненормальный. Старушек, как и детей, приходилось сопровождать до самой земли.

...Сражение с огнем продолжалось. Сверкающие водяные струи, как ножи, рубили багровые языки пламени, отсекали жадный огонь от его добычи. Несмотря на мороз, было жарко, над домом стояло облако пара. Шипение воды и пара, возгласы людей, тархатенье моторов, автомобильные гудки, все смешалось, образуя какой-то дикий, грозный гул. Но в этой сумятице уже чувствовался нарастающий порядок, приближение победы. Огонь изнемог в неравной борьбе — люди оказались сильнее. На их стороне были машины, техника, а главное — мужество, сноровка.

Вскоре огня не стало видно, его загнали в подвал и там добивали. Медленно таяли клубы дыма. Машины скорой помощи увозили пострадавших.

Анатолий возвращался домой с каким-то новым, незнакомым чувством. Шел и думал: как хорошо все-таки, что он поехал на этот пожар.

Лейтенант пожарной службы Анатолий Андреевич Карпов по-прежнему увлекается спортом. Он в сборной команде России, в сборной Союза. Участник первенства Европы по пожарно-прикладному спорту в городе Карловац, в Югославии. Две медали чемпиона СССР по пожарно-прикладному спорту: одну привез из Ленинграда, другую — из Москвы. Но, пожалуй, самая дорогая для него по-прежнему та, которую он получил за спасение людей на Машиностроителей, 10...

Пожирающая огонь

Спортивный праздник на стадионе «Динамо», посвященный годовщине милиции, был в полном разгаре.

На трибуне, среди массы зрителей, сидел невысокий седой полковник и задумчиво смотрел на зеленое поле, где его коллеги и товарищи показывали свое мастерство, состязаясь в ловкости, быстроте и выучке. Казалось, полковник не столько следит за происходящим, сколько был погружен в свои мысли.

Кончилась эстафета. Потом были велосипедные гонки. Продемонстрировали свое искусство самбисты. Взрыв восторга на трибунах вызвали действия собак-ищеек.

На старте снова бегуны, но на сей раз с виду неуклюжие, в тяжелой защитной одежде, в зеленых касках: пожарные. Они не только пробежали быстро дистанцию, но и преодолели препятствия — стенку, горизонтальное бревно-бум, ямы, — на бегу развернули пару рукавов, прикрепили к ним головки и дали воду.

Запылил деревянный домик на краю стадиона, за футбольным полем. Клубы черного дыма повалили из окон, из двери, быстро прогорела крыша, и из образовавшегося отверстия вырвалось пламя.

Завыла сирена. На поле въехала красная машина и рванулась к домику. Она еще не успела остановиться, а пожарные уже разматывали рукав. Сейчас хлынет вода, она усмирит огонь.

Но — что это: один из пожарных смело приблизился к домику, сунул конец рукава в черный дверной проем — клубы дыма стали, казалось, еще гуще, чернее. Но вот они стали пропадать, рассеиваться, пожар утих, пламя увяло на глазах. А воды и признака не было! Внезапно из всех щелей домика, из окон, из двери, даже из крыши полезло что-то белое, пушистое, оно вспучивалось, выростало с каждой секундой, потекло по стенам, поползло по земле. Вокруг домика словно выросли снежные сугробы. Вот в домик решительно шагнул пожарный и вышел с другой стороны, весь белый, словно дед-мороз! Белый с головы до ног и — невредимый. Если б не дыра в крыше да не сгоревшие оконные переплеты, можно бы подумать, что не было никакого пожара! У домика немедленно появились вездесущие мальчишки. Восторгу ребят не было конца. Один забрел в сугроб, другой принялся мазать себе лицо. Но белое вещество таяло, как мороженое, превращалось в капельки влаги.

Игра! А ведь когда пылает по-настоящему, эта игра превращается в настоящее противоборство — кто кого. Борьба не на жизнь, а на смерть.

Сколько хороших людей отдало жизнь в борьбе с огнем, смелых, бесстрашных, беззаветно преданных своему делу и долгу. Полковник мысленно видел их сейчас всех, слышал их голоса, они стояли перед ним как живые. И может быть, именно невозвратимость этих потерь заставляла взяться за поиски средства, которое стало бы надежным союзником в вековой войне человека с огнем.

Полковник вспоминает пожар на табачной фабрике. Это случилось вскоре после войны.

Здание было кирпичное, старое и неудобное. Когда-то в нем были купеческие лавки, потом, в советское время, разместились издательство и типография. В войну не хватало помещений для эвакуированных предприятий — отдали под табачную фабрику.

Когда возник пожар, пожарные долго не могли проникнуть в помещение из-за дыма. Табачная фабрика — кругом горячий материал!

Все-таки огонь подавили, залили. Полковник пошел с проверкой. Десятка два женщин-работниц вытаскивали табак, который успели отстоять пожарные. Вокруг все еще курилось, поднимался пар. Стены, пол, потолок разбиты, потрескались, вот-вот обвалятся...

Полковник приказал:

— Гражданским всем уйти!

И вдруг видит — бежит парень и кричит: «А-а-а!» И в тот же момент расстояние между полковником и потолком стало быстро увеличиваться. Он помнит совершенно ясно: пол под его ногами пошел вниз, потолок — вверх, — полковник успел прыгнуть в проем и прильнуть к стене. И тотчас пол со страшным грохотом обрушился вниз.

А внизу трое: Маслов, командир отделения, Садриев, старший пожарный, и комсомолец Петров, новичок, всего лишь два или три месяца работал... Полковник услышал, как кто-то из них позвал его:

— Полковник, выручай!..

Но когда разобрали завал, вытащили уже мертвецов. Никогда не забыть...

Однажды из Дегтярки в гости к полковнику приехал зять-геолог и рассказал о том, что дегтярские горноспасатели применяют при тушении подземных пожаров высокократную пену. Не откладывая в долгий ящик, полковник поехал к горнякам поглядеть на эту пену собственными глазами. Заинтересовался. Установка, которую смастерили потом у себя, давала пену, но мало. На серьезный пожар с такой установкой не поедешь.

Он всегда говорит «мы», никогда — «я». Однако больше всего высокократной пеной занимались он сам да его друг, начальник испытательной станции, в прошлом инженер-горняк. Сколько они проделали опытов! Иногда опускались руки. А потом начинали все сызнова. Им двоим было выписано и авторское свидетельство.

Эти двое: полковник Евгений Петрович Сакнов и инженер Глеб Николаевич Васильев.

Что же это за пена такая — «высокократная»?

Не знаю, сколько можно приготовить пены из кусочка мыла и стакана воды, но из литра раствора, приготовленного по специальному рецепту, можно получить двести, триста литров высокократной пены. Объем жидкости, превращенный в пену, увеличивается во много крат! Потому пена и называется высокократной. Она обладает поистине неукротимой энергией. Она стремится расширяться, заполнить любое пустующее пространство как можно быстрее, проникает в каждое углубление, дырку. Если воду огонь испаряет, то с пеной ему не совладать. Пена вытесняет воздух, прекращается приток кислорода — огонь хиреет и умирает. Не остается даже крохотного очажка, искры, из которой может снова возгореться пожар.

А человек? Человек может спокойно дышать в пене, идти, оставляя за собой коридор... Опасно лишь возвращаться по этому коридору назад: в пустоту может набиться дым. Но пожарные уже искушены в этом деле и в пену идут сразу в противогазах.

Пена хороша еще тем, что снижает температуру. В пене уменьшается концентрация дыма. Пена потушит там, куда не может проникнуть пожарный.

Когда строилась громадная Рефтинская ГРЭС, неподалеку от Свердловска, решено было электростанцию не пускать до тех пор, пока не будет готово устройство для тушения пожаров пеной.

А если, скажем, пожар на корабле? Пожар на море —

страшнее страшного. Кругом вода, а ты — горишь... И тут выручит высокократная пена.

...И может быть, в эту минуту, когда вы читаете эти строчки, где-то на земле или под землей, на воде — в корабле, или в воздухе — в самолете, или еще где-нибудь пена истребляет огонь.

О том, как люди издавна бились с Красным Петухом

Красным Петухом исстари прозвал наш народ огонь, когда тот вырывается из-под нашей опеки и из друга-помощника в житейских делах превращается в беспощадного, лютого врага.

Ох, и боек, зело коварен, ненасытен зверь! Как распушит пылающие огнем-жаром крылья да пойдет смахивать-слизывать все, что встретит на пути!..

Лишь один император Нерон, сжигая Рим, если верить свидетельству современников, пел хвалу пожару, пожирающему столицу великой империи.

В истории имеется немало примеров, когда целые города выгорали дотла, и люди вынуждены были селиться на новом месте.

Обычным явлением были пожары на Руси.

Москва с XII по XIX век горела шестьдесят раз, и к этому настолько привыкли, что, как отмечает историк Ключевский, к пожарам относились как к чему-то само собой разумеющемуся, неизбежному.

Особенно губительным оказался для русской столицы XV век: лишь за сорокалетие, с 1453 по 1493 год, она десять раз почти полностью истреблялась огнем! В одном только 1547 году она трижды превращалась в гигантский костер. В огне нашли смерть две с половиной тысячи человек.

Прошло всего двенадцать лет, и огромное зарево снова занялось над столицей. Пожар не пощадил Кремля — в пепел обратились царские палаты, сгорели дотла двор с казной, оружейная палата с ее сокровищами, митрополичий двор и все правительственные учреждения с их архивами. Погибли великие исторические ценности.

Всяк, даже школьник, знает о пожаре Москвы в 1812 году — во время нашествия Наполеона. В годины бедствий испепеленные дома исчислялись тысячами, и всякий раз Москва отстраивалась заново.

Горела мать городов русских — прекрасный град на Днепре — Киев. Горели Минск, Кострома, Пермь, Вятка. Не по одному разу выгорали города Владимир, Суздаль, Чернигов, Рязань, Тверь, Могилев, Псков, Полоцк — и в бурное время войны, иноземных нашествий, и в мирную пору.

Все строения в старой России возводились из дерева, каменные строились редко. Люди селились скученно. Под одной крышей нередко размещались жилое помещение, скотные дворы, сараи, полным-полнехонькие сена, соломы. Зеленых насаждений (а они — преграда огню) между домами, как правило, не было. А тушили-то огонь вручную, ведрами таскали воду с реки. Много ль тут успеешь сделать, когда огонь нередко несется со скоростью курьерского поезда, прыгая с крыши на крышу, перебираясь по плетням, по заборам, по поленницам дров, заготовленных на зиму.

Тревожно гудел набат, разносясь далеко окрест, созывая народ на поединок с огнем. Бросив все дела, работу в поле, стар и млад, мужчины и женщины спешили на этот хватающий за душу зов, при больших зятых пожарах нередко одна деревня «всем миром» приходила на помощь другой, сосед помогал соседу.

А иногда пожары не тушили совсем: церковники считали, что это кара божья за грехи людские, вмешиваться нельзя.

Часто выходили на пожар с крестным ходом, с молебствием, с батюшкой-попом во главе, окропляли горящее добро святой водицей, «взятой с Иордани». Да разве этим стихию умилоставишь!

В 1547 году жителем Москвы особым царевым указом было запрещено летом топить печи в домах; дабы не оказалось ослушников, на печи накладывались восковые печати. Для приготовления пищи разрешалось строить поварни на огородах и пустырях. Еще раньше была учреждена пожарно-сторожевая охрана, которая обязана была оберегать город от огня и «всякого воровства». Можно считать это началом противопожарных предупредительных мер.

Стрельцы, жившие в Москве и в особых стрелецких слободах, обязаны были являться на пожар и участвовать в тушении. Их-то мы и полагаем первыми русскими пожарными.

Петр Первый самолично спасал людей на пожарах. При нем был издан Указ об учреждении пожарной службы. Петр запретил строить в Петербурге деревянные дома. Цель преследовалась двоякая: и город получит «европейский» вид и не разгуляется огню. Однако, чтоб выполнить сие распоряжение, царю пришлось наложить запрет на строительство каменных зданий по всей стране: не хватало ни камня, ни каменщиков...

Долго, трудно налаживалась служба противоборства вековому разорительству, которая должна была обуздать «вора» — Красного Петуха, — укротить его буйный нрав.

Лишь в 1857 году «высочайшим утверждением» 341 город Российской империи (из 437 насчитывавшихся тогда) получил право содержать за казенный счет постоянную пожарную команду.

Нарождалась техника. Появились водоливные трубы, иначе сказать, ручные насосы. Вырастали наблюдательные вышки, или каланчи: бдительный дозорный с острым глазом денно и ночью следил с нее — не появился бы подозрительный дымок, не зарозовело б тревожное зарево над домами. Каланча, подчас архитектурно оформленная, на манер терема, со шпилем-шестом, на котором вывешивались сигнальные шары, стала непременным украше-

нием всякого мало-мальски уважающего себя города. Наблюдательные вышки строились в лесах (они, кстати, с пользой служат и поныне).

Русские инженеры, энтузиасты пожарного дела, разработали учебные конструкции и разные типы пожарных кранов и колодцев, фасонных частей для качающих воду машин, помп. В России был создан и эффективный огне-тушитель с огнегасительной пеной. Однако внедрялись новшества медленно, казна была скупа и отпускала на обзаведение ничтожные средства. Хорошо, если находились щедрые пожертвователи. За их счет и делалось кое-что.

Научились использовать при пожарах водопровод, да вот беда: водопроводы в ту эпоху имели совсем немного городов.

Выручали лошадки. Не случайно пожарные тройки долго слыли непобедимыми, соперничая с лучшими выездными богачей. Но это — лишь там, где городская управа заботилась о поддержании пожарной службы в необходимом порядке и на должной высоте.

Тревожный звон будил народ,
Дрожала мостовая.
И мчалась с грохотом вперед
Команда удалая...

так писал Маршак.

Долгое время иметь профессиональную оплачиваемую пожарную команду считалось роскошью, непосильной для многих заштатных городков и поселков; да и ей справиться в одиночку с огнем зачастую было просто не по плечу. Складывались традиции добровольных пожарных дружин. Действовало правило: по первому удару колокола либо другому сигналу мужикам бежать к месту пожара, захватив с собой подручные средства для тушения, у кого что есть.

«И мчалась с грохотом вперед команда удалая» — бежал честной народ. Выстроившись в ниточку (находилось немало и добровольцев-женщин), по цепочке передавали из рук в руки ведра с водой, замотав лица тряпьем, баграми с крючьями растаскивали горящие бревна; кто-то лез на крышу и плескал водой там, кто-то, выбив окна, пытался проникнуть в пылающее удушливое нутро; случалось, и нередко, рушилась стена и погребала под собой в горячей могиле неосторожного смельчака.

В наши дни в уральских селениях на столбах, поддерживающих ворота, или на стенах домов, срубленных из столетнего леса, еще можно увидеть таблички с изображением топора, ведра, багра, лестницы, саней, смотанной веревки — кому чем вооружаться, ежели станут скликать на пожар. Это — знаки народного мужества и безмерной самоотверженности; но, вместе с тем, и свидетельство бедности, скудости средств, которые уделялись в те далекие годы на борьбу с врагом-огнем.

И не потому ли в канун революции один из официальных справочников вынужден был признать: «Давно горит матушка-Русь, но никогда она не горела так, как в последние годы. Пожарность растет, как сказочный богатырь, не по дням, а по часам...»

Много и часто горел Екатеринбург. Пожары учащались летом, в жаркую сушь, и в январские морозы, когда усиленно топились печи. Да как и не гореть, когда абсо-

лютное большинство населения было в полном неведении об элементарных правилах пожарной безопасности, а кто и знал, так не считался с ними. Сказывалось, верно, не могло не сказываться, и то, что в свободную пору «по совместительству» пожарные занимались ловлей беспризорных кошек и собак, пилили-кололи дрова и подметали дворы у начальства, прислуживали на кухне, а частенько и секли провинившихся. На их обязанности было присутствовать при крещении незаконнорожденных детей. Так, волей-неволей, хотели того или нет, они становились дружками-родственниками да «крестными отцами» многих горожан. Не отсюда ль и пошло распространенное: «кумпожарный», ставшее в некотором роде традиционным для русского пожарного; отсюда и навязчиво-убогие сюжеты, питавшие небогатую фантазию дореволюционных карикатуристов.

Екатеринбургское вольное пожарное общество (организовалось в 1879 году) выплачивало из своей кассы по шесть копеек за бочку воды, привезенную на пожар...

«В целях ограждения народного достояния Российской Советской Федеративной Республики от пожарных бедствий...» — так начинался «Декрет об организации государственных мер борьбы с огнем» от 17 (4) апреля 1918 года, подписанный Лениным, положивший начало современной — советской — пожарной службе.

Сколь далеко мы ушли с тех пор!

Пожарная служба — часть общего государственного дела. Не случайно название ее Государственный пожарный надзор.

И не случайно на бойце-пожарном армейская строгая форма, погоны со знаками различия, как в Вооруженных Силах: в пожарных частях воинская дисциплина, воинский порядок.

Что и говорить, служба не из легких. Близкая родня ей — пограничная служба и служба милиции: здесь люди бодрствуют двадцать четыре часа в сутки, в мирное время непрерывно рискуют собой и, случается, платят за победу и успех своей жизнью.

Подежурьте вместе с ними — увидите, что это за работа.

В часы вахты никто не смеет отлучиться хотя бы ненадолго. Сигнал! И через люки по шести пожарники в ту же секунду съезжают вниз, к машинам. В сухое лето, когда горели леса, да и в городе участились загорания, сидели прямо в машинах. В военной авиации это называется готовностью № 1. «Готовность номер один» — вся жизнь бойца-пожарного.

Отошел в область предания бравый брандмайор, подкручивающий усы, кумир домашних работниц и рыночных торговок. Канули в прошлое конные выезды, дробный стук лошадиных копыт по тряской мостовой, ручные насосы. Могучая техника пришла на помощь воину пожарной службы. Одна автоцистерна враз привозит несколько тонн воды (это тебе не бочка за шесть копеек, которую тянет старенькая кляча). Вместо дедовской деревянной лестницы — автоматическая, на механической тяге, выстреливающая, как пушка, стоит только нажать кнопку. (Есть лестницы, которые достают до 32-го этажа). На службе

лесной пожарной охраны — самолеты, вертолеты, парашютное вооружение, взрывная техника.

Неизмеримо выросло достоинство работника пожарной охраны. Ленинская подпись стоит и под таким постановлением: запретить ходить и ездить на пожар из праздного любопытства, под страхом предания суду запретить появляться на пожаре людям, кои любят совать нос не в свое дело. Приедет — и давай распоряжаться, хоть ничего не смыслит, а огонь шутить не умеет. Никто не смеет вмешиваться в распоряжения руководителя пожаротушения — ни милиция, ни самые важные, облеченные властью лица. Никто! За все отвечает он один, ему и подчиняются все.

Никогда не забудутся подвиги советских пожарных в годы Великой Отечественной войны. Военная история пожарного дела в СССР еще не написана. Скажем лишь, что под Москвой, в трудные для столицы дни сорок первого года, из бойцов-пожарных было сформировано несколько крупных подразделений и они героически сражались с врагом. Под Ленинградом действовала стрелковая дивизия, целиком укомплектованная пожарными. А в тылу (если только Ленинград тех дней можно назвать тылом) их заменили женщины, старики, подростки...

Женщины в те годы были во многих подразделениях Свердловска, Нижнего Тагила, Каменска-Уральского и других городов. Никакой ценой не оценить их тяжкий, подчас нечеловеческий и уж во всяком случае не женский труд. Поклонимся им низким поклоном: женщина-пожарный — герой вдвойне.

Искусству борьбы с огнем сейчас учатся в специальных средних и высших учебных заведениях. Теперь уже не редкость встретить инженера-пожарного. Для особо искусных и опытных, мастеров высокого класса, введено звание классный специалист.

Да, конечно, бывают и жертвы. Война без потерь не бывает, а борьба с огнем — это война. Непрерывная, непрекращающаяся — единственная война, у которой нет и не может быть конца.

Метаморфозы названий

**Александр
МАТВЕЕВ**

*Рисунки
С. Мальшева*

Название иногда живет очень долго — тысячелетия, переходит от народа к народу и нередко изменяется. Вот сравнительно простой случай. На реке Нейва стоит город Невьянск. А выше по течению Нейвы находятся рабочие поселки Верх-Нейвинский и Нейво-Рудянка. Связь между этими названиями очевидна. Но почему Невьянск, а не Нейвинск?

Отгадка проста, если только обратиться к русским грамотам XVII века. В них нет никакой реки Нейва, а упоминается постоянно Невья. От Невья и образованы топонимы Невьянский завод, Невьянск.

Значит, в названии города Невьянск сохранилось древнее имя реки — Невья, а в наименованиях Нейво-Рудянка и Верх-Нейвинский отражена уже Нейва. Как это произошло, легко понять: Невьянск — поселение старое, Нейво-Рудянка и Верх-Нейвинский — более новые.

Возможно, что Невья — мансийское название, потому что я по мансийски — «река». Вот, например, Турья, на которой стоит Краснотурьинск — «Озерная река». Правда, что такое *невь* — сказать трудно.

Но почему Невья стала Нейвой?

Русские осваивали Урал с запада и нередко их проводниками были жители Прикамья — коми. А в языке коми *ва* значит «вода», и, как мы уже знаем, северное Прикамье прямо таки кишит этими названиями на *ва*. Конечно, коми могли подставить вместо мансийского *я* свое *ва*, а русские — позаимствовать от них топоним Нейва. Только не все здесь гладко.

Ведь Невья фигурирует в документах того времени, когда на Урале было уже достаточно много русских. Следовательно, русские были знакомы именно с этой формой названия. Кроме того, на языке коми слово

приняло бы вид Невва или Невьва, а не Нейва.

Значит, опять что-то не так.

А не могли сами русские переделывать Невья в Нейва? Оказывается, могли под влиянием всех этих названий на *ва* (вроде Кушва, Лобва, Сылва) из Невья (где *я=йа*) путем перестановки *в* и *й* и получилось Нейва. Дополнительным стимулом для такого изменения был звук *в*, на который оканчивалась первоначально основа топонима Невья. Последовательность изменений, очевидно, была такой: Невья — Нейвя — Нейва.

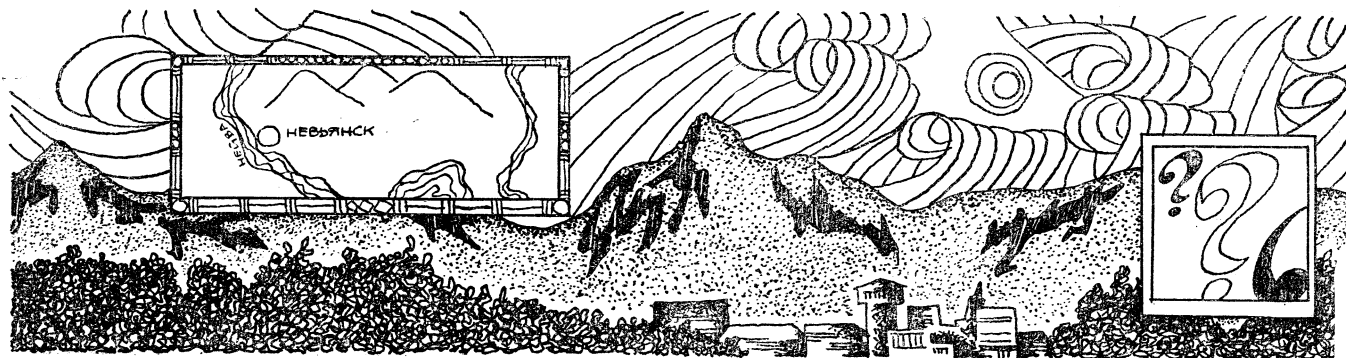
Такая перестановка — ее называют метатезой — одна из самых вредных чудовищ, живущих в топонимии. Она встречается обычно там, где ее как раз и не ждешь. Попробуй-ка понять, что такое урочище Корвига? А ведь и здесь метатеза — из Коврига. Так кое-где называют не только краюху хлеба, но и похожую на нее круглую возвышенность.

Есть в топонимии и другие чудлища, например, свирепое создание со звонким изменен диссимиляция, что значит расподобление. И занятие-то у нее прескверное, очень мешающее исследователю географических названий: она только тем и промышляет, что все похожее делает непохожим, сходное — несходным.

Даже в русском литературном языке есть жертвы диссимиляции, например, февраль из первоначально-го февраль (от латинского фэбруариус), а в диалектном и просторечном произношении найдется и прулубь из прорубь, и колитор, и дилятор, и секлетарь и другие искаленные диссимиляцией слова. Ясно, что в топонимии с ее дикими чащобами и глухоманями этой хищнице раздолье.

Конечно, в моих словах есть

доля шутки. И метатеза, и диссимилиация необходимы языку. С их помощью он осваивает трудные для произношения слова, особенно заимствованные. Но какие это ловушки на пути топонимиста!

Есть и сейчас в низовьях Оби в Ханты-Мансийском национальном округе деревня Шеркалы. Только раньше, в XVII веке, она называлась иначе — Шеркал, а в «Книге Большому Чертежу», что была составлена в 1627 году, даже Шеркар. Что здесь первично — л или р? «Книга Большому Чертежу» подсказала: первично р, потому что есть и другие названия на кар. Здесь же, в Северном Приобье, были в XVII веке: Калчикар, Уркар, Сускар, Войкар. Значит, исходным было кар. Это по-коми-зырянски «город», а в данном случае — городок, укрепленное поселение. Таких городков в Северном Приобье, где и сейчас живет много коми-зырян, было предостаточно уже в XVII веке. Название Шеркар означало «Средний город».

С течением времени топонимы на кар стали осваиваться русским языком, который «не любит» двух р в одном слове, почему и появляются в речи не очень грамотных людей секлетарь и дилектор. Название Шеркар по диссимилиации превратилось в Шеркал, а затем, как и некоторые другие топонимы на кар, приобрело русский суффикс множественного числа **ы** — Нарыкары, Люлюкары, Шурышкары и Шеркалы.

В той же «Книге Большому Чертежу» упоминается в Северном Приобье поселок Карымкан. И в этом слове тоже произошла диссимилиация, которая, правда, не закрепилась в языке. Откуда мы это знаем? А вот откуда. Сейчас именно здесь

расположены деревни Старые и Новые Карымкары. Опять два р не уложились было в одном слове, но на этот раз диссимилиация позабавилась и вместо л подсунула н, наверное, потому, что в слове уже был другой носовой звук м.

И сколько таких и еще более трудных фокусов приходится разгадывать топонимисту, идущему по следам диссимилиации. Возможно, что диссимилиация приняла участие и в переделке древнего названия Арал в Урал.

Значит, топоним, переходя из уст в уста, от народа к народу, изменяет прежде всего свою звуковую форму, свой внешний облик. Но это еще далеко не все.

Путешествуя из языка в язык, слово вынуждено приспособляться к чужой грамматике. Так, «леший» по-татарски — шурале, отсюда и название реки Шурала. Но почему а вместо е? Дело в том, что слова на е в русском языке среднего рода, а река, речка — женского. Взгляните на карту Урала — как много на ней названий рек с окончанием на а — Кама, Уфа, Пышма, Ница, Тура, Тавда... А теперь найдите название реки на е! То-то... Поэтому е перешло в а в названии Шурала.

Ну, а с названием реки Чусовой приключилась еще более занимательная история. Чусва — «Быстрая вода», в конце концов, превратилось в нечто подобное прилагательному на ой, ая, ое. Так и кажется, что от слова **чус** образовано **чусовой**, **-ая**, **-ое**, как от русского **час** — **часовой**, **-ая**, **-ое**. Город Чусовой, река Чусовая, село Чусовое. На самом деле все эти русские названия возникли иначе. Сперва было усвоено обозначение реки — непонятное Чусва приспособи-

лось к русской грамматике. Из Чусва получилось Чусова, а отсюда — уже по обратной связи — Чусовая, как если бы от диалектных форм **стара**, **бела** были образованы полные формы **старая**, **белая**. И только потом появились Чусовой и Чусовое.

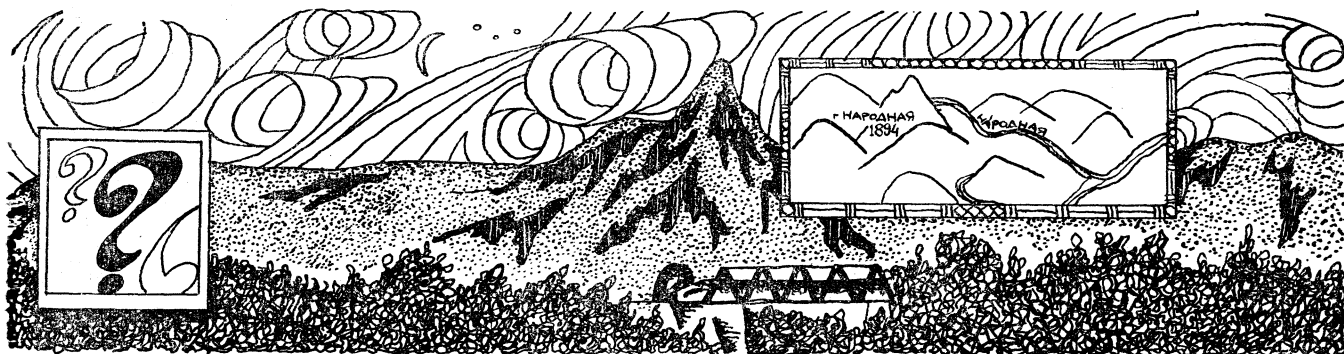
Так что иноязычное слово всерьез обкатывается в языке. Со всех сторон тянутся к нему цепкие щупальцы коренных и уже освоенных слов: иди, мол, к нам. К словам, более близким по звучанию и окончанию, обычно и тянется заимствование.

Человек, долго живущий в чужом краю, в конце концов, привыкает к новой одежде, пище, обычаям. Так и заимствованные слова постепенно привыкают к новому окружению — ассимилируются.

Но преобразуются не только слова-«иностранныцы». Исконно русское слово по тем или иным причинам тоже может изменить свой облик. Кто не знает таких городов Южного Урала, как Орск и Белорецк? А ведь первоначально эти названия звучали иначе. Еще в пушкинской «Истории Пугачева» упоминаются Орская крепость и Белорецкие заводы. Изменился характер объекта — на месте крепости, завода возник целый город — и название изменило свою форму.

Оказываются, топонимы нет-нет да и переселяются из одного ряда слов в другой.

Иногда же происходят еще более удивительные вещи, особенно со словами-чужестранцами, которые ищут пристанища в топонимии или вообще в языке. Набродившись в одиночестве, они бросаются к первому попавшемуся им созвучному слову, доверчиво принимая его за

родню и подчас действительно усюновляются, хотя фактически между этими родственниками нет ничего общего.

Называется это удивительное явление народной этимологией. Встречается оно часто, особенно в речи детей и не очень грамотных людей. Маленький ребенок хорошо знает слово **камень**, но ему совсем непонятно слово **память**. Попробуйте объяснить малышу, что это такое! И памятник становится каменником или каметником — он ведь из камня сделан.

Обычно народная этимология не становится достоянием всего языка, ее сфера — речь, но бывает, что и она прочно закрепляется. Ну, а в топонимии, где слова не выражают общих понятий, народной этимологии раздолье. В русских переделках мансийских названий гор Северного Урала часто чувствуется ее работа. Высокая куполообразная гора «Койп Буби» стала Копной, хребет Сисуп — Чистопом, потому что его могучие, но пологие вершины лишены деревьев — голы, чисты.

Только далеко не всегда исследователь, даже очень опытный, может поймать этого хитрого зверя в свои сети.

Вот поистине примечательная история. В 1927 году отряд Североуральской комплексной экспедиции Академии наук СССР под руководством А. Н. Алешкова открыл на Приполярном Урале ряд гор невиданной для Урала высоты — более 1700 метров, и на картах появились гора Дидковского, пик Карпинского, гора Народная.

Нам, школьникам тридцатых годов, была уже хорошо известна высочайшая точка Урала — гора На-

родная (1894 метра), благо она была на всех учебных картах. И наш замечательный географ Владимир Семенович, «Морж», как мы его звали за свирепую торчащие седые усы, — на самом деле был он добрейшим человеком и чудесным преподавателем — сурово карал всех, кто не знал, где находится и как называется самая высокая гора Урала. И все мы думали, что гора Народная названа так в честь нашего советского народа. И все говорили только Народная.

А в современной географической литературе, как в справочной, так и в учебной, название этой горы приводится с ударением на первом слоге — Народная. И в «Энциклопедическом словаре географических названий», изданном в Москве в 1973 году, тоже находим — гора Народная (Народа).

Что же произошло? По рассказам участников экспедиции, Алешков назвал гору Народной в честь советского народа. Почему же со временем Народная стала Народной?

Много проясняет название горной речки Народа, берущей начало у этой горы. Не связывать названия Народа и Народная (или Народная) и считать их случайным совпадением просто невозможно. Между тем, Народа — название местное, верусское и, значит, по времени более раннее.

Сейчас уже не установить в деталях, что происходило чуть ли не пятьдесят лет тому назад. Но вот как можно объяснить происшедшее.

Название Народная возникло от наименования реки Народа — надо же случиться такому совпадению! — по народной этимологии, то есть иноязычное название реки Народа было сближение с русскими словами нарód, нарóдный. Так и непонятое

стало понятным и родилось удачное, полное глубокого смысла наименование.

Форма названия горы — Народная — хорошо подтверждает, что сами первооткрыватели связывали название со словами нарód, нарóдный. Если бы название горы возникло непосредственно от наименования реки Народа, то оно имело бы форму Народная или Народинская. Во всяком случае, от названия реки Пайпудына, что течет на Полярном Урале, образован топоним Пайпудынский хребет, а от наименования реки Ляля — название Лялинский Камень на границе Свердловской и Пермской областей.

Надо сказать, что наименование Народная было принято очень хорошо, тем более, что слово народ известно всем, а река Народа — только немногим. Но связь между названиями реки и горы тем не менее была разорвана. Это, очевидно, и явилось причиной последующей переделки названия горы в Народную.

Сейчас трудно сказать, чем кончится спор народников и народников, но одно ясно: название Народная — не очень удачный гибрид.

Вот какие чудеса вытворяет народная этимология в Стране Топонимии. Ее каверзы доставляют много хлопот, и какой-то сердитый ученый, обидевшись, даже назвал ее ложной этимологией. Только не прав был ученый: исследователю, конечно, хлопотно, а вот языку с народной этимологией лучше — так одинокие слова находят себе новую родню. Процесс это объективный, хочешь — не хочешь, с ним надо считаться.

ВОСКРЕСШИЙ ИЗ МЕРТВЫХ

**Евгения
ПОЛЬСКИХ**

Весной 1844 года в петербургских книжных лавках появились «Проделки на Кавказе» Е. Хамар-Дабанова. «В моем романе все лица небывалые и никогда не существовавшие», — предупреждал читателей автор, взявший к своему произведению эпиграф «Не люблю, не слушай, а лгать не мешай!»

Однако всякий, знакомый с ходом Кавказской войны, легко узнавал в сатирически обрисованных персонажах деятелей военного командования Кавказа. Военный министр Чернышев прочел повесть, ужаснулся и сказал начальнику штаба корпуса жандармов Дубельту:

— Книга эта тем вреднее, что в ней, что ни строчка, то правда.

24 июня 1844 года крамольная книга была конфискована и уничтожена. Из общего тиража 1200 экземпляров изъяли 906. Остальные успели разойтись в Петербурге, Москве, Варшаве, Тифлисе. С тех пор «Проделки на Кавказе» стали редчайшей книгой.

Жандармы поспешили навести справки о личности автора. К их удивлению, им оказалась женщина — Екатерина Петровна Лачинова, дочь камергера Шелашникова и жена бывшего генерал-интенданта кавказского отдельного корпуса. Эта светская красавица была племянницей кавказского помещика А. Ф. Реброва, человека очень близкого к опальному А. П. Ермолову. Брат ее мужа, Е. Е. Лачинов, разжалованный в солдаты за прикосновенность к делу декабристов, служил в Ставрополе управляющим канцелярией при штабе Кавказской линии и Черномории.

За писательницей установили строгий надзор. Было предписано обратить особое внимание на ее сочинения.

О содержании конфискованной и уничтоженной повести пошли толки и пересуды. Все заговорили о книге. Передавали слова Николая I, обращенные к военному министру Чернышеву: «Мы ничего не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза».

А. В. Никитенко писал о книге: «В ней довольно резко описаны беспорядки в управлении на Кавказе и разные административные мерзости».

А. И. Герцен в дневнике за 8 августа 1844 года заметил: «В этой

книге описываются в самом неприглядном виде похождения офицеров Кавказской армии».

Повесть рассказывала о службе на Кавказе капитана Александра Пустогородова, который «увлекался ролью политического заговорщика», был разжалован в солдаты и сослан на Кавказ. Здесь он храбростью вернул себе эполеты, но в глазах начальства приобрел репутацию беспокойного и строптивого офицера.

Честный и великодушный, Александр Пустогородов, сосланный на Кавказ декабрист, — такой литературный герой не мог не привлечь симпатий передовых людей России. Не прошло незамеченным и то, что сам псевдоним автора — «Хамар-Дабанов» намекал на горный хребет Хамар-Дабан в Забайкалье, у подножья которого отбывали каторжные работы ссыльные декабристы.

Е. Лачинова была другом декабриста А. А. Бестужева-Марлинского, которого, кстати, исследователи считают героем повести. Однако из письма Е. Лачиновой шефу жандармов Орлову мы узнаем, что при работе над повестью писательница пользовалась заметками об экспедициях, полученными ею от двух офицеров, «один из коих погиб позднее на дуэли, а другой, как храбрец, пал на поле боя». Этими офицерами были М. Ю. Лермонтов и А. А. Бестужев-Марлинский. Последний был лично знаком с Е. П. Лачиновой. Это подтверждают его письма к брату. Что касается встреч писательницы с М. Ю. Лермонтовым на Кавказе, то об этом косвенно свидетельствуют многие страницы повести. Многие лица лермонтовского окружения на Кавказе стали героями крамольного романа. Это полковник Адамс (К. К. Данзас, лицейский товарищ и секунд-дант А. С. Пушкина, сослуживец М. Ю. Лермонтова по Тенгинскому пехотному полку), майор Лев (Л. С. Пушкин), князь Галицкий (В. С. Голицын), хромой лекарь (Н. В. Майер) и другие.

Подчеркивая связь своей повести с «Княжной Мери» М. Ю. Лермонтова, Е. П. Лачинова переносит в «Проделки на Кавказе» образ Грушницкого. Воскрешая из мертвых этот персонаж, прототипом которого, по мнению современников, служил офи-

дер Н. П. Колюбакин, автор рисует его неожиданное появление в знаменитой в те годы на Кавказе ставропольской гостинице Найтаки, где до этого уже остановились в номерах герой повести Александр Пустогородов с братом Николашей, давнишним знакомым Грушницкого.

«Легко можно было заметить, что этот молодой человек, — говорится о Грушницком, — дерзок в обращении не по природному влечению, но по принятому образу поведения, основанному на расчете и на желании произвести особенное впечатление.

— Здорово, Пустогородов, — сказал он резким басом, протягивая руку Александру. Тот посмотрел на него со вниманием и холодно отвечал:

— Грушницкий, кажется?

— Да!.. Только что приехал. Послан по важнейшему поручению.

И Грушницкий окинул взором всех присутствующих, желая насладиться впечатлением, произведенным его словами. Увидев, однако, что никто не обращает внимания, он сжал губы и улыбка его с досадою, потом повернулся к зеркалу и, с полным самодовольством поправляя волосы, то есть растрепывая их еще больше, спросил:

— Имеете ли известие о вашем брате?

— Вот он! — отвечал Александр, указывая на Николашу.

— А, Пустогородов! Здравствуй, старый товарищ!..»

Далее заговорили о Печорине.

«— Да какими судьбами ты еще сетуешь на земле? — спросил Николаша. — Мы все читали записки Печорина.

— И обрадовались моему концу! — прибавил Грушницкий. Потом немного погодя, перекидывая аксельбант с одной пуговицы на другую, не спуская глаз с зеркала, он промолвил со вздохом:

— Вот, однако ж, каковы люди! Желая моей смерти, они затмили до того, что не поняли всей тонкости Печорина. Как герой нашего времени, он, должно быть, лгун и хвастун. Поэтому-то он и поместил в своих записках поединок, которого не было. Что я за дурак перед хромым лекарем, глупым капитаном и самим Печориним хвастать удалством! Кто бы прославлял мое молодечество!.. А без этих условий глупо жертвовать собою. Вот здесь дело иное. — И став боком, он протянул руку, будто держа пистолет и устремив глаза в зеркало.

— С чего же взяла эту историю?

— Мы просто с Печориним поспорились, должны были стреляться. Комендант узнал и нас обоих выслал к своим полкам».

«Другого Грушницкого не было, нет и не будет!» — самодовольно ринулся, говорит он о себе.

«Грушницкий — человек самодовольный и не знающий приличий, приобретаемых только в кругу хоро-

шего общества — а в нем он никогда не бывал», — замечает Е. П. Лачинова, остроумно мистифицируя читателя рассказом о несостоявшейся дуэли Печорина с Грушницким. Это делает «Проделки на Кавказе» любопытным комментарием к лермонтовскому «Герою нашего времени».

«Проделки на Кавказе» привлекали многих исследователей. Но никто до сих пор не останавливался на похождениях в гостинице Найтаки воскрешенного по воле Е. П. Лачиновой Грушницкого. В этих похождениях уже после гибели автора «Княжны Мери» вторично разоблачался ее псевдоромантический кавказский герой.

Проиграв в карты Николаше последние деньги, разъяренный Грушницкий запустил в партнера колодой, ударил стулом об пол, разбил его вдребезги. Николаша показал игроку на дверь. Грушницкий стал буянить, грозя дуэлью. На шум, поднятый в номере гостиницы, пришел старший брат Александр Пустогородов и позвал слугу, чтобы вывести Грушницкого. Тот схватил пистолет и выстрелил.

Но «люди, подобные Грушницкому, — замечает автор, — не убивают. Им необходимо только производить эффект: в том все их честолюбие». Эти слова дерекликаются с замечанием о Грушницком самого Лермонтова: «Он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение».

Дальше события в гостинице рисуются так. Выстрелив в окно, Грушницкий взял в руки кинжал, сел на кровать и сказал с важностью: «Первого, кто подойдет ко мне, посажу на кинжал». «Завтра же утром стреляюсь с вашим братом насмерть, — заявил он Александру Пустогородову, — один пистолет заряженный, другой — нет. Если ваш брат откажется от поединка, то, где бы с ним не встретился, или убью его, как негодяя, или надаю пощечин».

На ночной выстрел, раздавшийся в гостинице, примчался вызванный ее содержателем Найтаки полицмейстер. Александр представил ему происшествие так, что Грушницкий будто бы случайно разрядил пистолет. Полицмейстер, старый приятель старшего Пустогородова, хотя и знал все подробности, но удовлетворился его разъяснением. Он потребовал, однако, от Александра Пустогородова дать подписку, что тот не выйдет на дуэль с Грушницким.

Но Грушницкий и после этого визита не унялся, требуя, чтобы Николаша выбрал себе секунданта:

«— Я вас ожидаю завтра в семь часов утра в лесу у 4-й версты по московскому тракту, — дерзко объявил он».

Александр сказал, что никакого поединка не будет. Тогда Грушницкий сделал вызов и ему.

«— Я с вами стреляться не буду, — возразил он с презрением, — чтобы не запятнать своей доброй славы: вы не стойте того, чтобы я имел с вами дело!»

Происшествие в гостинице всполошило ставропольские власти. Комендант приказал Грушницкому не отлучаться из дому без его позволения, а плац-адъютант сидел у него в номере, следя за каждым шагом необузданного в страстях офицера. Доложили генералу. Тот приказал выпроводить Грушницкого из Ставрополя за 100 верст с казаком или жандармом. Но тут проигравший в карты около тысячи рублей Грушницкий, заявив, что у него нет ни копейки денег. Ими ссудил его на дорогу Александр Пустогородов.

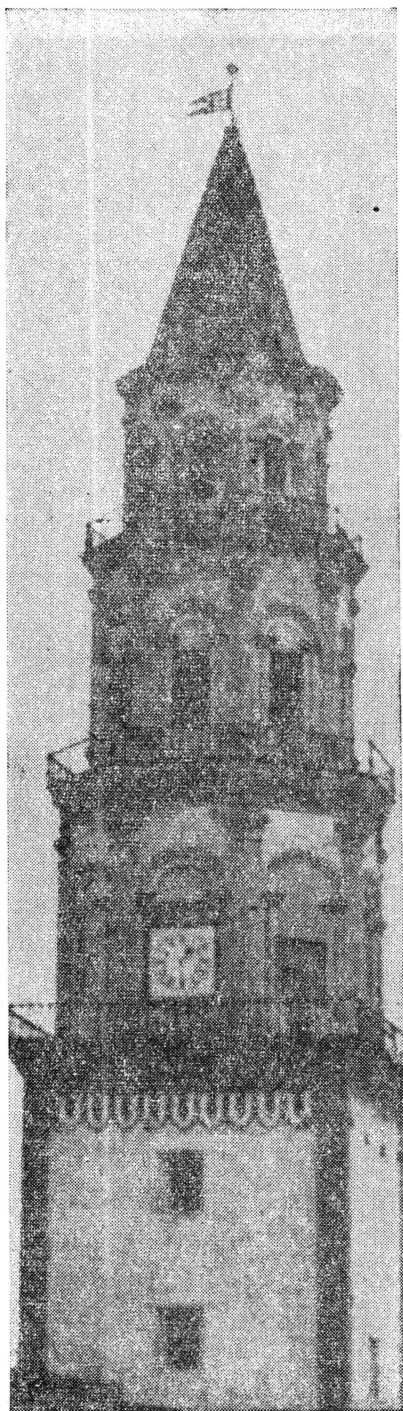
«— Охота тебе, Александр, давать деньги подобным людям, — сказал брату Николаша. — Теперь Грушницкий будет везде рассказывать, что вызывал тебя стреляться, а ты струсил и, желая скорее избавиться от него, снабдил даже сумою на дорогу... Я давно знаю этого молодца!

— Пускай говорит, что хочет, — был ответ Александра. — Кто меня знает, тот не поверит. От клеветы ничем не предостережешься. Впрочем, Грушницких много на свете... Эти люди — истинная язва. От них ничем не отвяжешься. У них нет ни стыда, ни совести. Впрочем, им терять нечего! Отвратительные творения!..»

Так Е. П. Лачинова, в меру своих литературных способностей, вторично развенчала часто встречавшиеся тогда на Кавказе типы Грушницких. Воскрешенный из мертвых на страницах «Проделок на Кавказе», Грушницкий — собирательный, по мнению известного лермонтоведа В. А. Мануилова, образ кавказского офицера — еще остается широкому кругу читателей неизвестен. Теперь об этой забавной литературной мистификации смогут узнать и читатели «Уральского следопыта»...

ЕЩЕ РАЗ О ТАЙНАХ НЕВЬЯНСКОЙ БАШНИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Более двух веков назад в столице демидовского Урала Невьянске была построена башня. Творение русских мастеров — архитекторов, каменщиков, жестянщиков прославилось в веках не столько великолепием своим, сколько тем, что башня эта, как и знаменитая Пизанская, — падающая. А еще прославилась Невьянская башня легендами. Как средневековый таинственный замок начинена она ими. И что только не рассказывают о демидовской башне — одна история страшнее и невероятнее другой!

«Уральский следопыт» много раз публиковал материалы о Невьянской наклонной башне. Еще в 1958 году в № 2 был напечатан очерк В. Федорова «Тайны Невьянской башни». Тогда он вызвал живейший интерес читателей. Но еще больше откликов редакция получила на очерк С. Лясика «Легенда под микроскопом» (№ 2 за 1973 год).

Кандидат геолого-минералогических наук, специалист по поискам благородных металлов и краевед и журналист по призванию, С. Лястик, перевернув груды архивных материалов, изучив все, что известно о демидовской эпохе, провел интересное научное исследование. Он собрал в дымоходах башни сажу — она там оставалась до сих пор, — снял немного стружки с колоколов и сделал спектральный и химический анализы этих проб. И обнаружил, что в саже наличествует... серебро. Это уже открытие! Значит, можно предположить, что в башне действительно плавил серебро? Значит, какие-то тайны Невьянской башни можно раскрыть? И автор сделал это.

Гипотеза, выводы С. Лясика были смелыми, оригинальными и в известной степени научно обоснованными. Вот почему его очерк и заинтересовал так читателей.

Однако нашлись и такие читатели, которые не согласились с выводами автора.

Наиболее любопытные замечания — и достаточно аргументированные — прислал А. Локерман, кстати, тоже кандидат геолого-минералогических наук, тоже публицист и краевед и тоже наш активный автор.

Заметки А. Локермана, где он, возражая С. Лясику, выдвигает свои версии, мы публикуем ниже.

За А. Локерманом слово берет доктор исторических наук А. Козлов, большой знаток истории Урала.

Профессор Козлов сам в поисках истины обошел все архивы и библиотеки. У него своя точка зрения, своя версия — ею он делится с читателями.

Легенда остается легендой!

**Аркадий
ЛОКЕРМАН**

От поколения к поколению переходит рассказ о том, как Демидовы чеканили фальшивые монеты в подвалах Невьянской башни и затопили их вместе с людьми, чтобы скрыть следы преступления, а башня после этого накренилась.

Легенда это или была?

Одним из первых о событиях в Невьянской башне рассказал В. В. Огарков в исторической хронике «Демидовы», изданной в 1891 году. Вероятно, за отсутствием иных доказательств, Огарков подкрепил рассказ таким рассуждением: «Если в позднейшие времена миллионер Баташев был пайщиком разбойников и убийц, то отчего же и Акинфий Демидов не мог быть «фальшивым монетчиком»?»

С этим не поспоришь — возможно, мог быть, но вот был ли?

В дальнейшем аргументы такого рода дополнили лишь слухи.

Знаток Урала П. П. Бажов, специально изучавший этот вопрос, писал: «этой ходовой легенде я не верю». К такому выводу пришли многие исследователи. И тем не менее легенда живет и ей верят, основываясь, в основном, на художественных произведениях Е. Федорова, В. Зуева-Ордынца и других, описавших события в башне так ярко и достоверно, что сомнения, вроде бы, неуместны. Однако не следует забывать о праве беллетристов на домыслы. И надо искать более надежные источники сведений.

Подлинно новые данные содержит очерк С. Лясика. У меня лично правильность вывода С. Лясика сомнений не вызывает. Выплавка серебра в башне производилась! Но не могу согласиться с тем, что результат анализа подтверждает плавку серебра в подвалах башни, как это предполагает С. Лястик. Этим он, незаметно для самого себя, попадает под влияние легенды.

Существование подвалов никак не доказано, но известно, что в нижних этажах башни помещалась «казначейская контора», проще говоря — касса Демидовых, а над нею был «пробирный горн» — металлургическая лаборатория.

Через кассу Демидовых год за годом потоком шли серебряные монеты. Там их пересчитывали, сортировали, а возможно, и производили расчет с рабочими и служащими. Известно, что при обращении монеты изнашиваются, «угорают». Потеря составляет, примерно, одну десятитысячную долю веса в год. Кассиры когда-то зарабатывали на том, что, пересчитывая и выдавая мо-

неты, двигали их по сукну, а потом сукно сжигали и извлекали из золы накопившийся металл.

Повышенное содержание серебра в вытяжных каналах башни в некоторой мере — результат работы «казначейской конторы».

С серебром имели дело и в лаборатории.

Говоря, что на Урале вовсе не было известно серебряных руд, С. Лястик не прав. Верхние, окисленные зоны многих медных, золотых, свинцовых и других месторождений были довольно богаты серебром. В «Горном журнале» за 1838 год Г. Колтовский в статье «Серебряные рудники на дачах Нижнетагильских заводов» рассказывает о добыче здесь благородного металла.

Когда научились извлекать серебро из окисленных медных и свинцовых руд, точно не установлено, но во времена Акинфия Демидова это умели делать. Серебро извлекали сухим способом «вернблей» — сплавкой со свинцом. Много места для этого не требовалось. Помещения лаборатории в башне было вполне достаточно.

Исследователю надо было взять пробы из дымоходов ниже казначейской конторы. Но эти дымоходы еще не удалось обнаружить.

Поэтому вывод, который сделал из своих верных наблюдений С. Лястик о том, что «в подвалах башни плавил серебро», не доказан с научной достоверностью.

К сожалению, С. Лястик в своих выводах ошибочно, по-моему, трактует ряд важных вопросов.

Так, он утверждает, что в России «на протяжении всего XVIII века добыча золота и серебра частным лицам не разрешалась — это было монополией государства».

В 1719 году Петр I «за собственной рукой» выдал указ о горной привилегии — разрешил искать и разрабатывать всем, всюду и все! В этом указе 17 пунктов, они четко, и ясно поясняют правовые нормы. Особо оговорено, что тем, кто будет добывать золото, серебро, медь, казна представит ссуды и премию.

Предприниматели пользовались предоставляемым им правом добычи драгоценных металлов. Так, крупный Шилово-Исетский золотой рудник был передан казной заводчику Турчанинову. Сам Акинфий Демидов в 1726 году получил алтайские земли с правом добывать «медные, серебряные, золотые и все другие руды, какие прищутся».

С. Лястик утверждает, что Демидов, начиная работы на Алтае, уже знал, что там есть серебряные руды. Ввиду того, что надежных данных относительно этого нет, в качестве доказательства он ссылается на статью Рожкова в «Горном журнале» за 1891 год, где говорится о том, что медь в те времена добывать было невыгодно, за нее платили мало, поэтому Демидов не хотел заниматься медью на Урале и уж подавно не стремился бы из-за нее на Алтай.

Мнение Рожкова верно отображает положение, какое было до 1718 года. Затем потребность в меди резко возросла в связи с тем, что чеканка мелких монет из серебра была полностью прекращена.

Уральские заводчики энергично начали развивать медное дело, особенно после того, как вырубку леса на новых делянках стали разрешать только для плавки меди. Тогда — в 1721 году — Демидовы построили медный

завод на Вые, у Нижнего Тагила, и вскоре устремились на Алтай, в «дикий край, находящийся в татарском владении». Чем он богат, не знал никто, и, конечно, Акинфий Демидов мог надеяться на любые находки, но реально в первые годы ему удалось обнаружить только медную руду у Кольвановского озера. Серебром этот район был беден. Это теперь известно достоверно.

С. Лясик бесосновательно считает, что перевозка черновой меди с Алтая в Невьянск была обусловлена приездом в ней серебра и тайными делами в Невьянской башне.

Трудно придумать более неподходящее место для таких дел, чем Невьянск — столица Демидовых, куда то и дело наезжало начальство. У Акинфия была возможность выбрать место куда более укромное. Столь же необоснованным считается и предположение о том, что Невьянская башня служила для дозора при «воровских» делах с серебром.

Служба осведомления у Демидова была поставлена хорошо, но совсем иным способом — о выезде ревизоров он узнавал задолго до выезда!

Наиболее достоверно, что Невьянская башня была построена в честь получения первым Демидовым дворянства в 1720 году. Она была украшена дорогими курантами, расположена рядом с дворцом и основным ее назначением, по-видимому, было украшение столицы некоронованных королей Урала.

Путешественник Гмелин, побывавший в Невьянске в 1735 году, отметил, что там есть медеплавильня для очистки кольванской меди. Это показывает, что Демидовы не делали из этого тайны и, в первую очередь, потому, что серебром эта медь не была богата.

Слиток, который Акинфий Демидов в 1744 году преподнес императрице, был выплавлен не из медных руд Кольвани, как пишет С. Лясик, а из свинцовой руды Змеиногорского месторождения. Только после открытия этого замечательного месторождения, сохраняющего свое значение и в наши дни, началась добыча серебра на Алтае. Когда это произошло, не установлено, но в большинстве документов назван 1742 год.

И много серебра Демидову выплавить не удалось: в августе 1745 года Акинфий Демидов внезапно умер. А на все его имущество сразу же был наложен арест, составлена подробная опись. Ни фальшивых монет, ни больших запасов золота и серебра не обнаружили.

И наконец никто и никогда не видел демидовских фальшивок. Известный нумизмат И. Г. Спасский, автор книги «Русская монетная система», назвал эти монеты «заблуждением, в распространении которого сыграли роль некоторые исторические романы».

Неувядаемая живучесть легенды определяется тем, что в ней верно отобразила народная молва многие черты той жестокой и алчной эпохи. И не надо пытаться превратить легенду в быль.

Легенда остается легендой!

*Когда же она
была построена?*

**Анатолий
КОЗЛОВ**

В работах В. Федорова самым ценным было то, что он лично и очень внимательно осмотрел всю башню. Он впервые заметил на колоколах курантов литые надписи с датами. Малый колокол был отлит в Лондоне в 1730 году, большой набатный колокол — в Невьянске в 1732 году. Федоров впервые опубликовал схему-разрез общего вида башни, с обозначением функционального назначения всех этажей и основных помещений.

С. А. Лясик предпринял оригинальное исследование. Он полагает, что в подвалах Невьянской башни в период 1729—1743 гг. производилась очистка черновой алтайской меди.

А. Локерман, опровергая некоторые выводы С. Лясика, ничего нового, по сути дела, не внес в дискуссию о Невьянской башне. А. Локерман убежден, что башня была построена в честь получения первым Демидовым дворянства — в 1720 году.

В. Федоров полагает, что башня могла быть построена в 1721—1725 годах, забыв, что обнаруженные им же надписи на колоколах датированы 1730 и 1732 годами. В качестве доказательства своего вывода он привел текст литой надписи на чугунной плите, найденной в Невьянске в 1958 году. Но, во-первых, назначение данной плиты не установлено, во-вторых, ее текст прочитан неточно.

Н. Демидов был пожалован в дворяне 21 ноября 1720 года и умер 17 ноября 1725 года. В марте 1726 года была объявлена жалованная грамота на возведение в дворянство сыновей Н. Демидова и утверждён их фамильный герб. Но указ Сената по поводу грамоты поступил в Тобольскую губернскую канцелярию лишь в конце января 1727 года. Следовательно, раньше января 1727 года в Невьянске и не знали об этом, раньше не могло и появиться стилизованное изображение герба на флюгере башни.

Несостоятельность версии о дате постройки башни в связи с пожалованием титула дворянина Н. Демидову очевидна.

И не в 1725 году была построена башня, как утверждает В. Федоров. Точно такая же чугунная плита, какая была найдена в Невьянске в 1958 году, обнаружена, кстати, и в Суксуне, она экспонируется в краеведческом музее Кунгура как свидетельство основания Суксунского горного завода. И, оказывается, есть третья подобная плита, она экспонируется в Свердловском краеведческом музее.

На плитах отлит такой текст: «Сий созиждан (о) по милости вышнаго в Сибири на Невьянских камис(с)ара

Никиты Демидова заводех. Лета господи(я) 1725, генваря I дня.

В. Федоров так перевел его: «Сие созидаю памяти вышнего в Сибири на Невьянских комиссара Никиты Демидова заводех. Лета господня 1725, генваря I дня».

«По милости» не значит «памяти», а именно это убедило Федорова предположить, что башня была построена в память Н. Демидова.

И. Г. Гмелин, посетивший Невьянск в августе 1742 года, впервые кратко описал большую наклонную башню-колокольню в 28 сажен высоты, с курантами. Он писал, что на заводе имелось семь башен, под тремя из которых проходили дороги.

Ордера А. Н. Демидова, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве, свидетельствуют, что распоряжение о сооружении «часовой» колокольни в Невьянском горном заводе было отдано владельцем в канун 25 декабря 1740 года — «прежде Христова дни». Затем предписывалось заниматься подготовкой к устройству башенных часов, чтобы копать ямы к будущей колокольне, но «после Семенова дни», то есть не ранее 1 сентября 1741 года.

Однако уже к началу мая 1741 года приказчики начали расчищать место, полагая, что «место мерзло». В этом и была ошибка строителей, которую сразу понял А. Демидов, — «глубоких ям копать вас никогда не допустит».

Строительство башни началось преждевременно. Уже к 24 мая 1741 года «к часовой башне столбы поставлены и сверху ряд положен». Через три дня А. Демидов предписывал, чтобы к часовой башне в Невьянске под пол положить толстый брус, поднять сруб и внутри положить брусья, впустив в стены верхка по два, чтобы поставить стойки, «которые будут выше подволоки, и колокола на них будут веситца».

В сентябре 1741 года последовал ордер А. Демидова об установке часового механизма на башне в Невьянске — послан «от нас» Яков Сидоров для сборки и «постановления часов», чтоб с ним определить кузнеца Агапа «для хождения за часами», что Яков Сидоров «ему покажет» (ЦГАДА, ф. 1267, оп. 1, д. 613, л. 36).

Ордера Демидова свидетельствуют, что башня в Невьянске была поставлена в 1741 году с нарушением рекомендаций заводовладельца («место мерзло»), а это и привело вскоре к неожиданному наклону башни. Первым очевидцем этой неудачи строителей оказался Гмелин, посетивший Невьянский завод в августе 1742 года. Он писал:

«...Кроме того (же) построена большая колокольня 28 сажен высотой, на которой имеются куранты. Видны также высокие столбы (колонны) из железа, которые предполагается использовать для будущей строительством каменной церкви».

Затем в крепости для статского советника построен деревянный дом, рядом с которым в настоящем году будет выстроен каменный.

Строительные мастера этих сооружений не были

лучшие, так как большинство сводов после некоторого времени имеют обыкновение оседать. Вышепомянутая колокольня стоит не отвесно, но несколько наклонно к Нейве»¹.

Ясно, что все рассуждения о возможной тайной плавке серебра и изготовлении монет в помещениях Невьянской башни, начиная примерно с 1729 года, неверны.

Размеры световых проемов (окон) свидетельствуют, что ни часовой механизм, ни большой колокол не могли быть установлены в готовую башню, а лишь в период ее кладки. Это видно и из ордера А. Демидова от 27 мая 1741 года, которым предписывалось изготовить особый сруб с брусьями и стойками, ибо «колокола на них будут веситца» (ЦГАДА, ф. 1267, оп. 1, д. 613, л. 19).

Помимо приказчиков сооружением башни занимались подьячий Федор Никитин, канцелярист Веденей Терехов, плотинный мастер Анисим Никулиных, каменщики из Тагила и Выи, слесарь Яков Сидоров и кузнец Агап, плотники.

Гмелин напрасно упрекнул строителей — «не были лучшие», — имея в виду наклон башни. Башня построена на редкость прочно, умно и с запасом рассчитана. Толщина стен и, следовательно, их вес уменьшаются кверху. Толщина стен первого и второго этажей примерно в метр, а толщина стены шпица лишь в длину кирпича — 32 сантиметра. Башня в основании квадратная, а крен она получила в сторону юго-западного угла и поэтому получилась очень устойчивой. Крен же в любую из сторон квадрата, а не угол, неизбежно вызвал бы падение башни.

Качество же кирпича и цементной связки, применение голландской кладки кирпича придало особую прочность конструкции. Именно поэтому башня стоит на удивление более двухсот лет.

Примечателен был и старый железокюваный флюгер шириной в 74 сантиметра и длиной более двух метров. (При реставрации башни, начатой в 1970 году, флюгер был заменен новым. О реставрации Невьянской башни «Уральский следопыт» писал в № 12 за 1973 год.)

Флюгер, безусловно, красиво венчает чудо-башню, единственную в своем роде на Урале. Вместе с флюгером башня поднялась на высоту более 60 метров.

Все исследования, выводы и рассуждения В. Федорова, С. Лясика и А. Локермана, связанные с тайной плавкой серебра и чеканкой из него денег в подвалах Невьянской башни, хронологически разноречивы и противоречивы вообще, они не связаны с датой сооружения самой башни. Но они вызвали особый интерес к истории башни, следствием чего был и поиск автора данной статьи.

¹ И. Г. Гмелин. Путешествие по Сибири с 1740 по 1743 годы. Четвертая часть. Геттинген, 1752, стр. 400—409, немецкий язык.

В отрогах

**Михаил
ДЕМЕНОК**

*Рисунки
А. Курпикова*

Сихотэ-Алиня

О Дерсу помнят

— Душевный это был человек... Вот покойный тесть мой, Прохор Каменный, с ним на кабанов ходил и частенько бывал у него в гостях... Где хижина-временка стояла? На том месте холмик камней остался. А вокруг — пашня. Весной трактористы из совхоза «Аурского» пахали там. Гляжу: один разворачивает свой трактор и напрямиком на холмик идет. Я бегом наперерез, стой, кричу ему. Выскочил из кабины чумазый злой парнишка и орет на меня: «Ты что, дед, ошалел — задавлю же!»

А я вежливо отвечаю ему: ты, мол, про Дерсу Узала слышал что-нибудь?

— А как же, о нем Арсеньев книжки писал.

— Так вот, — говорю, — на этом холме, который вы распахать собрались, его хижина стояла.

— Ну-у-у! — удивился парень.

С тех пор холмик никто не трогает...

Охотник-промысловик и опытный следопыт Василий Петрович Рада более полувека промышляет в этих местах пушнину, панты, женьшень. Тайгу знает, как свою ладонь.

Вот и сейчас, кряжистый и широкоплечий, он уверенно, но неторопливо шагает по мягкой тропинке, которая ведет высоко к отрогам Сихотэ-Алиня, к солонцам.

Я иду рядом с ним, возбужденный предстоящей пантовкой и ожиданием встречи с местом, где некогда стояла хижина легендарного Дерсу. Трепещущие зеленокорые осины расступились, и между ними, утопая в белых и розовых цветах, показалось поле-клеверище. Над ним возвышался зеленокудрый исполин — ильм, хороня в тени невысокий холмик из камней. Здесь когда-то и стояла хижина Дерсу Узала, доброго гольда, до тонкости понимавшего природу, Уссурийскую тайгу...

Пройдя клеверище, мы углубились в березняки и ельники. Возле одной из впадинок, отмеченных Василием Петровичем еще с прошлого года, остановились, и он показал мне ржавые наконечники от стрел, которые напоминали чем-то стрелки женьшеня. Здесь, наверное, сидели древние люди — предки Дерсу Узала.

Рассматривая «стрелки женьшеня», я вспоминал о письме покойного лесообъездчика В. С. Ларченко из села Новоженино Гикотовского района. Автор письма рассказывал о встречах с легендарным охотником — Дерсу Узала. Он знал его последнюю избушку — маленькую, два на четыре метра, в верховьях реки Тудагоу (Арсеньевки). В марте 1906 года Ларченко находился по служебным делам в деревне Харитоновке. Там был и Дерсу Узала. Он принес скупщику пушнину, добытую за зиму. Охотник сдал пушнину, рассчитался с долгами, закупил продуктов, новые улы. Ларченко разговорился с Дерсу. Следопыт поведал лесообъездчику, где водится соболь, белка, где можно убить пантача. По словам Дерсу, в юго-восточном направлении от его избушки есть кедрач — громадные столетние кедровые деревья растут сплошь, — там его плантация женьшеня.

Дорогой я пересказал содержание письма старого лесообъездчика Василию Петровичу Раде. Таежник выслушал меня с большим вниманием и заинтересовался плантацией женьшеня Дерсу Узала. За «корнем жизни» Рада ходил в тайгу с детских лет. Находил корни весом 180—200 граммов. Понимал толк в этом промысле. По словам Василия Петровича выходило, что в верховье реки Арсеньевки действительно есть дремучие кедровые деревья. Он загорелся и предложил мне сподить туда в августе, поискать знаменитую плантацию. Я охотно согласился.

...Пропетляли еще два-три километра по таежной тропе. Запахло хвоей, сыростью, прошлогодней забродившей листвой. Белые пряди тумана медленно окутывали землю, хвойник. Лес делался все глуше, Василий Петрович остановился и погрозил мне пальцем.

— Тсс... К солонцам подходим.

Не спеша, след в след, идем к толстому дубу, к которому прикреплен лабаз. По приставленной к стволу лесенке забираемся наверх. Туман постепенно рассеялся. Ветерок ласкает лицо. Иногда налетают волны теплого воздуха, разгоняя надоедливую мошку. Где-то рядом, в траве, захлопали крыльями большие птицы. Вот одна из них, должно быть сова, метнулась в сторону и бесшумно растворилась в зелени. Медно-красный таз луны выкатился из-за гребня сопки. Обостренный слух улавливает ритмичные, совсем не лесные звуки: кучук-кучук-кучук!

Я изумленно посмотрел на Василия Петровича.

— Филин! — шепнул он.

И опять тишина — первозданная. Цик-хор! Цик-хор! — раздалось сзади кряхтенье.

— А это вальдшнеп!

— Фук-фук-фук! Фук-фук! — словно в жестяную банку забила летучая мышь.

Вдруг мой слух улавливает шаги по сухой траве: шах-шах! Таежник кивнул головой, да-

вал знать: идет зверь! Я напряжен до предела, пристально смотрю в сторону поляны, где алеет лунная дорожка. Шаги зверя раздаются все звонче. Вот зашевелились ореховые листья, и в ту же минуту на поляне появился изюбрь — благородный олень. При лунном свете зверь выглядел красным. Некоторое время он стоял, не шевелясь, втягивая ноздрями воздух...

Внезапно олень отпрянул в сторону и мягко, грациозно побежал через поляну. Справа раздался трубный клич.

— Тигр! — шепнул Василий Петрович. — Выслеживает «ветвистого».

Тигр протрубил еще раз. В соседнем распадке ему ответил лаем напуганный изюбрь: Ба-ав! Ба-а-ав! Тигр, судя по реву, удалялся к распадку, шел на сближение с быком-пантачом. Чтобы не допустить схватки зверей, которая могла бы оказаться смертельной для «ветвистого», таежник несколько раз выстрелил в воздух...

Мы возвращаемся в избушку таежника, что в пяти километрах от райцентра Анучино. Там нас ждет крепкий чай, отдых и снова рассказы о таинственной плантации Дерсу Узала, которую мы решили поискать в августе, когда покраснеют ягоды у целебных корней...

За «корнем жизни»

Итак, маршрут известен — дремучий кедрач в верховье реки Арсеньевки, и рано утром мы покидали Анучино. Путешествие, в котором поиск плантации Дерсу Узала связан с туризмом, предстоит долгое и нелегкое — десятки километров в предгорьях Сихотэ-Алиня.

Дорога петляет среди смешанного леса, в коридорах медно-коричневых кедров и, наконец, проходит по берегу полноводной реки Арсеньевки. Постепенно мы удаляемся от берега и поднимаемся в горы, то совсем лысые, то густо поросшие широколиственными лесами. Рядом растут дальневосточная пальма и пробковое дерево — амурский бархат, виноград и актинидия, кедр и орех, граб и лимонник. Деревья подернуты первой позолотой. В смородиновых зарослях карминно-красными шариками поблескивают еще не опавшие ягоды. Угlistые кедровки суетятся на вершинах «хлебных деревьев» — кедров.

Сквозь густой ольховник пробиваемся к под-

ножию крутой сопки, откуда бьет ключ. Здесь мы выбираем место на ночлег под корнями поваленного бурей кедра. Мой напарник быстро насекает ножом листьев папоротника. Я устлал ими землю в небольшой сухой впадине, натянул над ней палатку. Развел костер...

Утром мы налегке отправляемся обследовать урочище. Лесные уголья здесь отменные, в изобилии кедр, аралия, элеутерококк — спутники-индикаторы женьшеня. На косогорах то и дело наталкиваемся на многочисленные метки на стволах кедров. Легко представить, что тут было раньше. Таежники, пользуясь дарами природы, понимали, что кладовые ее не беспредельны. Они брали только крупные корни, а молодую оставляли. Но чтобы приметить место, где осталось молодое поколение женьшеня, эти люди оставляли затесы на кедрах в виде окон...

Сомнений нет: здесь где-то в зарослях прячется бесценный дар природы — женьшень. Теперь пристально осматриваем урочище. Корень может показаться в любом месте. Наблюдательность и терпение не подвели. Зорким наметанным глазом Василий Петрович обнаружил женьшень у поваленной ветром елки. Редкий обитатель уссурийской тайги выделялся среди окружающих его растений прямым, стройным фиолетовым стеблем, от которого по окружности отходили пять стеблей с нежными зубчатыми, испещренными зелеными жилками листьями, образующими зонт. От зонтика кверху поднималась зеленая стрелка в виде луковички с бутончиком ярко-красных костянок. Осторожно выкопали корень. Он был увесистый и желтый, как воск. Наш трудный путь по крутым склонам был щедро вознагражден.

На следующее утро мы отправляемся на косогор, поросший дремучим кедрачом. Вершины деревьев в золотых желваках смолы — зреют шишки. Задорный свист рябчиков будит тайгу. Вдруг среди деревьев и кустарников замелькали деревца со сломанными, усохшими вершинами. Это следы браконьера, который искал женьшень порочным методом «заломок» кустарника и молодого подлеска. Корень он мог и не найти, а сколько оставил чахнуть в тайге надломанного подлеска! У такого горе-таежника не дрогнет рука взять и молодую женьшеня.

В нескольких местах нам попадались ели, стволы которых были ободраны с комля. Винозные в гибели ельников — тоже искатели женьшеня, взявшие кору для устройства балаганов. Следы, оставленные в женьшеневом урочище охотниками за редкими растениями, заставляли нас задуматься: сохранилась ли в этом урочище плантация Дерсу Узала? Мне помнились рассказы бывалых таежников о неожиданных находках плантаций женьшеня и в других урочищах. Осенью 1940 года охотник из села Муравейка Иван Павлович Татлеянин охотился с собаками

ми в женьшеневом урочище на кабанов. Собаки выгнали из дремучего кедрача огромного кабана-секача на пойму и остановили. Охотник бросился на призывный лай собак. Но когда подбежал к кабану на верный выстрел, то невольно опустил ружье от необыкновенного зрелища: в десяти метрах от страшного зверя и своры собак, среди широколиственных амурских папоротников сплошным частоколом стояли зеленые стрелки женьшеня, увенчанные букетиками розовых ягод. Охотник опустился на колени и дрожащими руками стал раскапывать ножом землю... До кабана ли ему было? По словам Ивана Павловича, в первый же день охотник накопал корней женьшеня солдатский вещевого мешок. Самый большой корень потянул более трехсот граммов!..

В августе 1965 года лесник Анучинского лесхоза Александр Васильевич Севрюк с сыном Александром нашли в женьшеневом урочище тридцать корней женьшеня.

Плантацию женьшеня в количестве сорок с лишним корней нашел лесник Иван Ильич Глушак. Самый большой корень потянул 190 граммов. Может, одна из этих плантаций и была плантацией Дерсу Узала, которую легендарный следопыт подарил своему другу, писателю-ученому В. К. Арсеньеву. Запись с точными координатами месторасположения клада Дерсу Узала хранилась в зеленой записной книжке В. К. Арсеньева. Из-за болезни он так и не выкопал редкие корни женьшеня, а записная книжка затерялась...

Шесть дней без отдыха продолжалась наша «женьшеневая страда». Штурмовать крутые косогоры, карабкаться каменистыми уступами, пробиваться сквозь непролазную чащобу — и все это под палящим горным солнцем, а порой под проливными тропическими дождями, среди полчищ мошки и клещей. Но найдено немало — двадцать корней.

...Собраны рюкзаки. Мы покидаем женьшеневое урочище. Василий Петрович останавливается. Его взгляд обращен на юго-восток, туда, где темной гривой тянется дремучий кедрач. Я знаю, о чем думает в эти минуты таежник: мы вернемся сюда и найдем плантацию женьшеня Дерсу Узала.

До новой встречи, тайга, древняя и таинственная!..

Куницы

«Опять?!» Передо мной у кромки тропинки, что ведет в верховье ключа Высокого, лежала охристо-рыжая шкура косуленка, слегка притрушенная мелкозернистым снежком-поземкой. Точно такую же видел на днях на уснувшем под снегом поле-клеверище, куда вечерами спускались с сопки косули и выкапывали острыми копытами хрупкие смерзшиеся зеленые листочки клевера.

«Очередная жертва браконьера, либо непальской куницы», — подумал я и пошел вдоль полосы, проложенной здесь. Теснимая с двух сторон белоногими березами, полоса эта не хуже той, что бывает на границах. Пройдет по полосе человек — видать. Зверь прокопытит — тоже видать. А случись, полыхнет огонь — он тут же наскочит на преграду, захлебнется.

Пройдя по полосе с километр, я не увидел ни одного следка, лишь узорные снежные кружева расшиты на поникших травах. Обогнув косогор, я вышел в кедрач. Деревья-исполины стояли словно отлитые из бронзы, пахли хвоей и смолой. Подойдя к тому месту, где стена кедрача прижималась к каменистому подножию сопки, я услышал скрежет и какую-то возню на вершине кедра. Присмотрелся. Две темно-бурые с желтоватыми подбородками, с черными длинными, как плеть, хвостами, непальские куницы затеяли игру. Одна куница спрыгнет с ветки, ее место спешит занять другая куница.

Вдруг одна куница распласталась и, разбрасывая ноги, вытягивая пушистый хвост, мелькнула в воздухе. Она быстро прыгала с дерева на дерево, покрывая расстояние до трех метров. Другая куница последовала за ней. Красивым прыжкам куниц могли позавидовать белки-летяги...

Осторожно ступая по мягкой хвое, я прошел в ту сторону, куда удалились куницы. Внезапно слева от меня раздалось цоканье. Я обернулся. На самой макушке одного кедрача, увенчанного гроздьями золотых шишек, суетились дымчато-серенькие зверьки с пушистыми хвостиками. Белки! Так вот почему куницы тут прыгали.

С минуту я стоял как завороченный и смотрел на загадочные трюки хищников. Затем снял с плеча ружье и выстрелил: ведь белок ждала та же участь, что и косуленка! Когда сизоватый дымок от выстрела рассеялся, я увидел, как одна куница юркнула в ущелье между огромных камней, а одна застряла между развилками веток дерева и была без движения.

«Попал!» — подумал я и шагнул к кедру. Я видел, как висящая куница несколько раз пыталась поднять голову, но тут же опускала ее. «Сейчас кончится!» Но едва я поравнялся с кедром, куница вся встрепенулась и ожила. Еще

одно движение — и куницу мою как будто ветром сдуло с кедра. Она плавно опустилась на камень и юркнула в ущелье...

Была ли она ранена или искусно притворялась — трудно сказать. Однако белки какое-то время могли теперь чувствовать себя в безопасности.

Черные кабаны

В знойный июльский полдень мы с лесником Савелием патрулировали за рекой Арсеньевкой в урочище ключа Высокого, где накануне был обнаружен небольшой очаг вредителей дубовых насаждений — гусеницы дубового бражника. Едва мы поднялись на плато основного ключа, как струя горячего воздуха, настоянного на душистом липовом цвете, пахнула нам в лицо.

Добравшись до верховья ключа, мы устроили привал. Сняли куртки-энцефалитки и присели на валежник неподалеку от круглой болотины, где поблескивали лужицы с водой. Это было, пожалуй, единственное место в лесу, где сохранилась влага. Слева, из густого орешника, извилистой змейкой в гущу чернолесья убегала звериная тропа.

— Смотри, что за дьявол! — заметил Савелий.

Я всмотрелся. Вдалеке медленно двигалось огромное черное взъерошенное чудовище, сливаясь с темным частоколом орешника.

— Медведь! Черный гималайский медведь! — прошептал я.

— Нет, кабан! — возразил мне лесник.

— Что я медведя от кабана не могу отличить, вон грудь какая широкая и спина с горбинкой!

— Секач то! — прошептал лесник и жестом указательного пальца приказал не шевелиться.

Когда черное чудовище вышло из орешника, я увидел длинную клыкастую морду.

— Верно, кабан! Но почему он такой черный, как смоль? — сказал я.

— Вывалялся в грязи, вот и черный! — ответил лесник.

Мы молча стали наблюдать за неожиданным гостем. Вот кабан остановился, поводит туда-сюда мордой, понюхал влажными ноздрями воздух и неторопливо зашагал к болотине.

— Пошел к своей купальне, — вполголоса сказал Савелий.

Действительно, секач подошел к первой ямке с водой и с ходу плюхнулся в нее, растянулся и блаженно захрюкал...

— Слышишь? — дернул рукой мой локоть лесник. — Зывает к себе остальных кабанов.

Точно. Не прошло и пяти минут, как в ответ на очередное похрюкивание секача в орешнике отозвался другой кабан, третий...

Звери осторожно, один за другим, выходили из своего укрытия — густого орешника — и скорым шагом направлялись к болотине...

Там они устроили настоящую потасовку: те кабаны, что были покрупнее — секачи и матки, — норовили занять самые лучшие купальни. И если какой из годовалых подсвинков хотел искупаться в такой луже, то он тут же получал от секача удар мордой в спину, и с визгом отскакивал...

Минут двадцать на болотине протяжное мерное хрюканье сменялось грозным тягучим храпом, сопением или тонким жалким визгом. При этом фонтаны черной болотной грязи летели в разные стороны.

Вдруг секач, как гладкое бревно, вывернулся из лужи и трижды хрюкнул. С черного до синевы, крутого хребта струйками стекала грязь. Кабан встряхнулся так, что забрызгал кусты козьей ивы, и нехотя побрел по тропинке. Вскоре за ним пошли и остальные семь кабанов, каждый из которых был черным, как смоль. Вот почему их легко можно было спутать с гималайскими медведями.

— Что значит сухое лето! В дождливый год кабанов сюда и палкой не загонишь! — сказал лесник, поднявшись с валежины.

А когда мы с Савелием поравнялись с кряжистыми дубами, то взору предстала другая, не менее интересная картина: желтая сухая листва под деревьями, где хоронились зеленые, жирные колбаски-гусеницы дубового бражника, была сплошь перевернута и вскопана кабанам.

Лесник заметил:

— Чушки искали под дубами желуди, а наткнулись на гусениц и куколок, и поели их.

По мнению лесника, вредителей дубового бражника помогли извести те самые черные кабаны, которых мы только что видели...

Из этой экскурсии в лес мы с лесником Савелием извлекли хороший урок. К нашим сведениям об уссурийских кабанах прибавилось еще одно. Оказывается, уссурийские кабаны не только промысловые звери, но и санитары леса.

Великий казначей в ссылке

Николай
БАРСОВ

На рубеже XVI и XVII столетий в Москве блистало имя дьяка Афанасия Ивановича Власьева. Думный дьяк (то есть дьяк, входивший в состав Боярской думы) А. Власьев работал в разных приказах, одно время, с 1601 по 1605 год, он даже руководил важнейшим Посольским приказом, что можно приравнять к теперешней должности министра иностранных дел. Лично на него возлагались важнейшие дипломатические поручения.

Власьев дважды посылался для переговоров по делам турецким к цесарю Рудольфу, (цесарь — глава так называемой Римской империи германской нации, а попросту — австрийский император) и в Польшу к королю Сигизмунду для утверждения перемирия. Когда Ксению Годунову было решено выдать замуж за принца датского Иоанна, то встретить жениха на границе Московии царь Борис поручил Власьеву.

Вершины своей карьеры Власьев достиг при Лжедмитрии. Быть может, Власьев был не только сторонником, но, так сказать, и одним из «авторов» самозванца. Как бы там ни было, еще до прибытия самозванца в Москву Власьев явился к нему в Тулу засвидетельствовать свою преданность. Вскоре он получает от самозванца никогда не слыханное в Московии звание — «Великого секретаря и надворного подскарбия», казначея, иначе говоря.

Для укрепления на троне самозванцу нужны были брак на знатной особе и поддержка поляков. Отец же намеченной невесты Мнишек подозрительно медлил с браком. И вот Власьев командировается в Краков договориться об условиях и сроке и закрепить договоренность «заочным обручением» Лжедмитрия с Мариной.

Поездка Власьева в Краков увенчалась успехом. После долгих проволочек со стороны поляков он добился отъезда Марины с огромной свитой родных и приближенных в Москву.

При Лжедмитрии Власьев пользовался исключительным авторитетом. Одно время он почти один ведал го-

сударственными делами. Но, как известно, брачные торжества кончились для Лжедмитрия плачевно. Весной 1606 года во время празднеств самозванец был убит. Окончилась и карьера надворного подскарбия.

Новый царь Василий Шуйский при воцарении торжественно поклялся никому не мстить за прошлое. Сам Шуйский шагнул на царский трон почти что из могилы: при Лжедмитрии он был осужден на смерть, но, как утверждают некоторые, помилован по просьбе Власьева. Была такая просьба Власьева или нет — мы точно не знаем. Но столь влиятельный приверженец Лжедмитрия царю Василию был явно опасен. И поэтому в 1606 году Власьев посылается в Уфу, формально — на воеводство, а фактически — в ссылку (у него отобрали поместья и лишили его чинов).

В немногих дошедших до нас от тех времен документах есть сведения о пребывании Власьева в Уфе. По распоряжениям Власьева служилым людям отводилась земля. Об этом говорится в «Отводной книге по Уфе. 1591—1629». Из той же «Отводной книги» видно, что когда в Уфе А. Власьев был вторым воеводой, главным же воеводой (первым) являлся Никита Васильевич Годунов. Как сработались эти два бывших саванника, в прошлом смертные политические враги, — неизвестно.

Василий Шуйский царствовал, как известно, недолго — 4 года.

В 1610 году Власьев отправляется из Уфы в Москву хлопотать о возвращении ему отобранных Шуйским двора и поместий. Дальнейшая судьба Власьева, по утверждению «Советской исторической энциклопедии», не установлена. Однако к этому утверждению можно кое-что добавить. Из Москвы Власьев вновь вернулся в Уфу, где и скончался. В синодике Смоленского собора в Уфе есть запись о похоронах Власьева в ограде этого собора.

Бела Кун в Кормовищах

На станции Кормовище, что в сорока километрах от города Лысьвы Пермской области, открыта мемориальная доска.

В конце июля на лысьвенский участок фронта прибыл сформированный в Перми интернациональный добровольческий отряд венгров под командованием Ференца Мюнниха.

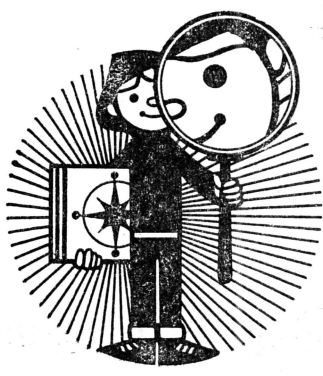
В начале августа сюда прибыл с ротой венгерских красных бойцов Бела Кун.

Бела Кун прибыл на Урал по личному указанию Ленина как представитель Со-

вета Труда и Оборона. Вначале он исполнял обязанности комиссара только что сформированной 3-й бригады. Затем комиссаром бригады был назначен член ЦК РКП(б) П. Залуцкий.

Штаб бригады располагался на станции Кормовище. Бела Кун жил в стареньком вагоне 4-го класса до ноября 1918 года. Он часто выступал перед бойцами, бывал в Лысьве.

Об этих памятных днях и напоминает мемориальная мраморная доска.

М И Р

на ладоны

Мундиры Пауля Зиберта

Первый фильм о разведчике Герое Советского Союза Николае Кузнецове снимался на Свердловской студии телевидения. Во время съемок, уже в Ровно, создатели фильма заспорили о мундире Зиберта — каким он должен быть. Кто-то из бывших партизан-разведчиков, приглашенных в качестве консультанта, сказал:

— А что спорить-то, надо съездить к Драхману — уж он-то знает...

Пришлось режиссеру ехать в Киев к Драхману, бывшему портному партизанского отряда, именно Ефим Борисович шил мундиры обер-лейтенанту Паулю Зиберту в 1942 году.

Потом на Свердловской киностудии начались съемки двухсерийного художественного фильма «Сильные духом». И снова понадобился костюм для главного героя, снова пришлось советоваться с киевским портным, прибегать к его услугам.

Ровненский краеведческий музей недавно открыл мемориальную комнату Н. И. Кузнецова, и для экспозиции потребовался мундир Пауля Зиберта, в котором снимался артист Гунар Цилинский. Его нашли на Свердловской киностудии.

В костюмерной киностудии нашелся и второй костюм Зиберта — для музея разведчика на Уралмашзаводе.

Кладбище коммунаров

28 ноября 1905 года по приказу командующего Черноморским флотом вице-адмирала Чухнина восставшие корабли и флотские казармы подверглись артобстрелу. Лейтенант Шмидт, раненный в ногу, и его пятнадцатилетний сын были арестованы. Были заточены в тюрьму и другие руководители восстания.

В феврале 1906 года в Очакове состоялся суд. В марте лейтенант Шмидт и приговоренные к смерти матросы были расстреляны на острове Березань.

После Великого Октября, в конце 1917 года, останки матросов-революционеров были доставлены в Севастополь. Героев перезахоронили там, где был пятый бастион во время обороны Севастополя в 1854—1855 годах. Теперь это место называется Кладбищем коммунаров.

На снимке: памятник лейтенанту П. П. Шмидту, а также матросам А. Gladкову, Н. Антоненко и С. Частнику на Кладбище коммунаров в Севастополе.

Фото М. Тубмана

Встретились «Татра» и... мамонт

Эта необычная встреча мастодонта, жившего более 10 тысяч лет назад, и современного грузовика чехословацкой фирмы «Татра» произошла в Тюменской области, на одном из известных новых месторождений нефти — Самотлоре. Во время разработки глубокого песчаного карьера ковш экскаватора забросил в кузов автомобиля вместе с грунтом бивень мамонта. На глазах у присутствовавших цвет неожиданной на-

ходки превратился из белого в желтый, видимо, сказалось воздействие теплого воздуха, без доступа которого кость пролежала в мерзлом песке многие тысячелетия.

Пока что «встретиться» с мамонтом повезло только одной из 800 «Татр», работающих на нефтяных промыслах западной Сибири. А огромный клык древнего животного перекачавал из кузова самосвала в местный краеведческий музей.

Травы, травы, травы...

Увлекательно рассказывает о зеленом покрове земли, сотканном из величайшего множества трав, Петр Михайлович Шалагинов, миасский краевед.

— Известно,— говорит он,— что листья подорожника заживляют раны. Растиранный в воде корень мыльнянки образует пену, ее можно использовать при стирке белья. Для туристов, для путешественников этот корень — прямо находка. А подморенник мягкий сворачивает молоко. Саранка издавна славится как деликатес...

Иными растениями, при случае, можно пользоваться как часами, компасом, баро-

метром. Так, раскрытые венчики полевого вьюнка предвещают ясное утро, а цветы красного клевера, указывая на пасмурную погоду, складываются. Богородскую траву хозяйки запасают впрок — ее пьют от бессонницы.

850 видов и разновидностей растущих на Урале трав описал П. М. Шалагинов за 60 лет увлечения народной медициной. По поручению Всесоюзного института лекарственных растений он разыскивает сейчас ядовитый лесной чаец, который благотворно действует на центральную нервную систему, снижает артериальное давление.

Как видения далекого прошлого, ныне мелькают в морских просторах клиперы, фрегаты и бригантины — их осталось в мире всего несколько десятков.

Осенью этого года советская парусная шхуна «Заря» вернулась из шестнадцатой экспедиции. Эта немагнитная шхуна построена всего лишь двадцать три года назад. Парусник пробежал за свой короткий век уже около полумиллиона миль.

Разнообразна орнитологическая фауна Якутии. В тайге и тундре обитают гагары и цапли, лебеди и гуси, утки и гаги, соколы и кречеты, кобчики и ястребы, орланы и беркуты, куropатки и глухари, журавли и кулики, розовые чайки и щеголи, кукушки и совы, сычи и стрижи, трясогузки и сорокопуды, дрозды и соловьи, пеночки и клесты...

По Вилюю широко распространена маленькая пеночка-зарничка. Она весит всего шесть граммов, а поет громко и высоко. А пеночка-теньковка, весящая

От пеночки до лебедя

восемь граммов, без усталости поет свои простенькие песенки «чиви-чиви-фьюит» с мая до середины сентября.

В бассейне же Вилюя можно увидеть и царь-птицу — лебеда-кликуна. В отличие от пеночки он кричит лишь в мае. Весит эта птица до десяти килограммов.

Символом красоты у якутов считается белый журавль — стерх. Это, пожа-

луй, самая популярная на севере птица, про которую сложено много песен и стихов. Белые журавли гнездятся на Вилюе и Алазее, на Индигирке и у Хромской губы. Впервые эта прекрасная птица была открыта и описана Палласом в 1773 году.

Сибирская кукша знаменита тем, что способна к звукоподражанию. Юннаты Нюрбинской средней школы за месяц научили двух птенцов кукши высвистывать сложную мелодию песни «Крутится, вертится шар голубой».

Шахматный «автомат»

В конце царствования Екатерины II по России разъезжал механик Кемпелен со своим автоматом — игроком в шахматы. Автомат был сделан в рост человека, одет в турецкое платье и сидел за ящиком, посередине которого находилась шахматная доска.

Перед началом партии механик показывал публике все затейливые пружины, колеса и цилиндры. Затем заводил пружину громадным ключом. Турок, кивнув головой, брал пальцами пешку и делал первый ход. И никто из самых известных игроков в шахматы того времени не мог обыграть шахматиста-автомата.

Известие о шахматном автомате наделало много шума в Европе. Императрица Екатерина пожелала видеть знаменитого механического шахматиста. Она даже изъявила желание купить чудесный автомат, но Кемпелен ловко отклонил это предложение.

Вскоре, однако, разразился скандал: открылось, что шахматный автомат — мистификация. В автомате помещался безногий и однорукий поляк Вронский, он и играл в шахматы. Умный, энергичный, Вронский сам придумал устройство, а Кемпелен был его помощником.

Геотермальный карп

Близ Тюмени строится первый в стране завод по выращиванию рыбы в геотермальной воде.

Рыба будет жить в крытых бассейнах с теплой, поступающей из скважин азрированной водой. Как показали опыты, в таких условиях рыба растет во много раз быстрее, чем в местах естественного обитания.

Ежегодно завод будет выдавать по 1000 центнеров карпа.

Фото Ивана Сапожкова

Бессеребряная фотография

Белорусские химики в содружестве со специалистами из Новосибирска впервые получили фотографическое изображение, в котором серебро не используется вообще или его расход сокращается в тысячи раз. Светочувствительный состав — смесь хлорида палладия или оксалат трехвалентного железа.

Полосатый гость

В одном из летних походов мы остановились на привал около густых зарослей малины. Расстелили скатерть, разложили еду. Полбуханки хлеба кто-то отложил в сторону, к кустам. Когда все расселись и разговоры затихли, раздался свист, а затем на хлеб вскочил бурундук. И замер, словно выжидая, что будет дальше.

Тихо-тихо поднимаюсь, чтобы взять в палатке фотоаппарат, но зверек, испугавшись меня, исчезает. На всякий случай сажусь с аппаратом в метре от хлеба. Вдруг бурундук снова придет? Зверек появляется, как и в пер-

вый раз, неожиданно. Спускаемый затвор испугал его, но ненадолго. Поняв, что опасности нет, бурундук принялся грызть хлеб. Вдоволь, видно, наелся он вкусного хлеба и набил защечные мешки. Скоро бурундук вернулся: разгрузил мешочки и опять давай заполнять их. Пять раз приходил к нам за хлебом про запас, пока мы пообедали недалеко от его жилища.

Петр ДЕРКАЧ
Фото автора

Алтарь Вита Ствоша

Алтарь в Мариакком костеле в кракове работы Вита Ствоша, знаменитого резчика по дереву, жившего в XV веке, — выдающийся памятник польского искусства. Драматична судьба этого выдающегося шедевра искусства.

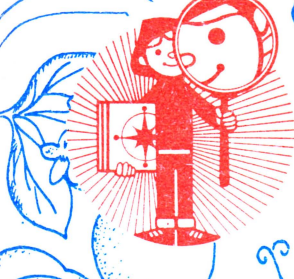
Сразу после начала второй мировой войны работники музея разобрали алтарь, упаковали все в ящики, тайно перевезли и спрятали в подвалах Сандомирского собора. Однако нашелся предатель, который выдал фашистам местонахождение тайника.

В октябре 1939 года ящики были доставлены в подземные хранилища государственного банка в Берлине. Нацисты намеревались установить алтарь в церкви святого Лоренца в Нюрнберге, куда и перевезли его, но в разобранном виде он так и пролежал до разгрома гитлеровского рейха.

В 1946 году алтарь был возвращен Польше. Теперь он снова занял свое прежнее место в Мариакком костеле.

На снимке: почтовая марка, выпущенная в честь шедевра искусства — алтаря Вита Ствоша.

Я не сразу понял, что они делают там, эти три парня, в стороне от других пляжников, за ивовым кустом. Сидели на песке, подставив солнцу чугунные от загара спины, плечо к плечу сидели. Рядом с ними гитара лежала и транзисторный приемник наяривал песенку о том, как «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет».

— Вот они,— показал запыхавшийся Мишка, а я и Пилигримма-то у них не сразу увидел. Только парни вдруг поднялись на ноги, и один из них щелкнул зажигалкой, а второй — он стоял спиной ко мне — тотчас бросил на землю какой-то трепыхающийся комок. И комок этот моментально вскопчил на лапки и, тонко повизгивая, метнулся в сторону от пляжа. Тут-то я и узнал Пилигримма. Это

он бежал, и, коротко привязанная к его хвосту, моталась за ним горячая тряпка.

— Фашисты! — закричал я. — Ублюдки!

И бросился к тем троим, замолотил кулаками по чугунной, непробиваемой спине.

Не тут-то было, не на Кольку я налетел... Он обернулся ко мне — тот, которого я лупил. Взгляд изумленный и нос здорово приплюснут, и челюсть квадратная, и уши к вискам блинами прижаты, а на шее медный крестик болтается. Обернулся и, гакнув, взмахнул рукой.

Последнее, что я увидел — две узкие полоски, желтую и белую: песок и воду. И этих трех негодяев — они почему-то вверх ногами стояли...

Кто-то лил мне на голову воду и не то спрашивал, не то внушал:

— Ты живой, парень, живой?! Ты живой, парень?..

Эпизод этот из новой повести Валентина САФОНОВА «Ленивое лето». От лица подростка — Семена Пастухова — ведется рассказ о том, как он со своим приятелем Колькой проводит летние каникулы в родной небольшой деревне. В прошлом году ребята отдыхали так же: помогали немного взрослым по хозяйству, купались, загорали. Бесхлопотно и бездумно прошло то лето. А в это — Семена словно подменили. Даже с другом Колькой отношения переменялись. И не могли они перемениться хотя бы после такого разговора:

— Колька, — окликнул я, потому что мне опротивели и его молчание, и его вздохи. — Слышь, Колька, у тебя какой смысл в жизни?

— Чего? — Он до того удивился, что придержал шаг. — Чего ты мелешь?

— Вот зачем ты живешь? Вообще на земле? Ты думаешь?

Он фыркнул:

— Была бы охота мозги запесочивать. Живу и живу. Просто так, сам по себе. Мать родила, вот и живу ..

Повесть «Ленивое лето» будет опубликована в «Уральском следопыте» в первых номерах 1976 года.

Читатели познакомятся на страницах журнала и с новой приключенческой повестью Александра КУЗНЕЦОВА «Пелена». В планах публикации на следующий год интересные произведения на современные и исторические темы, юмористическая повесть чешского писателя Индржиха ПЛАХТЫ «А мина семьи Пучалковы х», и, как всегда, фантастика.

Позади знаменательная дата — 30-летие Победы над фашистской Германией, — но в нашем журнале, как и прежде, будут регулярно публиковаться очерки и рассказы о подвигах героев Великой Отечественной войны. Редакция продолжит уже завязавшийся на страницах журнала разговор с подростками о выборе жизненного пути. Специально для выпускников школ по их многочисленным просьбам мы будем знакомить наших юных читателей с самыми различными профессиями.

В 1976 году мы будем рассказывать нашим читателям о крупных новостройках — теперь уже о новостройках Десятой пятилетки.

Читайте в 1976 году

ЕЩЕ РАЗ НАПОМИНАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ, ЧТО ПОДПИСКА НА НАШ ЖУРНАЛ ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО.

НАШ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» — 73413.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 РУБ. 60 КОП.

